Андрей Юрьевич Скляров

Приложения к трактату «Основы физики духа»

Приложение № 1 .

«Единая Физика Духа и Материи как новая научная парадигма»

Данная работа адресована прежде всего тем, кто ознакомился с трактатом автора «Нелепая попытка примиренческого шарлатанства» («Основы физики духа»). Другим же читателям в некоторых местах будет затруднительно понимать, о чем, собственно, идет речь… Хотя и «обратный порядок» прочтения все-таки вполне возможен…

Во избежание недоразумений автор также должен предупредить, что, как и в трактате, использование им тех или иных цитат вовсе не означает, что автор разделяет целиком и полностью взгляды и выводы тех, чьи цитаты приводятся…

Автор чрезвычайно признателен Б.Кулику, Ю.Лебедеву, Б.Полосухину и А Яшину за предварительный анализ и оценку данного Приложения.

Процесс совершенствования наших представлений об окружающем мире вовсе не является постепенным накоплением данных и формированием все более точных теорий. Напротив, в истории науки помимо периодов «плавного развития» отчетливо выделяются времена бурной смены одних представлений другими. Весьма подробное исследование причин данной неравномерности было проведено в свое время Томасом Куном, на основные результаты которого мы будем опираться в дальнейшем, и которое использует понятие «научная парадигма», охватывающее совокупность базовых положений, ценностей и убеждений, принятых в научной среде в некий момент времени.

Реальное научное исследование не в состоянии охватить сразу все разнообразные аспекты изучаемых явлений. Реальный ученый просто физически не способен провести все возможные эксперименты и лабораторные испытания, имеющие отношение к исследуемому им явлению. Поэтому объективно и субъективно ученый вынужден ограничивать как «поле поиска», так и возможный набор используемых способов исследования. Таким образом, он неизбежно вносит в изучаемую область определенную систему априорных убеждений, фундаментальных философских установок и ответов на вопрос о природе реальности.

Упрощая себе задачу, исследователь в то же время вносит искажения в еще неполученный результат. Итогом этого является тот факт, что даже самые строгие эмпирические наблюдения сами по себе не дают никаких гарантий единственных и однозначных решений. И одни и те же эмпирические данные могут быть объяснены в рамках разных, иногда даже противоречащих друг другу, научных парадигм.

Простейший пример: явления теплообмена, которые изначально успешно анализировались с позиций «теплородной» теории, в дальнейшем получили свои объяснения с точки зрения

молекулярной кинетики. При этом даже сохранились макросоотношения, полученные в рамках «теплородной» теории…

Упомянутое «упрощение исследования» приводит, естественно, как к положительным, так и к отрицательным последствиям. С одной стороны, упрощение позволяет добиться ускоренного решения «прикладных» задач, - задач, не затрагивающих базовые положения научной парадигмы, лежащей в основе упрощения.

С другой стороны, принятие научным сообществом той ли иной парадигмы замедляет развитие тех областей знания, которые «не вписываются» в принятую парадигму. Это обуславливается, во-первых, объективным фактором: научная парадигма определяет «разрешенное» проблемное поле, устанавливает допустимые методы и набор стандартных решений. Во-вторых, имеет место влияние и субъективного фактора: научное сообщество сдерживает и иногда даже подавляет ту новизну, которая способна подорвать положения принятой парадигмы.

«Ученый, занятый нормальной наукой, становится решателем задач. Парадигма для него - то, что само собой разумеется, и ему совсем не интересно проверять ее надежность. На самом деле он существенно укрепляет ее фундаментальные допущения. Этому в частности есть такие вполне понятные объяснения, как энергия и время, затраченные в прошлом на обучение, или академическое признание, тесно связанное с разработкой данной парадигмы» (С.Гроф, «За пределами мозга»).

Автор не склонен разделять мнение С.Грофа о том, что подобная наука является «нормальной» и скорее бы назвал ее «официальной наукой»…

Однако не следует забывать, что любая научная парадигма - это лишь схема, но не сама истина. Вследствие этого рано или поздно повседневная научная практика начинает сталкиваться с разного рода «аномалиями». В одних случаях какие-то приборы перестают работать так, как предсказывает парадигма; в других - наблюдения начинают обнаруживать то, что никак не вмещается в существующую систему убеждений; в третьих - какие-то насущные проблемы упорно не поддаются настойчивым усилиям выдающихся специалистов…

«В соответствии с теорией Франка каждая научная система базируется на небольшом числе основных утверждений о реальности или аксиом, которые считаются самоочевидными. Истинность аксиом определяется не рассуждением, а непосредственной интуицией; они произведены имагинативными способностями ума, а не логикой. Применяя строгие логические процедуры, можно извлечь из аксиом систему других утверждений или теорем. Возникнет чисто логическая по природе теоретическая система - она подтверждает саму себя, и ее истинность по существу не зависит от физических случайностей, происходящих в мире. Чтобы оценить степень практической применимости и соответствия такой системы, следует проверить ее отношение к эмпирическим наблюдениям» (там же).

Но ведь одни и те же эмпирические данные могут анализироваться с позиций разных парадигм… Поэтому

«Пока научное сообщество остается под чарами парадигмы, одних аномалий будет недостаточно, чтобы засомневаться в обоснованности базовых допущений. Поначалу неожиданные результаты будут называться «плохими исследованиями», поскольку диапазон возможных результатов четко определен парадигмой. Когда результаты подтверждаются повторными экспериментами, это может привести к кризису в данной области. Однако даже тогда ученые не откажутся от парадигмы, которая привела их к кризису. Научная теория, однажды получившая статус парадигмы, до тех пор будет в ходу, пока ей не найдется жизнеспособной альтернативы» (там же).

«И все же после периода утомительных и бесполезных усилий аномалия вдруг выходит за рамки еще одной загадки, и данная дисциплина вступает в период экстраординарной науки. Лучшие умы в этой области концентрируют свое внимание на проблеме. Критерии исследования начинают слабеть, экспериментаторы становятся менее предубежденными и готовыми рассматривать дерзкие альтернативы. Растет число конкурирующих обоснований, причем они все больше расходятся по смыслу. Неудовлетворенность существующей парадигмой возрастает и выражается все более недвусмысленно. Ученые готовы обратиться за помощью к философам и обсуждать с ними фундаментальные установки - о чем и речи не могло быть в период нормальных изысканий. До и во время научных революций происходят также горячие дебаты о законности методов, проблем и стандартов. В этих обстоятельствах, с развитием кризиса возрастает профессиональная неуверенность. Несостоятельность старых правил ведет к интенсивным поискам новых» (там же).

Это происходит тогда, когда количество «аномалий» преодолевает некую «пороговую величину», не позволяющую их списывать на «плохие исследования». И какими бы жесткими ограничениями не пыталась бы старая научная парадигма оградить себя от посягательств на свои базовые положения, этим она может лишь оттянуть на некоторое время наступление своего конца… В любом научном сообществе всегда находятся люди, способные не только использовать стандартные приемы и методы, но и находить новые неожиданные решения.

«…наука не управляется и не может управляться системой жестких, неизменных и абсолютных принципов. В истории немало очевидных примеров тому, что наука является по существу анархическим предприятием. Попрание основных гносеологических правил было не случайным событием - это было необходимо для научного прогресса. Самые успешные научные изыскания никогда не следовали рациональному методу. В истории науки вообще и во время великих революций в частности более решительное применение канонов текущего научного метода не ускоряло бы развитие, а приводило бы к застою» (П.Фейерабенд, «Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания»).

В конце концов старая парадигма уступает место новой научной парадигме… Но в этом же нет ничего «страшного»…

Во-первых, после сдвига парадигмы старую теорию можно понимать в некотором смысле как частный случай новой.

А во-вторых (и это - главное), основная цель науки - в развитии знания о мироздании, а не в стремлении сохранить ту или иную теорию или парадигму. Или, говоря словами Эйнштейна:

«в науке мы ищем простейшую возможную схему мышления, которая бы связала наблюдаемые факты» …

Внимательный наблюдатель весьма легко может обнаружить в современном состоянии науки все упомянутые выше признаки кризиса старой научной парадигмы. И более того, этот внимательный наблюдатель вынужден будет согласиться со следующим выводом:

наука приближается к сдвигу парадигмы невиданных размеров, из-за которого изменятся наши понятия о реальности и человеческой природе, который соединит наконец концептуальным мостом древнюю мудрость и современную науку, примирит восточную духовность с западным прагматизмом» (С.Гроф, «За пределами мозга»).

Для того, чтобы сделать данный вывод более наглядным, вернемся немного назад в истории науки…

«В течение последних трех столетий в западной науке господствовала ньютоно-картезианская парадигма - система мышления, основанная на трудах британского естествоиспытателя Исаака Ньютона н французского философа Рене Декарта. Используя эту

модель, физика добилась удивительного прогресса и завоевала себе солидную репутацию среди всех прочих дисциплин. Ее уверенная опора на математику, эффективность в решении проблем и успешные практические приложения в различных областях повседневной жизни сделались тогда стандартом для всей науки. Умение увязывать базисные концепции и открытия с механистической моделью Вселенной, разработанной в физике Ньютона, стало важным критерием научной узаконенности в более сложных и менее разработанных областях - таких, как биология, медицина, психология, психиатрия, антропология и социология. Поначалу приверженность механистическому взгляду дала весьма позитивный толчок научному прогрессу этих наук. Однако, в ходе дальнейшего развития концептуальные схемы, выведенные из ньютоно-картезианской парадигмы, утратили свою революционную силу и стали серьезным препятствием для изысканий и прогресса в науке» (там же).

«С начала двадцатого века, претерпев глубокие и радикальные изменения, физика преодолела механистическую точку зрения на мир и все базисные допущения ньютоно-картезианской парадигмы. В этой экстраординарной трансформации она становилась все сложнее, эзотеричнее и непостижимее для большинства ученых, работавших в других областях… Фритьоф Капра и другие показали, что мировоззрение современной физики приближается к мистическому мировоззрению» (там же).

«Чем больше мы будем изучать религиозные и философские трактаты индусов, буддистов и даосов, тем более очевидным будет тот факт, что все они описывают мир в терминах движения, текучести и изменчивости. Динамический характер восточной философии представляется нам одной из важнейших ее особенностей. Восточные мистики воспринимают Вселенную как неразрывную сеть, переплетения которой носят не статический, а динамический характер. Эта космическая сеть наделена жизнью, она непрестанно движется, растет и изменяется. Современная физика, в конечном итоге, тоже пришла к восприятию мира в виде своеобразной сети взаимоотношений и, подобно восточному мистицизму, постулирует внутреннюю динамичность этой сети. С динамическим аспектом материи мы сталкиваемся в квантовой теории, описывающей двойственную природу субатомных частиц, одновременно обладающих свойствами частиц и волн, и, в еще большей степени, - в теории относительности, в которой… предполагается, что материя не может существовать вне движения. Следовательно, свойства субатомных частиц можно объяснить только в контексте динамической картины мира, то есть в терминах перемещений, взаимодействий и преобразований» (Ф.Капра, «Дао физики»).

«Квантовая теория обнаружила, что частицы - это не изолированные крупицы вещества, а вероятностные модели-переплетения в неразрывной космической сети. Теория относительности вдохнула жизнь в эти абстрактные паттерны, пролив свет на их динамическую сущность. Она показала, что материя не может существовать вне движения и становления. Частицы субатомного мира активны не только потому, что они очень быстро движутся; они являются процессами сами по себе!» (там же).

«Представление о физических объектах и явлениях как о преходящих проявлениях лежащей в их основе фундаментальной сущности есть не только основной элемент квантовой теории поля, но и основной элемент восточного мировоззрения. Подобно Эйнштейну, восточные мистики рассматривали эту фундаментальную сущность в качестве единственной реальности: все ее проявления рассматривались как преходящие и иллюзорные» (там же).

Можно сказать, что физика, разогнавшись в своем развитии как тяжелый локомотив, смела со своего пути все попытки старой ньютоно-картезианской парадигмы противиться теории Эйнштейна и квантовым представлениям, и умчалась далеко вперед, постепенно вырисовывая все более отчетливо контуры новой научной парадигмы.

Сложнее было другим отраслям знания…

«Таким дисциплинам, как медицина, психология и психиатрия, не удалось приспособиться к этим быстрым переменам и укоренить их в своем способе мышления. Мировоззрение, уже давно устаревшее для современной физики, по-прежнему считается научным во многих других областях - в ущерб будущему прогрессу. Наблюдения и факты, противоречащие механистической модели Вселенной, чаще всего отбрасываются или замалчиваются, а исследовательские проекты, не относящиеся к доминирующей парадигме, лишаются финансирования. Самые яркие тому примеры - психология, альтернативные подходы в медицине, исследования психоделиков, танатология и некоторые области полевых антропологических исследований» (С.Гроф, «За пределами мозга»).

«Вера в то, что сознание производится головным мозгом, разумеется, не совсем произвольна. Она основывается на большом числе наблюдений в клинической и экспериментальной неврологии и психиатрии, которые указывают на тесную связь между различными аспектами сознания и физиологическими или патологическими процессами в головном мозге - такими, как травмы, опухоли или инфекции… Эти наблюдения без всякого сомнения демонстрируют существование тесной связи между сознанием и головным мозгом, однако не обязательно доказывают, что сознание является продуктом мозга. Логика этого полученного механистической наукой вывода весьма сомнительна, и, разумеется, можно себе представить теоретические системы, которые объясняли бы имеющиеся данные совершенно иначе» (там же).

Но в психологии сторонникам иных теоретических систем, в силу специфических отличий данной отрасли науки от, скажем, физики, пробить себе дорогу оказалось гораздо более трудной задачей, поскольку до недавнего времени их успехи были не столь велики как успехи их коллег-физиков. Приверженцев же старой ньютоно-картезианской механистической парадигмы совершенно не смущала слабость их собственных позиций (как говорится, кто первый встал - того и сапоги)…

«Вероятность того, что человеческая разумность развилась из химического ила первобытного океана благодаря всего-навсего случайной последовательности механических процессов, кто-то недавно очень удачно сравнил с вероятностью того, что ураган, пронесшийся сквозь гигантскую помойку, случайно соберет «Боинг-747»» (там же).

Игнорируя очевидные нелепости типа вышеприведенной, вытекающие из попыток объяснения свойств и особенностей сознания в рамках ньютоно-картезианской парадигмы, сторонники этой старой парадигмы, злоупотребляя своим правом «хозяина положения», не гнушались и использованием «запрещенных приемов»:

«Сотворенный западной наукой образ вселенной является прагматически полезной конструкцией, помогающей организовывать наблюдения и получать данные. Однако его слишком часто путают с точным и всесторонним описанием реальности. В результате этой гносеологической ошибки перцептуальное и когнитивное соответствие с ньютоно-картезианским мировоззрением считается обязательным для нормальной психики. Серьезные отклонения от такого «правильного восприятия реальности» рассматриваются поэтому как знаки серьезной психопатологии, отражающие расстройство или повреждение органов чувств и центральной нервной системы, общее нездоровье или болезнь. В этом контексте необычные состояния сознания обычно считаются (с некоторыми исключениями) симптомами умственного расстройства. Сам термин «измененные состояния сознания» ясно предполагает, что они представляют собой искаженные или неполноценные версии правильного восприятия «объективной реальности»» (там же).

В этих условиях те, кого положения старой парадигмы повергали в серьезные сомнения, использовали «хитрый», но очень сильный ход: они оставили в стороне вопросы, которые непосредственно затрагивали базовые положения механистической парадигмы о природе сознания, и занялись исследованием непосредственно его свойств. Конечно, это не было

результатом какого-либо предварительного «сговора заинтересованных лиц» и не носило характера единовременного акта. Но когда перед исследователем встает выбор: либо настаивать на своем мировоззрения, противоречащем официально принятой научной парадигме, и отражать целый шквал нападок, либо «помолчать в тряпочку» и продолжать исследования, -многие, естественно, выбирают (до поры до времени) именно второй путь.

И тут специфика реальности, исследуемой психологией, автоматически сыграла на руку противникам ньютоно-картезианской механистической (читай - материалистической) парадигмы, поскольку исследуемый объект - сознание - изначально попадал в категорию объектов, подверженных сильнейшему влиянию т.н. субъективного фактора (т.е. самого сознания). В этих условиях никакие оппоненты просто не могли требовать от эмпирических исследований полного исключения субъективных факторов из используемых методов и приемов. Таким образом, замена термина «душа» словом «психика» обеспечивала возможность спокойной работы даже ярым противникам материалистического подхода.

Постепенно те, на ком лежала «почетная обязанность» подтверждения официальной парадигмы, были фактически вытеснены за пределы психологии в новые научные направления: неврологию и нейрофизиологию…

Тут, наверняка, раздадутся возмущенные возгласы, недовольные подобной трактовкой: дескать, неврология и нейрофизиология никуда не делись от исследований сознания, т.е. остались в рамках психологии. И это будет справедливо, если понимать термин «психология» в самом широком смысле этого слова. Но если учесть громадную все увеличивающуюся пропасть между «узкой» практической психологией и неврологией с нейрофизиологией, то нельзя не признать выделения последних двух в практически самостоятельные научные дисциплины. Так в бюрократической системе, когда возникает необходимость в интересах дела удалить того или иного начальника, ему предоставляется какая-нибудь иная (не менее «почетная») должность на другом направлении…

Данный ход событий позволил психологам (здесь и далее о психологии речь идет именно в «узком» смысле) получить необходимую «передышку» и накопить такое количество эмпирического материала, который позволили им не только опровергнуть многие выводы ньютоно-картезианской парадигмы в области сознания, но и вспомнить о том, что изначально сам термин «психология» произошел от «психэ»-«душа»…

Прежде всего, эмпирические исследования показали, что те самые «измененные состояния сознания» вовсе не являются какими-то «аномалиями» или «болезнью», а наоборот, представляют из себя такие состояния человеческой психики, в которых она находится подавляющее количество времени. Поскольку с объяснением «обычного» сознания у ньютоно-картезианской парадигмы и то были проблемы, а уж с «измененными состояниями» и подавно, постольку упомянутый вывод ученых имеет кардинальное значение, хотя и кажется очевидным с точки зрения повседневной практики…

Действительно. Любой из нас может легко обнаружить, что наши мысли гораздо чаще заняты какими-либо проблемами (обдумыванием ситуации, анализом возможных вариантов развития событий, личными переживаниями и т.д. и т.п.) нежели непосредственным восприятием окружающей реальности. По сути, основную часть времени наше сознание находится в том или ином «состоянии легкого транса», даже если ничего не употреблять вовнутрь…

Эмпирические исследования также показали, что эти самые «измененные состояния сознания» непосредственно связаны с деятельностью той части психики, которая называется «подсознанием» (или «бессознательным»). А изучение подсознания стало все больше привлекать внимание психологов к древним и восточным духовным практикам, гипнозу, медитации, трансовым состояниям и т.п., - всему тому, что ранее связывалось с «мистикой». Первопроходцем здесь был еще К.Г.Юнг, который обнаружил явное сходство приемов и

методов «мистических школ» с особенностями деятельности подсознания.

Таким образом, психология постепенно двинулась в том же направлении, куда устремилась физика. Все это происходило практически одновременно, только физика сделала решающий рывок чуть ранее, а психология наиболее интенсивно продвигается в сторону Востока лишь последние десятилетия. И именно в эти десятилетия становится практически очевидным абсолютное бессилие старой научной парадигмы.

«Эксперименты с гипнозом, сенсорной изоляцией и перегрузкой, сознательный контроль внутренних состояний, биообратная связь и акупунктура высветили многое в древних и восточных практиках и вместе с тем обнаружили больше концептуальных проблем, чем удовлетворительных решений» (там же).

К физике с психологией начали подтягиваться другие отрасли знания, что фактически придало утере позиций старой научной парадигмой характер полного обвала. Она оказывается полностью бесплодной в громадной области нашего бытия.

«Совершенно ясно, что старые научные модели не в состоянии представить удовлетворительные решения гуманитарных проблем, с которыми мы столкнулись в индивидуальном, социальном, интернациональном и глобальном масштабе. Многие выдающиеся ученые выражали растущее подозрение, что механистическое мировоззрение западной науки на самом деле существенно способствовало нынешнему кризису, если вообще не породило его» (там же).

«Объяснительная слабость старой парадигмы еще более очевидна в отношении таких важных социокультурных явлений как шаманизм, религия, мистицизм, ритуалы перехода, древние мистерии и церемонии целительства в различных доиндустриальных культурах. В нынешней тенденции низвести мистические переживания и духовную жизнь до культурно приемлемых квазипсихотических состояний, до примитивного суеверия или неразрешенных детских конфликтов и зависимостей, ясно видно серьезное непонимание их истинной природы» (там же).

«Растет интерес к развитию сознания как к возможности избежать глобальный крах. Это проявляется во все большей популярности медитации, других древних и восточных духовных практик, эмпирической психотерапии. а также клинических и лабораторных исследовании сознания. В этих занятиях по-новому освещается тот факт, что традиционные парадигмы не в состоянии учесть и воспринять огромное число серьезных наблюдений из различных областей и источников, которые ставят под сомнение старые взгляды. В совокупности эти данные чрезвычайно важны, они указывают на настоятельную необходимость основательно пересмотреть наши фундаментальные понятия о природе человека и природе реальности» (там же).

Свою лепту в кризис старой парадигмы внесли и те исследования, которые легли ныне в основу такого направления как синергетика. Эти исследования, относящиеся к совершенно разнообразным аспектам нашего бытия, выявили множество феноменов, с одной стороны, явно подчиняющихся определенным закономерностям, а с другой - закономерностям, не являющимся законами детерминизма, который вытекает из ньютоно-картезианской парадигмы. Результатом данных исследований явилось формирование целых научных направлений, описывающих поведение этих феноменов. В их числе можно назвать теорию диссипативных структур, теорию переходных процессов, теорию самоорганизующихся систем, теорию алгоритмов, теорию клеточных автоматов, интуиционистскую математику, теорию категорий, теорию бифуркаций или теорию катастроф и т.д. и т.п.

«Совокупность знаний о хаосе и порядке, переходных процессах, фракталах и нелинейности, которые называют синергетикой, понимают и как теорию, и как учение, и как науку, и как

мировоззрение, исходящие из самых различных образов, фактов, представлений о хаосе, порядке, когерентности, переходных и кооперативных процессах в природе, обществе, духовном мире» (В.Аршинов, В.Войцехович, «Синергетическое знание: между сетью и принципами»)

«Синергетика основана на идеях системности или, можно сказать, целостности мира и научного знания о нем, общности закономерности развития объектов всех уровней материальной и духовной организации, нелинейности (многовариантности и необратимости) развития, глубинной взаимосвязи хаоса и порядка (случайности и необходимости). Перечень идей, формирующих синергетику как парадигму, с необходимостью включает в себя нелинейность, самоорганизацию, открытость системы, ее неравновесность и.т.д.» (там же).

«Специалисты в области теории хаоса в физике приходят к ряду интересных заключений философского характера. З.Гроссман подчеркнул, что нелинейная динамика сложных систем является для нас источником нового дуализма. Если квантовая механика установила дуализм волновых и корпускулярных свойств микрообъектов, то нелинейная динамика открыла дуализм детерминированного и стохастического. Сложные структурные образования в природе являются одновременно и детерминированными, и стохастическими» (Е.Князева, «Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе»).

Помимо отхода от позиций детерминизма, в достижениях синергетики можно обнаружить еще целый ряд признаков ее отдаления от старой ньютоно-картезианской парадигмы. Очень любопытным в этом плане представляется вопрос о так называемых фракталах.

«Принцип фрактальности означает способность логики выразить промежуточные, «дробные» состояния эволюционирующего объекта. Такая логика должна быть основана на «дробных» понятиях, суждениях, умозаключениях. Например, для описания гусеницы, окружившей себя коконом осенью и превращающейся за зиму в бабочку, приходится интуитивно вводить «дроби»: 1 декабря в коконе - нечто (2/3 гусеницы, 1/3 бабочки), 1 января - иное нечто (2/3 гусеницы, 1/3 бабочки) и т.д. Принцип фрактальности выступает как принцип темпоральности, или множественности времен. Он вводит внешнее и внутреннее время, время становления и бытия» (В.Аршинов, В.Войцехович, «Синергетическое знание: между сетью и принципами»).

«Принцип фрактального гомоморфизма (всеобщего подобия) фиксирует, с одной стороны, фундаментальность не того, ЧТО отражается, а КАК… а с другой стороны, означает взаимоподобие дробных структур любого масштаба» (там же).

«Еще более общие формальные схемы становления вводит теория категорий. В интерпретации Ф.У.Ловера категории понимаются как самоорганизующееся, «шевелящееся» бытие, в котором как бы нет элементов. Для морфизма (отображения) существенно не ЧТО отображается, а КАК. В модели становления Ловера работают диалектическая (сопряженная) пара: функтор-хаос и функтор-порядок. Возникает как бы рефлексия (взаимное отражение, переходящее в бесконечное отображение порядка и хаоса друг в друге, как в параллельных зеркалах). Их дитя - становление» (В.Войцехович, «О логике и математике синергетики»).

Таким образом, «фрактальные» феномены выводят нас на вопрос, в котором обнаруживается явное «лукавство» ньютоно-картезианской парадигмы в одном из своих базовых положений. Это лукавство заключается в том, что, с одной стороны, акцент в рамках этой научной парадигмы ставится именно на объектах (т.е. на ЧТО); а с другой - сами объекты определяются, исходя из тех свойств, которые они проявляют во взаимодействии с другими объектами. Т.е. сами объекты определяются по тому, КАК они способны взаимодействовать. Получается, что в естествознании уже давно «негласно» используется положение, противоречащее одному из базовых принципов господствующей парадигмы!..

Используя математический аппарат синергетики, свой вклад в разрушение старой

ньютоно-картезианской материалистической парадигмы решили внести и лингвисты, которые вслед за психологами всерьез «вспомнили о душе»…

«…положение дел конгениально тому, что в герменевтике принято называть герменевтическим кругом, когда в процедуре понимания того или иного содержания (допустим, фрагмента текста) вычленяются символические формы, несущие в себе смысловые характеристики текста в целом и обеспечивающие доступ к последнему, хотя каждая отдельная часть текста не может быть носителем этих форм. При этом ситуация понимания в значительной степени зависит от того, как в каждой конкретной ситуации осуществляется становление такого целостного восприятия. Вслед за Дж. Николисом можно предположить наличие в когнитивном аппарате множество сосуществующих (странных) аттракторов, притягивающих к себе целые подмножества начальных предпосылок и предсмыслов (в этом, собственно, и заключается эффект сжатия информации). Тогда синергетическое движение в языке действительно предполагает наличие информационного канала, обеспечивающего связь живого существа с внешней средой. Причем такой канал не может описываться только лишь с помощью понятий «приемник», «передатчик», «обратная связь» и т.п., но должен также рассматриваться как самостоятельный («натурально существующий») объект, обладающий внутренними собственными функциями и вбирающий в себя часть работы, связанной с пониманием того или иного фрагмента реальности. При этом на какое-то время следует оставить разговоры о привносимых в ситуацию коммуникации ошибках, возникающих за счет разного рода «шумов» и «аппаратных несовершенств». Скорее, имеет смысл вести речь о наличии у такого когнитивного канала некой «непрозрачной» для прямого рационализирующего взгляда области («души»), в которой совершается, по крайней мере частично, процесс смысловозникновения, традиционно помещаемый только в голову познающего субъекта. Говоря математическим языком, отображение между исходными сигналами, поступающими от внешнего мира, и аттракторами - категориями, структурирующими знание об этом мире, неоднозначно» (В.Аршинов, Я.Свирский, «Синергетическое движение в языке»).

И уж совсем обескураживающим оказывается факт, что нейрофизиология (которая, казалось бы, должна была лишь подтверждать материалистический взгляд на природу сознания) также на полном серьезе заговорила о душе. Так, по мнению Н.П.Бехтеревой, создателя Института Мозга Человека Российской Академии Наук, одними свойствами и особенностями функционирования материального мозга человека невозможно объяснить все аспекты деятельности сознания. Для этого необходимо допустить реальное наличие у человека некоей нематериальной составляющей…

Но вернемся к синергетике…

Практически вся синергетика строится на положении о том, что существует действительное сходство закономерностей в различных областях бытия, а это сходство обуславливается глубоким единством и целостностью мира. Поэтому достижения одних отраслей знания могут быть применимы и в других областях. И действительно, аппарат синергетики нашел применение, например, в медицине, психиатрии и психологии.

«Применяя теорию динамических систем к медицине, У. ан дер Хайден предложил и активно развивает понятие «динамическая болезнь». Человеческий организм является самовоспроизводящейся, самоподдерживающейся системой. Теории хаоса и нелинейной динамики играют сегодня практическую роль в распознавании и лечении болезней, в частности, в предупреждении острых приступов болезней… Вопрос заключается в том, сколько хаоса нужно человеку, чтобы оставаться здоровым; сколько хаоса может вынести человеческий организм, чтобы не заболеть; когда хаотические колебания нормальны, когда опасны» (Е.Князева, «Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе»).

«Как возможно применение нелинейной динамики в психиатрии, было продемонстрировано, в

частности, в докладе Х.Эмриха. Аффективные психозы представляют собой неожиданные фазы нестабильности психической деятельности человека. Приступы обострения болезни внезапны для самого больного, но они, оказывается, повторяются по некоторому нелинейному закону. Можно проследить определенные, иногда многолетние, циклы в течении болезни. Изучая нелинейную динамику и построив фазовый календарь нестабильностей, можно - в определенных пределах - предсказывать сроки очередного обострения болезни» (там же).

«Принципы формирования структур в восприятии и познании человека были рассмотрены в докладе М.Штадлера. Синергетический подход к когнитивным системам имеет глубокие параллели с гештальтпсихологией (В.Келер и др.). Латентная тенденция к четкости, придающая когнитивной динамике определенный толчок и направление, представляет собой, по сути дела, вектор к стабильным состояниям порядка (аттракторам, выражаясь на синергетическом языке). Стабильное конечное состояние всегда является наиболее простым и упорядоченным состоянием. Значения распознаваемого образа понимаются Штадлером как стабильные упорядоченные образования в процессе когнитивной самоорганизации» (там же).

Отметим, что понятия «аттрактор», «нелинейная динамика» и «теория хаоса» изначально использовались в описании «сугубо материальных» систем, обладающих сильной неравновесностью и неустойчивостью, т.е. той области реальности, изучением которой занимается физика. А физика, как мы видели ранее, уверенно «потянулась в сторону Востока». Вместе с ней двинулась и синергетика, охватывающая различные отрасли наук…

«…параллели с восточными мистическими учениями обнаруживаются не только в физике, но и в биологии, психологии и других науках. Изучая взаимосвязи между физикой и этими науками, я обнаружил, что понятия современной физики могут быть перенесены и в другие области посредством теории систем» (Ф.Капра, «Дао физики»).

Эффективность использования достижений одних наук в областях, изучаемых другими науками, неизбежно породила идею создания некоего унифицированного междисциплинарного знания (что и привело, собственно, к появлению самого направления «синергетика»). Однако объединение всего современного знания приводит и к объединению всех «аномалий», которые не в состоянии объяснить старая научная парадигма, т.е. обостряется вопрос об обоснованности ее самых базовых положений.

«Теории, в которых предпринимается попытка трансдисциплинарной унификации нашего понимания физических, биологических и психологических явлений, порождают фундаментальное изменение в наших взглядах на самих себя и на мир. Самые фундаментальные предпосылки узко дисциплинарных теорий претерпевают очень тонкие, но значительные изменения» (Э.Ласло, «Основания трансдисциплинарной единой теории»).

Итак, физики шли одним путем, психологи - другим, синергетики - третьим… И все они пришли к необходимости задуматься над справедливостью основ господствующей научной парадигмы. Т.е. наука действительно подошла не к частному, а весьма глобальному сдвигу парадигмы всеобщих масштабов!..

Но всеобщими вопросами занимается, как известно, философия. И поэтому становится очевидным, что современный уровень накопленного человечеством знания приводит нас к необходимости изменения тех философских воззрений, которые лежат в основе господствующей ныне научной парадигмы, т.е. к анализу обоснованности господства материализма в научных исследованиях.

Обращая же свои взоры к философии, мы обнаруживаем просто-таки удручающую картину: весь выбор базовых положений ограничивается всего лишь несколькими направлениями, для

перечисления которых хватит пальцев одной руки… Материализм, как следует из изложенного, трещит по всем швам, и именно его использование в качестве базы научной парадигмы, собственно, нужно пересматривать. Субъективный идеализм на роль основы новой научной парадигмы абсолютно не подходит: ну о каком научном познании мира можно вообще говорить, если представлять мир в качестве некоей «иллюзии сознания»?!.

Объективный идеализм, отрывая субстанцию «дух» от конкретных индивидов, вроде бы дает некоторую надежду, но… В его «классических» вариантах, он либо скатывается на позиции простой религиозной веры, провозглашая весь мир результатом воли некоего сверхестественного существа - Бога, либо - на позиции метафизики, полагая в основе мироздания некую иррациональную, непознаваемую духовную сущность. И можно было бы, кажется, попытаться модифицировать метафизическое направление… однако, вот беда, ну не выводятся сотни и тысячи раз выверенные детерминистические законы материального мира из свойств некоей «духовной сущности» - и все!.. Об этом свидетельствует в частности то, что на протяжении уже сотен лет метафизикам так и не удалось вывести ни одного (!) детерминистического закона хотя бы в качественном виде (о количественном и говорить не приходится)… Подобное же бессилие, как указывалось ранее, говорит о заведомом «бесплодии» метафизики в качестве базы научной парадигмы. Так что претендент явно слаб…

«Классический» вариант дуализма, признающего существование двух независимых друг от друга сущностей - материи и духа, - оставляет безо всякого объяснения один из важнейших эмпирических фактов: явное сходство законов материального мира с закономерностями поведения сознания (один из основных принципов синергетики).

Таким образом, выбор оказывается достаточно куцым… А ведь надо соединить на общей философской базе целый спектр глобальных положений и выводов современной науки: детерминистические законы косного (неживого) материального мира; закономерности (явно не детерминистические) мира живого в целом и сознания в частности; сходство законов физики и закономерностей, проявляемых живыми системами…

В этих условиях «спасительной ниточкой» представляется то монистическое философское направление, на позициях которого стоял еще Джордано Бруно. Его базовое положение: реально существует два мира (мир материальный и мир духовный), составляющие единое целое, в основе которого лежит некая единая сущность, обладающая свойствами как материи, так и духа. Как можно видеть, именно эта философия позволяет совместить «несовместимое» и снять все противоречия современного состояния науки.

Тогда составными частями новой научной парадигмы становятся следующие базисные положения: 1) наряду с материальным миром реально существует мир духовно-нематериальный; 2) в основе двух миров находится единая сущность, единая субстанция естественной природы, обладающая свойствами как материи, так и духа («дуальная первосубстанция» - в терминах трактата автора).

Из этих двух положений автоматически вытекают дополнительные принципы новой парадигмы. Первое: естественность природы духовно-нематериального мира приводит к наличию в нем познаваемых закономерностей. Второе: единство природы двух миров обуславливает сходство законов материального мира с закономерностями мира духовно-нематериального. Третье: из этого же единства природы вытекает наличие способов и методов исследования, единых для двух миров, являющихся, по сути, двумя взаимозависимыми составляющими единого мироздания. Четвертое: единство природы двух миров и сходство их закономерностей обуславливают определенное сходство самих этих миров. Пятое: единство природы двух миров обуславливает и объясняет непрерывное взаимодействие их объектов, влияние материи на дух и духа на материю.

Полноту картины новой научной парадигмы обеспечивают следующие три эмпирически вывода. Во-первых, сходство законов двух миров означает не их тождество, а симметрию. То есть выводы законов для одной области реальности нельзя «слепо» переносить на другую область без учета специфики и различий этих областей (здесь - кардинальное отличие от подхода синергетики). Во-вторых, законы духовно-нематериального мира имеют не детерминистический, а вероятностный характер (именно вероятностный, а не стохастический как в синергетике). А в-третьих, исследование двух миров вполне можно проводить, опираясь на теорию систем, согласно которой любой объект (как материальный, так и духовно-нематериальный) может быть представлен в виде определенной системы неких элементов, свойства которой определяются тремя факторами: 1) свойствами элементов структуры; 2) взаимодействием элементов системы; 3) структурой системы.

Впрочем, последнее положение вытекает из того, что существует некая субстанция («дуальная первосубстанция»), лежащая в основе всех объектов, взаимодействие между которыми определяется как свойствами самой субстанции, так и всем спектром отношений между элементами этой субстанции, составляющими объекты…

От старой парадигмы также остается несколько положений. Прежде всего: принцип причинно-следственных связей, согласно которому ничто не может произойти без наличия соответствующих причин. А во-вторых, принцип однозначности и неизменности прошлого: то, что уже произошло, невозможно изменить никоим образом. Этот принцип в рамках новой парадигмы дополняется вероятностным характером будущего, который вытекает из вероятностного характера законов духовно-нематериального мира и взаимодействия двух миров друг с другом.

Собственно, это - все, что необходимо для соединения воедино всего, что ныне известно науке… То, каким образом можно, опираясь на перечисленные положения, устранить «недоработки» господствующей научной парадигмы, довольно подробно иллюстрировано в трактате автора «Нелепая попытка примиренческого шарлатанства» («Основы физики духа»), который преднамеренно посвящен лишь духовно-нематериальным закономерностям (поскольку основные материалистические законы в какой-либо значительной доработке на данном этапе не нуждаются). По сути, Физика Духа, основы которой представлены в упомянутом трактате, является составной частью Единой Физики Духа и Материи, описывающей все известные явления мироздания.

Позволю здесь себе небольшое отступление в сторону от основной темы…

Дело в том, что в первой реакции читателей трактата отчетливо прослеживается негативное восприятие некоторой частью этих читателей анализа т.н. «паранормальных явлений» (ясновидения, телепатии, телекинеза, целительства и пр.). В подобной реакции, собственно, нет ничего удивительного, поскольку именно эти явления представляют из себя те «аномалии», которые господствующая научная парадигма ныне относит в разряд «плохих исследований» (см. выше). Этим «скептикам» автор может привести следующие соображения…

Во-первых, исследование явлений, противоречащих господствующей научной парадигме (вне зависимости от ее содержания), неизбежно «отягощено» отсутствием надежных и апробированных методик и техник, поскольку «признанные» методики и техники задаются именно той парадигмой, которой данные явления противоречат. Это - зачастую негативный результат нормативной роли именно самой господствующей парадигмы, а не некоей «недобросовестности» исследователей. Естественно, что с развитием человеческого знания в новой области будут совершенствоваться и методы исследования этой области, так что нынешняя «нестрогость» экспериментов с «паранормальными явлениями» вполне может носить лишь временный характер. Поэтому также вполне возможен такой вариант развития событий, при котором в конце концов самые «строгие» эксперименты смогут подтвердить

реальное существование «паранормальных явлений». Надо лишь немного подождать… Хватит ли для этого жизни нынешнего поколения?.. Это - уже вопрос, не имеющий никакого отношения к вопросу научной парадигмы…

Во-вторых, сама «аномальность» имеет весьма относительный характер и меняет свое содержание с течением времени. Когда-то и волновые процессы имели характер «аномалий» для физики, ориентированной на изучение лишь вещественной формы материи. Затем наступила очередь квантовых свойств занять место «аномалии»… Еще сто лет назад гипноз считался «аномалией» и шарлатанством; ныне он занимает одно из ведущих мест в практике психотерапии, куда вслед за гипнозом «перебралась» из «аномалий» и техника трансовых состояний… Несколько десятков лет назад на основе господствующей парадигмы была «научно доказана» принципиальная невозможность создания лазера, после чего его успешно создали те, кто, видимо, очень плохо ознакомился с полученными ранее заключениями. Ныне закономерности «аномального» поведения лазера успешно применяются в синергетике… Приблизительно те же несколько десятилетий назад официальная медицина категорически отвергала приемы и методы «знахарства», из которого ныне выросла гомеопатия и акупунктура, а также признание важнейшей роли доверительного и благожелательного общения врача с пациентом (что ранее запросто отнесли бы к «заговорам»)… Так что практическая наука давно двигается вперед к «аномалиям» семимильными шагами, невзирая ни на какие запреты господствующей парадигмы…

А в-третьих, тем скептикам, для которых предыдущие соображения не имеют никакого значения, автор может посоветовать перечитать трактат, «выбрасывая» все, что относится к упомянутым «паранормальным явлениям». Поскольку основная часть «Основ физики духа» посвящена вопросам эволюции, психологии и социологии, постольку подобное «обрезание» трактата абсолютно ничего не меняет как в его сути, так и в его эффективности по объяснению явлений духовно-нематериального мира. И для предлагаемой новой научной парадигмы не имеет абсолютно никакого значения, - что из «паранормальных явлений» получит подтверждение в дальнейшем, а что - нет. Если что-то окажется фикцией, то для парадигмы это - «в рамках допустимой погрешности». А если подтвердится, то объяснение этому уже готово… В этом лишь преимущество подхода…

Но вернемся к теме…

Итак, почему положения и подходы единой Физики Духа и Материи могут дать основу новой научной парадигмы, а та же синергетика (на что претендуют некоторые из ее поклонников) - нет?..

Прежде всего, новая научная парадигма должна, очевидно, обладать свойством глобальности, т.е. охватывать все области человеческого знания. Легко видеть, что Единая Физика Духа и Материи, как состоящая из двух взаимодополняющих частей («обычная» физика для мира «косной» материи и Физика Духа для духовно-нематериального мира), вполне удовлетворяет данному требованию. Что же синергетика?.. На всеобъемлемость она вовсе не претендует, хотя даже определения сферы ее исследования весьма разнообразны.

«Один из создателей синергетики Г.Хакен пишет: «Синергетика занимается изучением систем, состоящих из многих подсистем самой различной природы, таких, как электроны, атомы, молекулы, клетки, нейроны, механические элементы, фотоны, органы, животные и даже люди». Основной вопрос синергетики, по его мнению, «существуют ли общие принципы, управляющие возникновением самоорганизующихся структур и (или) функций» и Хакен дает утвердительный ответ. Таким образом, для Хакена синергетика - теория самоорганизующихся систем» (В.Аршинов, В.Войцехович, «Синергетическое знание: между сетью и принципами»).

«Термин «синергетика» происходит от греческого «синергена» - содействие, сотрудничество.

Предложенный Г.Хакеном, этот термин акцентирует внимание на согласованности взаимодействия частей при образовании структуры как единого целого» (Ю.Данилов, Б.Кадомцев, «Что такое синергетика?»).

«…наиболее плодотворный подход к трансдисциплинарной унификации наук может заключаться в принятии эволюции в качестве основного понятия» (Э.Ласло, «Основания трансдисциплинарной единой теории»)

При этом тот же «прародитель» синергетики Хакен говорит о следующем:

«Так, прочитанный мной - доклад носит весьма характерное название «Лазер, как источник новых идей в синергетике». Математики, занимающиеся теорией бифуркаций, предпочли озаглавить доклад «Теория Бифуркаций и ее приложения». Физики, изучающие фазовые переходы, представили доклад под названием «Неравновесные фазовые переходы», а специалисты по статистической механике сочли более уместным назвать тот же подход «неравновесной нелинейной статистической механикой». Другие усматривали в новой области дальнейшее развитие «термодинамики необратимых процессов», третьи нашли рассматриваемый круг явлений особенно подходящим для применения теории катастроф (сохранив за не поддающимися пока решению проблемами название «обобщенных катастроф»). Некоторые математики склонны рассматривать весь круг проблем с точки зрения структурной устойчивости. Все перечисленные мной разделы науки весьма важны для понимания образования макроскопических структур образования в процессе самоорганизации, но каждый из них упускает из виду нечто одинаково существенное. Укажу лишь некоторые из пробелов. Мир - не лазер. В точках бифуркации решающее значение имеют флюктуации, т. е. стохастические процессы. Неравновесные фазовые переходы обладают некоторыми особенностями, отличными от обычных фазовых переходов, например чувствительны к конечным размерам образцов, форме границ и т.п. В равновесной статистической механике не существуют самоподдерживающиеся колебания. В равновесной термодинамике широко используются такие понятия, как энтропия, производство энтропии и т.д., неадекватные при рассмотрении неравновесных фазовых переходов. Теория катастроф основана на использовании некоторых потенциальных функций, не существующих для систем, находящихся в состояниях, далеких от теплового равновесия» (Ю.Данилов, Б.Кадомцев, «Что такое синергетика?»).

Таким образом, говорить о глобальном охвате синергетикой всех областей, увы, не приходится…

Ученые разных отраслей знания, «полуинтуитивно» двигаясь в одном направлении параллельно друг другу, неизбежно на определенном этапе пришли к выводу о необходимости соединения усилий. Отсюда и появилась синергетика…

«Системы, составляющие предмет изучения синергетики, могут быть самой различной природы и содержательно и специально изучаться различными науками, например, физикой, химией, биологией, математикой, нейрофизиологией, экономикой, социологией, лингвистикой (перечень наук легко можно было бы продолжить). Каждая из наук изучает «свои» системы своими, только ей присущими, методами и формулирует результаты на «своем» языке. При существующей далеко зашедшей дифференциации науки это приводит к тому, что достижения одной науки зачастую становятся недоступными вниманию и тем более пониманию представителей других наук» (Ю.Данилов, «Роль и место синергетики в современной науке»)

«В отличие от традиционных областей науки синергетику интересуют общие закономерности эволюции (развития во времени) систем любой природы. Отрешаясь от специфической природы систем, синергетика обретает способность описывать их эволюцию на интернациональном языке, устанавливая своего рода изоморфизм двух явлений, изучаемых

специфическими средствами двух различных наук, но имеющих общую модель, или, точнее, приводимых к общей модели. Обнаружение единства модели позволяет синергетике делать достояние одной области науки доступным пониманию представителей совсем другой, быть может, весьма далекой от нее области науки и переносить результаты одной науки на, казалось бы, чужеродную почву» (там же).

Но и здесь же мы можем прочитать:

«По замыслу своего создателя проф. Хакена, синергетика призвана играть роль своего рода метанауки, подмечающей и изучающей общий характер тех закономерностей и зависимостей, которые частные науки считали «своими». Поэтому синергетика возникает не на стыке наук в более или менее широкой или узкой пограничной области, а извлекает представляющие для нее интерес системы из самой сердцевины предметной области частных наук и исследует эти системы, не апеллируя к их природе, своими специфическими средствами, носящими общий («интернациональный») характер по отношению к частным наукам» (там же).

Как же можно извлекать часть из целого?.. Это - весьма далеко от корректного научного исследования… Аналогичным образом, можно было бы выбрать все явления, где проявляется, например, второй закон Ньютона, и назвать получившуюся совокупность предметом исследования новой науки - «ньютонианики»!..

Конечно же, подобный абсурдный ход синергетика сделала «не от хорошей жизни»… И причина его видится в том, что до сих пор приверженцы и представители синергетики так и не смогли сформулировать базовую основу новой научной парадигмы, что, впрочем, понимают и сами…

«Итак, каковы главные смыслы, вносимые научным сообществом в термин «синергетика»? Она понимается как… парадигма - система идей, принципов, образов, представлений, из которых, возможно, со временем вырастет фундаментальная научная теория, или общенаучная теория, или даже мировоззрение…» (В.Аршинов, В.Войцехович, «Синергетическое знание: между сетью и принципами»).

«Я хочу лишь подчеркнуть то, что представляется особенно важным: в настоящее время назрела острая необходимость в создании особой науки, которая бы объединила все перечисленные мной аспекты. Для науки безразлично, будет ли она называться «Синергетикой». Важно, что она существует» (Хакен)

«Сказанное в полной мере относится и к X-науке, если под X понимать пока не установившееся название еще не сложившегося окончательно научного направления, занимающегося исследованием процессов самоорганизации и образования, поддержания и распада структур в системах самой различной природы (физических, химических, биологических и т. д.)» (Ю.Данилов, Б.Кадомцев, «Что такое синергетика?»)

Впрочем, есть и «оптимисты», которые уже провозглашают синергетику новой парадигмой, невзирая на отсутствие у нее осмысленной философской основы.

«По мнению С.П.Курдюмова и Е.И.Князевой синергетика - это новая научная парадигма, порождающая революцию более глубокую и масштабную, чем научная революция начала XX в., начавшаяся с теории относительности и квантовой механики» (В.Аршинов, В.Войцехович, «Синергетическое знание: между сетью и принципами»).

«Синергетика может обеспечить новую методологию понимания путей эволюции социальных систем, причин эволюционных кризисов, угроз катастроф, надежности прогнозов и принципиальных пределов предсказуемости в экологии, экономике, социологии, геополитике. Синергетика дает нам знание о конструктивных принципах коэволюции сложных социальных систем, коэволюции стран и регионов, находящихся на разных стадиях развития. Поэтому

синергетика может стать основой для принятия обоснованных решений и предсказаний в условиях неопределенности, стохастических потрясений, периодической реорганизации геополитических структур» (Е.Князева, С.Курдюмов, «Синергетика и принципы коэволюции сложных систем»).

Однако подобные «смелые» утверждения не оправдываются: отсутствие внятной основы синергетики приводит к некоторым совершенно неправомерным выводам в области как частного, так и общего характера. Например:

«…плюрализм синергетики как постнеклассической трансдисциплинарной коммуникативной деятельности необходим, а потому всякого рода попытки его устранения следует рассматривать как усилие скорее деструктивное, чем конструктивное. Более того, она не была бы синергетикой, если бы она ориентировалась (пусть даже в идеале) на одну единственную модель языкового общения или сообщения (или диалога с природой или между людьми, пытающимися добиться согласия по поводу своей собственной познавательной активности)» (В.Аршинов, «Событие и смысл в синергетическом измерении»).

«Синергетическое мышление - это мультипарадигмальное мышление, или даже, лучше сказать, межпарадигмальное, это коммуникативное мышление-язык-восприятие, актуализируемое в Пути-Дао, прокладываемого через традиционные дисциплинарные границы» (там же).

Это - вообще полная абракадабра… Как может наука быть «мультипарадигмальной» и в то же время единой?.. Современная «мультипарадигмальность» синергетики является как раз не ее достоинством, а ее громадным недостатком, опять-таки обуславливаемым отсутствием четких философских основ, в результате чего к синергетикам себя причисляют и материалисты, и идеалисты, и метафизики…

Закономерным итогом отсутствия основ стало и смешение науки и религии…

«Собственно, почему «синергетика»? От духовного слова «синергия», со-энергетичность, соединение разных энергий: небесной и земной, Божественной и человеческой, - двух планов Бытия. Их единство, как правило, упускалось из виду размышляющим человечеством, которое склонно признавать что-либо одно - или Небо, или Землю, или дух, или материю. (Еще на памяти борьба идеализма и материализма как основной закон философии; эта псевдо-идея затруднила движение к Истине). Лишь немногим - мудрецам, пророкам - открывалось единство того и другого, природа Целого, единичного как единого» (Т.Григорьева, «Синергетика и Восток»).

При подобной разноголосице и философской «всеядности» становится очевидной вся бесперспективность дальнейших попыток в рамках синергетики вычленить единые строгие философские принципы, что обуславливается принципиальной несовместимостью материализма с идеализмом в их «классической» форме…

«…синергетика в качестве междисциплинарного направления исследований плюралистична… она существует в разных формах, системах представлений, соглашений, конвенций, в разных языках и образах. И эта плюралистичость существенна для синергетики, есть внутренне присущее ей качество как по ее генезису (см.классическую статью Ю.А.Данилова и Б.Б. Кадомцева "Что такое синергетика?"), так и по контексту ее функционирования в системе современного постнеклассического (постмодернистского) познания» (В.Аршинов, «Событие и смысл в синергетическом измерении»).

Совершенно очевидно, что синтез различных наук невозможен без единого их языка, без единых общих базовых принципов, без единой парадигмы. Впрочем, об этом говорят и сами представители синергетики… Но тогда подобный синтез будет означать конец

«плюралистичности» синергетики и (если следовать буквально идее приведенных цитат) конец самой синергетики!..

Собственно, с последним выводом автор вполне готов согласиться: переход к новой научной парадигме в лице Единой Физики Духа и Материи будет означать конец синергетики, надобность в которой в этом случае просто отпадает. Как говорится, мавр сделал свое дело, мавр может и уйти… Кстати, и Хакену все равно, как будет называться новая наука…

Но столь ли принципиальна разница между Единой Физикой Духа и Материи и синергетикой?.. Ведь вроде бы и синергетика опирается на анализ с позиций системного подхода и на сходство законов в разных областях бытия…

Следует отметить, во-первых, что теория систем не является «достоянием» синергетики. Она - самостоятельная дисциплина. А во-вторых, при всей ее эффективности, теория систем не дает ответа на вопрос о природе объектов и явлений: данный вопрос для нее не имеет вообще никакого значения. В итоге сам факт использования теории систем не решает философских задач по формированию основ новой научной парадигмы. Вот иллюстрирующий пример:

«Изучение понятия «системы» в биологии, медицине, психологии и общественных науках, которое я предпринял в книге «Поворотный пункт», показало, что подход с позиций теории систем значительно усиливает параллели между современной физикой и восточным мистицизмом. Помимо этого, новая биология систем и новая психология систем обнаруживают другие совпадения с мистическими учениями, лежащие за пределами предмета изучения физики. В моей второй книге рассматриваются представления о свободе воли, о смерти, о сущности жизни, мышления, сознания и развития. Принципиальное сходство этих представлений, описанных в терминах теории систем, с соответствующими положениями восточного мистицизма, убедительно свидетельствует в пользу моего утверждения о том, что философия мистических традиций, или «неувядающая философия» - это наиболее последовательное философское обоснование современных научных теорий» (Ф.Капра, «Дао физики»).

Капра, в целом, «пошел в верном направлении», но… проскочил «золотую середину», переместившись с позиций материализма сразу на один из «классических» вариантов метафизики. И это - прямое следствие того, что философское направление монизма Дж.Бруно было незаслуженно забыто и не получило дальнейшего развития. В условиях «куцего» философского выбора, подобное «проскакивание золотой середины» просто неизбежно. А поскольку позиции монизма Дж.Бруно и метафизики (в ее широко известном «восточном» варианте) весьма близки по многим вопросам, постольку естественной является и современная тенденция многих исследователей к позиции именно метафизики… О слабости же метафизики в качестве основы научной парадигмы уже говорилось ранее…

Сходство законов. Без базового положения о единстве природы материи и духа принцип сходства законов «повисает в воздухе». В Единой Физике Духа и Материи симметрия (именно симметрия, а не простое сходство) законов является прямым следствием этого самого единства природы материи и духа. А это позволяет обнаруживать действительное сходство явлений в разных областях бытия, и использовать выводы одной науки для применения (с соответствующей имеющей место симметрии коррекцией) в другой науке. В синергетике же принцип сходства законов, принимаемый в качестве аксиомы, теряет свою связь с симметрией. В итоге призывы некоторых синергетиков к корректному использованию принципа сходства законов не достигают цели: множество работ построено на «слепом» переносе выводов одной науки на область исследования другой науки, что неизбежно сопровождается и ошибочными выводами…

Например, синергетиков очень увлекла возможность представления различных процессов в

фазовом пространстве, дающая сходные картинки для разных отраслей знания.

«Математические структуры дают возможность конкретных численных предсказаний при описании процесса организации-дезорганизации структур. При количественном и геометрическом описании развития систем применяется аппарат дифференциальных уравнений в частных производных и качественная теория дифференциальных уравнений, главным образом такие ее разделы как теория бифуркаций и теория катастроф. Они раскрывают картину движения системы в фазовом пространстве и ведущие случаи этой картины - седло, фокус, узел (как устойчивые, так и неустойчивые)» (В.Войцехович, «О логике и математике синергетики»).

И вот уже социологи, психологи и лингвисты вовсю (к месту и не к месту) начинают использовать термины «бифуркация», «аттрактор» и т.п., совершенно не задумываясь о природе процессов, об их сходстве и различии (принимая во внимание лишь сходство). В итоге, в одну кучу оказываются намешаны автоволновые явления, процессы обработки информации сознанием человека, поведение больших масс людей и т.д. и т.п. безо всякого учета особенностей этих явлений.

Но мало ли что выглядит похожим в том или ином математическом представлении!?. Скажем, колебания груза на пружине, вращательное круговое движение и электромагнитные волны хорошо описываются гармоническими функциями и соответствующими одинаковыми дифференциальными уравнениями. Однако, можно ли на этом основании утверждать, что в колебаниях груза и круговом движении имеют место явления интерференции, характерные для электромагнитных волн?.. Естественно, любой синергетик согласится с абсурдностью подобного вывода, при этом он же почему-то готов будет принять подобный по абсурдности ход рассуждений для других явлений…

Если автоволновые явления, обработка информации и поведение общества анализируются с одних и тех же позиций теории систем, то сходство образов этих явлений является вполне логичным следствием. Но для автоволновых явлений мы имеем систему частиц некоей неравновесной среды, для обработки информации - систему элементов информации, для поведения общества - систему индивидов. Очевидно, что частицы неравновесной среды, элементы информации и индивиды отличаются друг от друга. А согласно теории систем, поведение системы определяется не только структурой системы, но и свойством ее элементов и их взаимодействием друг с другом. Совершенно неправомерно, следовательно, будет учитывать лишь один фактор из трех, пренебрегая двумя другими!..

Вообще, строго говоря, вопрос о соотношении математических построений и реальными явлениями далеко не столь тривиален, как его представляют в данном случае синергетики. Как указывалось чуть ранее, они широко используют математический аппарат дифференциальных уравнений. Но…

«Использование дифференциальных уравнений с самого начала было сопряжено с идеей устойчивых законов природы, пользуясь знанием которых можно было бы однозначно предсказывать будущее. Иными словами - с детерминацией настоящим будущего» (Р.Пименов, «Дифференциальные уравнения - насколько они оправданы»).

То есть получается, что в рамках синергетики индетерминированные процессы исследуются на основе детерминистического подхода!.. Имеет место быть методологическое противоречие!..

Однако, при всех ошибках конкретных синергетиков, нам, скорее, важно не расхождение синергетики и Единой Физики Духа и Материи, а их согласованность во многих вопросах. То, что синергетика, охватывая множество отраслей науки, также опирается на теорию систем и сходство законов, свидетельствует о наличии общего направления поисков современной

науки. И базовые положения Единой Физики Духа и Материи оказываются именно в том самом русле поисков…

Как можно видеть из соответствующих разделов трактата, базовые положения Единой Физики Духа и Материи также совпадают и с направлениями поисков современной психологии. Аналогичным образом дело обстоит и с новейшими исследованиями физики, на которых остановимся несколько подробнее…

Наряду с квантовой теорией поля в теоретической физике получила развитие т.н. теория S-матриц.

«…в физике частиц представлено и другое, совершенно противоположное направление, исходящее из той посылки, что строение мироздания не может сводиться к каким-либо фундаментальным, элементарным, конечным единицам - таким, как, скажем, элементарные частицы или фундаментальные поля. По мнению представителей этого направления физики частиц, природу следует воспринимать в ее самосогласованности, не оставляя без внимания тот факт, что составные части материи обнаруживают согласованность друг с другом и с самими собой. Эта идея возникла в русле теории S-матрицы, а в дальнейшем легла в основу так называемой «гипотезы бутстрапа»» (Ф.Капра, «Дао физики»).

«Одно из важнейших нововведений теории S-матрицы заключается в том, что она переносит акценты с объектов на события; предмет ее интереса составляют, таким образом, не частицы, а реакции между ними. Такое смещение акцентов вытекает из положений квантовой теории и теории относительности. С одной стороны, квантовая теория утверждает, что субатомная частица может рассматриваться только в качестве проявления взаимодействия различными процессами измерения. Она представляет собой не изолированный объект, а своего рода происшествие, или событие, которое особенным образом реализует связь между двумя другими событиями» (там же).

По словам Гейзенберга:

«[В современной физике] мир делится не на различные группы объектов, а на различные группы взаимоотношений… Единственное, что поддается выделению, - это тип взаимоотношений, имеющих особенно важное значение для того или иного явления… Мир, таким образом, представляется нам в виде сложного переплетения событий, в котором различные разновидности взаимодействий могут чередоваться друг с другом, накладываться или сочетаться друг с другом, определяя посредством этого текстуру целого» .

Но как можно видеть из трактата, в Единой Физике Духа и Материи акцент также делается не на сходстве объектов двух миров, а на сходстве господствующих в них взаимодействий. Именно благодаря симметрии взаимодействий удается выявить структурное и резонансно-диссонансное духовно-нематериальные взаимодействия, с помощью которых находят объяснение практически все явления духовно-нематериального мира…

Однако вернемся к теории S-матриц…

«В теории S-матрицы понятие канала реакции имеет более фундаментальное значение, чем понятие частицы. Оно определяется как набор квантовых чисел, присущий различным адронным сочетаниям, а нередко - и отдельным адронам. Какое именно сочетание пройдет через тот или иной канал, определяется вероятностью и зависит, в первую очередь, от имеющегося количества энергии» (Ф.Капра, «Дао физики»).

«Еще более уместно рассматривать в терминах каналов реакций резонансы - эти крайне недолговечные состояния адронов, которые характерны для всех сильных взаимодействий. Они представляют собой настолько эфемерные явления, что физики сначала даже не хотели рассматривать их в качестве частиц, да и до сих пор одна из важнейших задач, стоящих

перед современной экспериментальной физикой высоких энергий, заключается в том, чтобы более точно определить свойства резонансов. Резонансы образуются во время столкновений между адронами и почти сразу же распадаются. В пузырьковой камере они никак не обнаруживают своего присутствия, и обнаружить их можно только благодаря характерному изменению вероятностных характеристик реакций. Вероятность прохождения реакции при столкновении двух адронов зависит от количества энергии, принимающей участие в столкновении. При изменении количества энергии вероятность тоже изменяется; причем при увеличении запаса энергии она может не только возрасти, но и снизиться, что определяется другими особенностями реакции. Однако при некоторых значениях запаса энергии вероятность реакции возрастает довольно резко; при таких значениях реакция будет происходить гораздо чаще, чем при всех остальных. Резкий рост вероятности связан с образованием недолговечного промежуточного адронного состояния с массой равной тому количеству энергии, при котором отмечается резкое увеличение вероятности» (там же).

«Причина, по которой эти недолговечные адронные состояния получили название резонансов, имеет отношение к аналогии из механики, связанной с хорошо известным явлением резонанса при колебаниях… Канал адронной реакции тоже можно уподобить такому резонирующему предмету, поскольку энергия столкновения адронов связана с частотой соответствующей вероятности волны. Когда эта энергия, или, что то же самое, частота, достигает определенного значения, канал начинает «резонировать», колебания вероятностной волны внезапно усиливаются, что вызывает резкий скачок вероятности реакции. Большинство каналов реакции имеют несколько резонансных значений энергии, каждое из которых соответствует недолговечному адронному состоянию, реализующемуся при приближении энергии столкновения к резонансному значению» (там же).

Итак, в теории S-матриц мы уже не видим материи как таковой. Зато видим (как и в Единой Физике Духа и Материи) вероятности, резонансы и связь событий с возможностью резонанса, который зависит от структуры системы (самой S-матрицы)…

«Философия бутстрапа окончательно отвергла механистическое мировоззрение современной физики. Вселенная Ньютона состояла из ряда основных сущностей, обладавших фундаментальными свойствами, которые были сотворены Богом, и по этой причине не нуждались в дальнейшем объяснении и анализе. В той или иной степени эта посылка скрыто присутствовала во всех естественно-научных теориях до тех пор, пока гипотеза бутстрапа во всеуслышание не заявила о том, что мир не может более восприниматься как скопление сущностей, не подлежащих дальнейшему анализу. В контексте нового подхода Вселенная рассматривается в качестве сети взаимосвязанных событий. Ни одно из свойств того или иного участка этой сети не имеет фундаментального характера; все они обусловлены свойствами остальных участков сети, общая структура которой определяется универсальной согласованностью всех взаимосвязей» (там же).

«Таким образом, философия бутстрапа представляет собой кульминационное проявление того способа мировосприятия, который в свое время лег в основу квантовой теории, постулировавшей всеобщую сущностную взаимосвязанность всех явлений, приобрел свое динамическое содержание в теории относительности и был сформулирован в терминах вероятностей реакций в теории S-матрицы. При этом мировосприятие современной физики обнаруживает столько общих черт с восточной философией, что эти два направления человеческой мысли перестают противоречить друг другу как в общих вопросах философского характера, так и в частных вопросах строения материи» (там же).

«Гипотеза бутстрапа не только отрицает существование фундаментальных составляющих материи, но и вообще отказывается от использования представлений о каких-либо фундаментальных сущностях - законах, уравнениях и принципах, - а значит, и от той идеи, которая на протяжении столетий была неотъемлемой частью естествознания» (там же).

Но оказывается, что «работает» как теория S-матриц, породившая гипотезу бутстрапа, так и квантовая теория поля. В квантовой теории поля материя есть, в теории S-матриц ее нет. «Работоспособность» двух теорий сразу - непосредственное свидетельство дуальности свойств микромира по отношению к материи и духу, а это - прямое следствие единства их природы, базового положения Единой Физики Духа и Материи…

«…каждый адрон может выступать в трех различных амплуа: быть сложной структурой, входить в состав другого адрона, участвовать в обмене между компонентами вещества, воплощая в последнем случае часть сил, поддерживающих делимость структуры. Ключевым понятием в этом описании является «кроссинг». Целостность каждого адрона обеспечивается за счет обмена другими адронами через кросс-канал, причем каждый из этих последних, в свою очередь, сохраняет свою целостность благодаря силам, частично порожденным первым, исходным адроном. Таким образом, каждая частица принимает самое активное участие в существовании других частиц, «каждая частица помогает порождать другие частицы, которые, в свою очередь, порождают ее». Так порождает сам себя весь набор адронов; он как бы стягивает воедино самого себя, при помощи обратных связей (первичное значение английского слова «bootstrap» - обратная связь)» (там же).

Обеспечение подобной связи каждой частицы со всеми другими через «кросс-канал», обуславливающее сопряжение воедино всего мира, требует наличия такого взаимодействия, которое не ограничивается скоростью света и действует в масштабах Вселенной. Но именно такими свойствами обладают духовно-нематериальные виды взаимодействия, согласно выводам Единой Физики Духа и Материи (см. трактат), полученным совсем из других соображений…

«Среди последних исследований одним из самых неожиданных подходов характеризуется новая теория Дэвида Бома, который, по всей видимости, пошел дальше всех в изучении соотношения между сознанием и материей в научном контексте. Подход Бома существенно отличается от подхода нынешней теории S-матрицы своим характером и своего рода претенциозностью в ее лучшем понимании. Его можно рассматривать как попытку «пришнуровать» друг к другу пространство-время и несколько фундаментальных понятий квантовой теории, в целях создания последовательной квантово-релятивистской теории материи» (там же).

«Отправной точкой для Бома… было понятие «неразрывного единства». Он рассматривает нелокальные связи, проявляющиеся, в том числе, в эксперименте ЭПР, как существенную часть этого единства. В данном случае нелокальные связи представляются источником статистической формулировки законов квантовой физики, однако Бом собирается опуститься глубже уровня вероятностей и исследовать порядок, который, как считает этот ученый, внутренне присущ космической сети взаимоотношений на более глубоком уровне - уровне «непроявленности». Чу называет такой порядок «имплицитным», или «вложенным» и утверждает, что в рамках этого порядка взаимоотношения внутри целого не имеют ничего общего с локальностью во времени и пространстве, обнаруживая совершенно новую природу - природу вложенности» (там же).

«Для обозначения в высшей степени динамической природы действительности на этом уровне он ввел термин «голодвижение», который используется для обозначения основы всех материальных сущностей. В понимании Бома, голодвижение представляет собой динамическое явление, на основе которого образуются все формы материальной Вселенной. Цель такого подхода заключается в рассмотрении порядка, вложенного в это голодвижение, путем описания не структуры объектов, а структуры движения, что позволяет принять во внимание как принципиальное единство вселенной, так и ее динамическую природу» (там же).

«Для понимания имплицитного порядка Бом счел нужным рассматривать сознание как

неотъемлемый компонент голодвижения и эксплицитно включил его в свою теорию. Он считает, что сознание и материя взаимосвязаны и взаимозависимы, но между ними нет причинных связей. Они представляют собой вложенные друг в друга проекции более высокой реальности, которая не является ни материей, ни сознанием в чистом виде» (там же).

Уровень «непроявленности» Бома представляет собой не что иное, как духовно-нематериальный мир, а «нелокальные связи» - духовно-нематериальное взаимодействие в чистом виде… Только Бом не учитывает, что сознание (в строгом смысле этого слова) появляется лишь на определенном этапе эволюции, т.е. корректнее вместо термина «сознание» использовать термин «дух». Тогда некая «более высокая реальность, которая не является ни материей, ни сознанием в чистом виде» - не что иное, как «дуальная первосубстанция» (см. трактат)…

«На сегодняшний день теория Бома находится еще на стадии становления, и большинство его суждений носит скорее качественный, чем количественный характер, хотя он занимается и разработкой математической основы своей теории, которая должна использовать такие математические понятия, как матрица, и такие разделы математики, как топология. И все же между его теорией имплицитного порядка и теорией бутстрапа существует многообещающее сходство, даже на этом предварительном этапе. Обе эти концепции исходят из понимания мира как динамической сети отношений и выдвигают на центральное место понятие порядка, используют матрицы в качестве средства описания перемен и преобразований, а топологию - в качестве средства более точного определения категорий порядка. Наконец, оба этих подхода признают, что сознание может представлять собой неотъемлемый компонент Вселенной, который в будущем, возможно, войдет в теорию физических явлений. Такие теории могут возникнуть в результате объединения теорий Бома и Чу, которые представляют собой два наиболее изобретательных и глубоких в философском отношении подхода к описанию физической действительности» (там же).

Таким образом, легко видеть, что новейшие исследования физиков целиком и полностью согласуются с базовыми положениями новой научной парадигмы, на основе которой выстраивается Единая Физика Духа и Материи.

Подобную согласованность можно обнаружить и более частных вопросах. Например, в трактате автора неоднократно проводятся параллели между явлением сознания и явлением гравитации (что вытекает в качестве следствия из симметрии гравитационного и структурного взаимодействий). Сравните это со следующей цитатой:

«В размышлениях, представленных в работе «Геометродинамика» Джон Уилер устанавливает в физическом мире параллели тому, что происходит эмпирически при некоторых необычных состояниях сознания. Понятие Уилера о гиперпространстве теоретически допускает моментальные связи между элементами пространства без эйнштейновского ограничения скорости света. Экстраординарные изменения пространства-времени, материи и причинности, постулируемые теорией относительности в связи со сжатием звезд и черными дырами, также имеют свои параллели с переживаниями в необычных состояниях сознания. Хотя в настоящее время невозможно прямым и понятным способом связать понятия современной физики с исследованиями сознания, эти параллели поразительны» (С.Гроф, «За пределами мозга»).

В целом же можно сказать, что перечисленные передовые физические теории (S-матриц, бутстрапа, Бома и Чу) посвящены исследованию влияния и свойств духовно-нематериального мира на микроуровне; а трактат автора - физике духа на макроуровне…

В заключение затронем еще очень важный раздел науки - математику. Действительно, было бы совершенно несправедливо оставить ее в стороне…

Из базовых положений новой научной парадигмы и Единой Физики Духа и Материи следует несколько важнейших для математики выводов. Прежде всего: реальность объектов духовно-нематериального мира подразумевает в частности и то, что «элементы» математики (числа, геометрические фигуры, вектора, функции, тензора, матрицы и т.п.) представляют из себя не что иное, как реальные объекты духовно-нематериального мира. А отсюда следует, что для них будут справедливы все выводы, получаемые в рамках Физики Духа для духовно-нематериальных объектов. В частности: математические объекты способны взаимодействовать друг с другом и с объектами материального мира!.. Кроме того, они подчиняются тем же закономерностям, которые имеют место в духовно-нематериальном мире…

Подобные выводы, конечно же, требуют весьма детальной проработки хотя бы по той причине, что математика играет громаднейшую роль во всем естествознании, и эти выводы неизбежно влекут за собой важнейшие последствия в вопросе отношения самого естествознания к используемым в нем математическим методам и задачам, в вопросе взаимоотношения реальности физической и реальности математической.

Это - большая отдельная тема… Здесь же мы коснемся лишь того момента, что современное развитие математики демонстрирует «движение» в том же самом направлении, куда устремились другие отрасли науки…

Долгое время математика лишь «обслуживала» естествознание, помогая решать множество «прикладных» задач. Но наступил момент, когда она развилась настолько, что математические объекты и построения как бы «оторвались от реальной действительности». Математика приняла вид самодостаточного мира абстракций, часть из которых хотя и продолжала «обслуживать» естествознание, но уже как бы в этом «не нуждалась». Мир математических объектов и образов стал «существовать сам по себе».

Сложилась довольно парадоксальная картина. С одной стороны, мир математики представлялся сугубо субъективным «продуктом»; с другой - математические объекты и образы продолжали демонстрировать свою явную подчиненность вполне определенным правилам и закономерностям.

Любопытно, что ньютоно-картезианская парадигма полностью обходила вниманием данный факт… Она была явно бессильна его объяснить: еще бы, ведь речь шла о явно нематериальных объектах…

До недавнего времени казалось, что математика окончательно оторвалась от других наук, но…

«В семидесятые годы XX века Мандельброт выпустил книгу, где собрал богатый материал, убедительно вводивший в практический оборот многие из казавшихся безнадежно «абстрактными», «заумными», «патологическими» математических конструктов. И канторовы дисконтинуумы, и покрывающая всю плоскость кривая Пеано, и ковры-кривые Коха и Серьпиньского выглядят теперь как обнаруженные в реальности «главы» из «геометрии природы»; они помогли понять лунный пейзаж, скопления галактик и многое другое столь же невыдуманное, а глазам предлежащее» (Р.Пименов, «Дифференциальные уравнения - насколько они оправданы»).

«Блудная дочь» вернулась в реальный мир…

«Даже дробная размерность (ну кому может присниться число измерений пространства, равное не целому числу! А математики «загодя» и такое ввели) по Хаусдорфу и Безиковичу - и та эмпирически сгодилась для измерения столь важного земного объекта, как длина береговой линии побережья, изрезанного бухточками и подверженного приливам и отливам. Вопреки интуитивному убеждению, будто кривая линия всегда имеет размерность единица,

линия британского побережья точнее вычисляется, если приписать ей размерность полтора. Нигде не дифференцируемая кривая Вейерштрасса пригодилась для описания броунова движения и качки корабля, т.е. его остойчивости. И, наконец триумфально вошли и научный оборот так называемые «странные аттракторы». Этот термин относится к полуэмпирически составленным метеорологическим уравнениям для течения неоднородно нагретого неоднородного газа, которые при их численном решении на компьютерах вдруг стали выдавать такие рисунки для распределения как бы притягивающихся один к другому слоев («аттракторы»), которые выглядели в точности как построение канторова дисконтинуума - заумнейшей модели, которая одно время и математикам-то казалась ненужной» (там же).

Заметим, что в действительности это - уже второе «возвращение» математики к реальности. Первое произошло тогда, когда казавшаяся полной абстракцией геометрия Римана и Лобачевского нашла свое применение в теории Эйнштейна… Оба эти «возвращения» объединяет тот примечательный факт, что ранее абстрактные объекты, плоды человеческого сознания и математических закономерностей, стали обнаруживаться как присутствующие в природе и перестали нести функцию чисто умозрительных конструкций.

Уже сам данный факт, пусть и косвенно, свидетельствует о глубинной взаимосвязи даже столь специфических объектов духовно-нематериального мира с миром материальным!.. Но еще более любопытны некоторые детали «возвращения»…

Рассмотрим, например, фрактали, т.е. дробные размерности… В случае с береговой линией мы имеем дело с пересечением двух двумерных поверхностей сложной формы: поверхности воды и земной поверхности. Казалось бы, результатом их «взаимодействия» должна быть одномерная линия, но, как указывалось выше, гораздо лучший результат дает размерность полтора. Здесь мы опять сталкиваемся с фактом того, что важно не ЧТО взаимодействует, а КАК (см. тенденции физики)!..

Но есть еще более «экзотичные штучки»…

«Кантором построена функция (которая называется то «чертовой лестницей», то «канторовой лестницей»…) с такими странными свойствами: она непрерывна на интервале, она почти везде на интервале имеет производную, всюду в точках существования производной производная равна нулю, но функция эта не постоянная, а монотонно возрастает на данном интервале, так что на концах любого интервала ее значения различны. Итак, из df = 0 не следует f = const. Значит, материальная точка в ньютоновой механике могла бы двигаться по такому закону: всюду, где она имеет мгновенную скорость, эта скорость равна нулю. Частица эта обладает мгновенной скоростью почти везде; это означает, что вероятность того, что в данный момент времени она имеет мгновенную скорость, - всегда равна единице. И тем не менее частица не покоится на месте, но перемещается. Неуклонно в одном и том же направлении, поступательно, по прямой. Разумеется, это возможно исключительно за счет недифференцируемости траектории, хотя бы и на множестве меры нуль. Отметим еще, что и структура пространства-времени весьма существенна: такое возможно лишь при существовании сколь угодно быстрого перемещения (впрочем, не бесконечно быстрого); в условиях же ограниченности скоростей скоростью света изложенный парадокс невозможен. Но вот другое применение той же чертовой лестницы допустимо и к ньютоновой и к релятивистской механике. Возможно, что у материальной точки всегда d2x/dt2 = 0 там, где d2x/dt2 = 0 существует, а d2x/dt2 = 0 существует почти везде (т.е. существует с вероятностью единица). При этом dx(0)/dt = 0, x(0) = 0, но движение этой точечной массы происходит не по известным инерциальным законам x(t) = 0, но с переменной скоростью, с переменными импульсами. А ведь уравнение d2x/dt2 = 0 вроде бы «ручается» за отсутствие внешних сил!» (там же).

Итак, физика только-только подбирается к существованию взаимодействий со скоростями, превышающими скорость света, а в математике уже готов соответствующий этому явлению

объект!!!

Но и этим дело не ограничивается!.. Как упоминалось ранее, вопрос о наличии взаимодействия со скоростью, превышающей скорость света, в физических теориях связан с положением о непрерывном взаимодействии всех частиц во Вселенной. Сравните это со следующей цитатой:

«…эту самую чертову лестницу пришлось использовать не для описания вышеуказанной гипотетической частицы (т.е. контрпримера в определенных теоретических рассуждениях), а для изображения резонанса бесконечно многих источников, когда вычисления велись на компьютерах. Только она дала согласованное с эмпирикой решение для очень большого числа источников» (там же).

Не правда ли, поразительное совпадение?!.

Заметим, что все вышеприведенное целиком и полностью соответствует положениям новой научной парадигмы и Единой Физике Духа и Материи, выстраиваемой на основе этой парадигмы.

Можно привести и еще один пример данного соответствия… Ранее мы уже упоминали об ошибочном использовании синергетикой дифференциальных уравнений для описания вероятностных процессов, поскольку дифференциальные уравнения соответствуют лишь детерминистическим процессам, коими вероятностные не являются. Перечисленная математическая «экзотика» как раз и относится к тем самым случаям, когда дифференциальные методы не работают. Но оказывается, что при этом работают интегральные методы.

«Ну, в утешение. Хотя при включении в рассмотрение непрерывных не-гладких структур парадигма дифференциальных уравнений ломается, все же сохраняется неизменной парадигма интегральных уравнений, поскольку особенности на множестве меры нуль (особенности с нулевой вероятностью их проявления) погашаются при интегрировании» (там же).

То есть работоспособными оказываются методы, основанные на обратной к дифференцированию операции…

Однако, что такое «интегрирование» с точки зрения физики, и где оно применимо?.. Оно используется не при прогнозировании развития событий, а при анализе прошедших событий !.. И здесь вполне уместно вспомнить об одном из базовых положений Единой Физики Духа и Материи: однозначность и неизменность прошлого сочетается с вероятностным характером будущего. Как легко видеть, вышеприведенная математическая «экзотика» опять-таки полностью соответствует этому принципу!..

Но оказывается. Что математика готова идти и дальше!..

Из единства двух миров (материального и духовно-нематериального) следует, что между господствующими в них закономерностями, - вероятностными для духовно-нематериального и детерминистическими для материального, - должна существовать определенная симметрия (сходство), обуславливаемая единой природой всех взаимодействий. Но детерминистическим процессам соответствуют гладкие дифференцируемые функции, а вероятностным - недифференцируемые (или частично дифференцируемые). Тогда (из единства природы) должен существовать единый критерий, который, с одной стороны, объединял бы эти функции, а с другой - характеризовал их различие. И такой критерий действительно находится.

«С нашей точки зрения надлежит говорить про одну категорию. Условно и приблизительно

назовем ее мерой постепенности. Значениями этой категории служат на наш взгляд, позиции: дискретность (постепенность отсутствует вовсе), непрерывность-связность (постепенность присутствует, но иногда довольно непростая), гладкость-дифференцируемость (постепенность такая хорошая, что в бесконечно-малом можно говорить про линейность)» (там же).

Таким образом, математика и Единая Физика Духа и Материи способны взаимно обогащать и развивать друг друга. Все это еще раз подчеркивает тот вывод, что роль математики в рамках новой научной парадигмы должна быть кардинальным образом пересмотрена в сторону вовлечения математики в общий процесс согласованного развития различных отраслей наук.

Приложение № 2.

«Возможна ли у нас партия нового типа?..»

(отнюдь не пьеса, но в 2-х частях)

Настоящее Приложение к трактату «Нелепая попытка примиренческого шарлатанства» («Основы физики духа») автор решил посвятить самому опасному и неблагодарному занятию, а именно: анализу текущих тенденций общественного развития и перспективному прогнозированию этого развития. Данные вопросы умышленно были вынесены за рамки самого трактата, поскольку не входили в его цели - формулировку основных положений Единой Физики Духа и Материи. Однако из любой теории неизбежно вытекает то или иное количество следствий. И если одним из объектов этой теории является человеческое общество, то некоторые следствия данной теории также неизбежно будут касаться и вопросов общественного развития.

Опасность темы определяется вовсе не тем, что она может быть чем-либо «опасна» для самого автора или для судьбы его теории. В конце концов, любой прогноз в условиях многовариантного и неоднозначного будущего носит временный характер: по истечении какого-то периода времени или с появлением новых, неучтенных факторов практически любой прогноз сможет «устареть». Это не вина теории, используемой для прогноза, а лишь свойство нашего бытия.

Опасность в том, что почти всегда находится группа индивидов, стремящихся перевести тот или иной теоретический прогноз в плоскость практических действий, а действия эти в данном случае затрагивает судьбы сотен, тысяч, а иногда и многих миллионов живых людей. И тут масштаб и вероятность печальных последствий многократно возрастает не только в силу временного характера самого прогноза, но и вследствие неизбежных «искажений переноса» из теории на практику, осуществляемого конкретными людьми, склонными в том числе и к собственным ошибкам.

Неблагодарность же темы развития общества во многом предопределяется тем, что в условиях чрезвычайно возросшей роли масс в жизни общества и мощнейшего информационного потока практически каждый уверен, что имеет свой (единственно верный) рецепт переустройства страны и решения общемировых проблем. Естественно, что поскольку нет двух абсолютно одинаковых индивидов, постольку и нет двух одинаковых рецептов. А ведь каждый готов отстаивать именно свой…

В этих условиях автор, может быть, и воздержался бы от вынесения на широкую публику данного Приложения, но есть два соображения, которые заставляют его все-таки вступить на скользкий путь прогноза.

Во-первых, как уже говорилось, следствия из теории неизбежны. И искусственное замалчивание этих следствий является в определенной степени «нечестной игрой», с точки зрения нормального объективного исследования.

А во-вторых, развитие текущей ситуации в стране резко увеличивает вероятность возрождения официального института цензуры (в явном или неявном виде), в условиях которой опубликование данного Приложения, скорее всего, будет просто невозможным.

Побуждаемый именно этой второй причиной к несколько «скороспешным» действиям, автор заранее приносит извинения тем читателям, которые сочтут данный труд далеким от целостности и завершенности.

Часть I. "Что же это такое делается ?!."

«Быть или не быть?..»

«Что делать?..»

«Как нам реорганизовать?..» Из списка вечных вопросов.

Возможно ли вообще сколь-нибудь надежное прогнозирование в такой сложнейшей системе, как человеческое общество?.. Данный вопрос непосредственно связан с вопросом о возможности вообще анализа этой системы. Множественность не только элементов общества (т.е. индивидов), но и действующих факторов; способность к сильному изменению их свойств; сложность многоуровневых связей в системе, - все это иногда вызывает глубочайший пессимизм у некоторых исследователей. Так, например, А.Зиновьев в своей книге «На пути к сверхобществу» пишет:

«…в случае сложных исторических событий, представляющих собою совпадение и переплетение многих миллионов и миллиардов событий в пространстве и времени, понятие причинно-следственных отношений вообще теряет смысл».

(Для тех, кто не знаком с данной книгой, маленькая загадка: как Вы думаете, когда она написана?.. Сто, двести, а может быть, триста лет назад?.. А вот и не угадали, - в самом конце XX века!..)

Разве может в таком случае речь идти о каком-либо научном исследовании и прогнозирования развития общества?.. Ведь наука еще не изобрела способа изучения реальности без причинно-следственных связей. И более того, именно их исследованием, собственно, она и занимается…

К счастью, не все столь пессимистичны, и многих уже давно не пугает сложность системы. В действительности вовсе не является необходимым учитывать абсолютно все имеющиеся и изменяющиеся факторы, параметры и свойства системы, ее элементов и связей.

«Синергетика подходит к решению проблемы сжатия информации с другой стороны. Вместо большого числа факторов, от которых зависит состояние системы (так называемых компонент вектора состояния) синергетика рассматривает немногочисленные факторы порядка, от которых зависят компоненты вектора состояния системы и которые, в свою

очередь, влияют на параметры порядка» (Ю.Данилов, «Роль и место синергетики в современной науке»).

«Неправомерно чрезмерно усложнять модели, вводить большое число параметров развития. Синергетика позволяет снять некие психологические барьеры, страх перед сложными системами. Сверхсложная, бесконечномерная, хаотизированная на уровне элементов среда может описываться, как и всякая открытая нелинейная среда, небольшим числом фундаментальных идей и образов, а затем, возможно, и математических уравнений, определяющих общие тенденции развертывания процессов в ней. Можно попытаться определить так называемые параметры порядка мирового развития» (Е.Князева, С.Курдюмов, «Синергетика и принципы коэволюции сложных систем»).

Если использовать терминологию трактата автора, то речь в данном случае идет о комплекс-качествах системы и ее основных подсистем. Именно эти комплекс-качества и подразумеваются под «параметрами порядка» и «компонентами вектора состояния системы»…

Таким образом, теория систем и синергетика (как одно из направлений, созданных на базе теории систем) подтверждает возможность анализа и прогнозирования общественного развития. Но там, где есть анализ и прогноз, становится принципиально возможным и влияние как на сам процесс, так и на его конечный результат.

«В принципе есть возможность строить формы социальной организации не методом слепого отбора, многократных проб и ошибок. Не обязательно следовать постепенному и долгосрочному пути становления и развития общества рыночного типа… Необходимо ясно осознать, что существует путь многократного сокращения временных затрат и материальных усилий, путь резонансного возбуждения желаемых и - что не менее важно - реализуемых на данной социальной среде структур… В настоящий бифуркационный период у нас нет времени на медленный многовековой путь к развитому рыночному обществу. Мы вынуждены сокращать постепенный и зигзагообразный эволюционный путь. Колоссально сокращать время перехода. Разруху, духовные и материальные лишения этого периода. Нам необходимо миновать драматизм извилистого пути «выживания сильнейших». А для этого было бы желательно найти подходы к определению спектров структур-аттракторов сложных социальных сред и научиться резонансно возбуждать структуры, близкие к аттракторам эволюции» (там же).

(Для тех, кто не очень силен в узкопрофессиональной терминологии поясним: «бифуркационный период» - подразумевает состояние системы с повышенной нестабильностью; «аттрактор» же наоборот - относительно стабильное состояние.)

Любопытно, что в данной цитате дважды используется термин «резонансное возбуждение», напрямую пересекающийся с исследуемым в трактате автора резонансно-диссонансным духовно-нематериальным взаимодействием, влияющим на состояние как духовно-нематериальных систем, так и дуальных, к каковым относится и общество. И за этим скрывается вполне реальный физический смысл: наличие некоего дуального «прообраза результата» как бы «притягивает» общество к этому результату (на самом деле именно притягивает, - только в духовно-нематериальной составляющей общества, - благодаря резонансному, притягивающему взаимодействию, - см. трактат). Составными этого «прообраза результата» могут быть как сугубо духовно-нематериальные элементы (например, идея некоего «идеального общества» или «общества будущего»; традиции общества и т.п.), элементы материальные (прогрессивные орудия производства), так и дуальные в виде каких-либо общественных институтов - «ростков» этого «общества будущего». Недаром говорят, что новое общество не возникает «вдруг» на пустом месте, а вырастает из старого…

Вторым важнейшим моментом, указанным в приведенной цитате, является упоминание об обязательной возможности реализации желаемого результата именно на имеющейся социальной среде. Впрочем, это условие уже анализировалось в трактате: невозможно создание нового строя без существования его определенного базиса, причем базиса не только материального, но и духовного.

Но посмотрим теперь на данный вопрос именно с физической точки зрения.

В условиях многофакторности процесса и его дуальной природы (т.е. и вероятностного характера будущего) наличие некоего «притягивающего прообраза результата» вовсе не задает однозначный «пункт конечного следования». Притяжение означает наличие некоей силы, приводящей к «ускорению» системы, т.е. к изменению ее «скорости» (в полном согласии со вторым законом Ньютона). А что такое «скорость» применительно к обществу?.. По сути, это - тенденции изменения текущего состояния общества. То есть наличие «притягивающего прообраза результата» влияет на тенденции развития общества, изменяя и возможное поле путей эволюции общества. (Между прочим, даже в сугубо материальных системах наличие, например, гравитационного центра притяжения не приводит обязательно к падению физического тела на данный центр притяжения: движущееся тело может лишь отклониться в сторону этого притягивающего центра, но отклонится уж обязательно…)

Отсюда следует, кстати, немаловажный вывод: нет смысла стремиться к жестко заданной и чрезмерно детализированной модели общества. Не менее эффективно и гораздо более просто по реализации задание «прообраза результата» лишь в самых общих чертах; важно лишь обеспечение основных «параметров порядка» или комплекс-качеств желаемого общества.

При конструировании же «прообраза результата» необходимо учитывать и то, что всякая палка имеет два конца: приобретая что-то одно, мы что-то другое теряем. И если мы добиваемся каких-то возможностей дальнейшего развития, то и теряем какие-то возможности.

«Едва ли не главный родовой признак утопических моделей состоит в том, что они игнорируют неизбежные издержки даже самых оптимальных решений, а также задачу превентивного отслеживания и подготовки к негативным последствиям» (А.Назаретян, «Модели самоорганизации в науках о человеке и обществе»).

И еще не известно: что может оказаться важнее в дальнейшем, - приобретение новых или потеря старых возможностей…

Отсюда следует еще один немаловажный вывод: любая сколь-нибудь стоящая организация, стремящаяся каким-либо образом изменить общество, должна не столько упиваться красотой своей модели «идеального общества», сколько учитывать ущерб от потери возможностей, неизбежно возникающих при движении к этой «красивой» модели.

Но вернемся еще раз к притяжению…

С точки зрения той же физики, довольно очевидно, что вероятность максимального приближения к «прообразу результата» тем выше, чем ближе к направлению на этот результат текущее движение общества. Говоря другими словами, чем больше «прообразу результата» соответствуют текущие тенденции развития общества. Тот, кто не открещивается от них, а использует, намного повышает вероятность своего успеха.

«В соответствии с общими закономерностями самоорганизации сложноорганизованным социоприродным системам нельзя навязывать пути их развития. Скорее, необходимо понять, как способствовать их собственным тенденциям, как выводить системы на эти пути. Скажем, необходимо ориентироваться на собственные, естественные тенденции развития природы и

научиться попадать в резонанс с ними, а не насиловать природу, продолжая огульное и бездумное внешнее вмешательство в нее. В общем-то эта установка совпадает с тем, что подразумевается под восточным образом жизни, мышления и деятельности человека. Для Востока всегда были характерны «следование естественности», «ненасилие над природой вещей»…» (Е.Князева, С.Курдюмов «Синергетика и принципы коэволюции сложных систем»).

Конечно же, полностью бросаться в другую крайность и пускать все на самотек, тоже не следует. Ведь вовсе никто не гарантирует, что текущие тенденции развития общества самоходом доставят нас в желаемому результату. Скажем, современные тенденции нашего общества ведут нас прямиком к авторитаризму и экономическому прозябанию основной массы населения (это автор немного забегает вперед)… Да и всегда найдутся люди, которые не будут сидеть и ждать у моря погоды, - они могут двинуться в свою сторону, увлекая за собой общество в целом и лишь усугубляя ситуацию…

Заметим попутно, что указанная необходимость ориентации именно на тенденции, а не на конкретное состояния (как текущие, так и будущие) полностью согласуется с тем выводом трактата, согласно которому только при этом условии возможно обеспечение поступательного - без сильнейших потрясений - его развития…

Но уже и терпеливый читатель вправе сказать: сколько же можно заниматься голым теоретизированием; не пора ли «спуститься на землю» и перейти-таки к учету тех самых современных тенденций в нашем обществе?.. И будет прав… Пора…

* * *

«Куда ты, тропинка, меня привела?..» Из м/ф «Бременские музыканты».

«Хотелось как лучше,

а получилось как всегда…» Правда нашей жизни.

В трактате анализ общественных отношений в нашей стране целенаправленно был ограничен только советским периодом, поскольку в цели трактата входили лишь вопросы о возможных способах исследования таких систем как общество и о применимости в этом исследовании тех или иных схем. Теперь мы восполним имеющийся пробел и воспользуемся выводами трактата, среди которых есть и такой: «…для анализа реального общества деление по каким-либо используемым критериям не должно быть абсолютно абстрактным и отвлеченным и должно отражать объективную реальность» (см. трактат автора).

Поскольку же на реальное общество воздействуют не только материальные, но и духовно-нематериальные факторы, постольку мы не будем замыкаться рамками лишь классового подхода (не только в привычной его, «классической» форме, но и скорректированной), хотя и будем его использовать в качестве некоего «стрежня». При этом среди учитываемых факторов читатель может встретить и весьма неожиданные (на первый взгляд), - но это вполне укладывается в рамки вышеизложенного вывода трактата.

Приведу один пример в подтверждение справедливости упомянутого вывода. Один из читателей трактата, с кем автор имеет удовольствие активно переписываться, - Юрий Александрович Лебедев, - заметил по его поводу:

«…абстрактный критерий любви или ненависти к оперному пению, тем не менее, отражает объективную реальность…»

Вряд ли читатель найдет где-либо в научной литературе, посвященной общественным отношениям, попытки анализа с подобных позиций. Однако, ведь и такой анализ вполне правомерен!.. И не только правомерен, но и используется в реальной действительности!.. Без всякого наукообразия уже в двух кампаниях по выборам президента напрямую использовали, казалось бы, очевидные выводы этого анализа: в целях обеспечения явки молодежи на выборы проходила мощнейшая серия рок- и поп-концертов с соответствующими лозунгами. И ведь никто не пытался организовывать для привлечения молодежи концерты оперной и классической музыки!..

Но вернемся к анализу состояния общества в целом… И для начала напомним: к концу 80-х годов в нашей стране разразился мощнейший кризис, обусловленный прежде всего сложившимся глубинным противоречием между качественно изменившимися (по сравнению с началом XX века) производственными силами и господствовавшими производственными и другими общественными отношениями, характеризовавшимися командно-административной системой управления и приоритетом идеологии над экономикой. Кризис, который быстро перекинулся на все сферы общественных отношений в нашей стране.

Дабы избежать стихийно-неуправляемого революционного прорыва накопившейся в обществе потенциальной энергии агрессии, правящее руководство взяло курс на проведение реформ общественных отношений и, прежде всего, реформ устаревших производственных отношений, лежавших в основе экономического кризиса. В соответствии с объективно назревшими требованиями выхода из кризиса был осуществлен ряд мероприятий общегосударственного масштаба.

Нельзя сказать, что все предпринятые шаги оказались неудачными. Кое-что все-таки удалось сделать.

Реализован целый ряд мер, способствовавших сокращению классовой собственности на средства производства, формированию и развитию других форм собственности. Появились и закрепились разнообразные формы индивидуальной и коллективной собственности, а это в определенной степени стимулировало активность производства в некоторых отраслях хозяйства.

В частности были ликвидированы некоторые искусственные ограничения, препятствовавшие становлению рыночных отношений. Отменены практически полностью ограничения по перемещению граждан: прописка сохранена в большей степени условно, значительно облегчен процесс въезда-выезда из страны. В целом были сняты ограничения по доходам, что стимулировало активность значительной части населения.

Ликвидирован ряд экономических монополий, мешавших формированию рынка. Ослабление финансовой монополии способствовало созданию системы коммерческих банков и финансовых структур, что составило основу рыночных взаимоотношений хозяйствующих субъектов. Ликвидация монополии во внешней торговле способствовала включению экономики страны в общемировой рынок. Ликвидация монополии государства в ряде отраслей хозяйствования создала основу для появления рычагов конкуренции в этих отраслях.

В довольно сжатые сроки была осуществлена ликвидация директивного планирования, тихо сошедшего на нет. Определенная демократизация производства и его управления, развитие самостоятельности производства в значительной мере способствовали переходу предприятий и других хозяйственных структур к рыночным отношениям.

Проведена финансовая реформа, ликвидировавшая давление массы денежных ресурсов,

необеспеченных товарами, на экономику, что способствовало ликвидации товарного дефицита, служившего основным «раздражающим фактором» недовольства широких масс.

В значительной степени была разрушена система централизованного распределения, что в совокупности с другими мерами позволило ликвидировать хронический товарный дефицит и способствовало установлению естественных ценовых пропорций, складывающихся на основе рыночных взаимоотношений.

Большую роль в изменении общественных отношений сыграла ликвидация идеологической монополии. Это включило в себя департизацию армии и других силовых структур, формирование многопартийной политической системы, расширение политических и идеологических прав и свобод, практически полную ликвидацию открытой цензуры. Совокупность перемен в области политических и гражданских свобод позволила создать основу для расширения сферы поиска вариантов выхода из идеологического, духовного и других социальных кризисов.

Однако, наряду с определенным положительным сдвигом общественных отношений в сторону общемирового пути развития, реформы принесли и значительные негативные для общества последствия. И одним из основных факторов, оказавших сильнейшее негативное влияние, явилось господство в системе общественного управления принципа приоритета идеологии над экономикой.

Руководствуясь этим принципом, верхушка командно-административной системы взяла курс на осуществление реформ без глубокого анализа объективных причин общественного кризиса и без профессионально выработанной стратегии реформ, что привело к громадному количеству ошибок как в принимаемых решениях, так и в их реализации. Это неизбежно на определенном этапе свело реформы к самоцели. Реформы стали проводиться ради самих реформ, эффективность которых значительно снижалась и отсутствием комплексного подхода к переустройству общественных отношений, образующих в действительности сложную взаимозависимую систему.

Субъективный подход инициаторов реформ к преобразованию общества способствовал тому, что на начальном этапе основной движущей силой этого преобразования оказалась командно-административная система с аппаратом КПСС во главе; система, оставшаяся к моменту проведения реформ единственно способной на необходимое глобальное воздействие на общество силой. Однако сама командно-административная система составляла главную опору старых общественных отношений, которые необходимо было разрушить на пути реформ, и являлась основным тормозом становления отношений новых. Таким образом было заложено коренное противоречие: реформы осуществлялись той силой, которую саму необходимо было ликвидировать в ходе этих реформ, и которая в принципе не могла строить новые общественные отношения.

Итог был закономерным: старые общественные отношения разрушались намного быстрее, чем формировались новые. Командно-административная система по привычке послушно выполнила приказ руководства о самоликвидации, ликвидировав тем самым и единственную цементировавшую общество силу, на смену которой другие силы прийти не успели. В этих условиях на первое место выступили ранее второстепенные факторы, которые с определенного момента и стали реально определять ход реформ, вырвавшихся из-под контроля их инициаторов и принявших односторонне-разрушительный характер без конструктивной составляющей.

Разрушение командно-административной системы, лежавшей в основе классовой собственности на средства производства, подорвало основу господствующего положения класса аппарата управления и создало угрозу его существованию. В этих условиях интересы класса неизбежно отступили на второй план перед интересами сословий и более мелких

групп, что вылилось в открытую борьбу между сословиями и отдельными группами представителей класса аппарата управления за обладание сохраняющимися рычагами власти, за свое место в новых условиях.

Используя лозунг ликвидации партийной монополии и департизации государственных структур сословие производственно-управленческого аппарата (ранее находившееся лишь на второстепенных ролях) постепенно отстранило от власти значительную часть сословия партийного чиновничества, лишив аппарат КПСС рычагов реального воздействия на общественные процессы. Инициаторы реформ оказались отлученными от их проведения. Радикальная попытка части класса аппарата управления сохранить командно-административную систему летом 1991 года (события ГКЧП) послужила лишь катализатором и ускорила этот процесс.

Смена руководства реформ ввела их в качественно новое русло: резкое ускорение общественных преобразований осуществлялось на фоне разрушенной первоначальной силы, на фоне обломков командно-административной системы, уже не составлявших единое целое. Управляемость реформами из центра реально была сведена к минимуму, что привело к сильнейшей дифференциации глубины и скорости перемен в различных регионах, отраслях хозяйства и системах общественного регулирования.

Быстрое разрушение централизованной командно-административной системы неизбежно послужило причиной ослабления центральной власти, вылившегося в конечном итоге в ослабление государственности. Каждый местный правитель стремился не только сохранить господствующее положение в своем регионе, но и упрочить это положение посредством увеличения независимости от ослабевающей центральной власти. Стремительно нарастающие центробежные тенденции стали причиной развала некогда единой страны на множество "удельных княжеств", а использование "удельными князьями" в этом процессе накопившихся национальных проблем вместо их решения превратило в ряде регионов центробежные тенденции в национальные столкновения, конфликты и войны со всеми их трагическими последствиями.

Те же причины (ослабление центральной власти; ликвидация ранее господствовавшей партийной монополии и отсутствие единой целенаправленной концепции и идеологии реформ) обусловили еще одно дополнительное негативное последствие: в подавляющем большинстве региональных «удельных княжеств» князья остались прежними. Местное руководство партийного чиновничества лишь сменило «окраску», пересев в новые кресла и сохранив свое господствующее положение. После краткого «периода хаоса» (а в ряде регионов и без него) ключевые посты в административном управлении, финансовых и коммерческих структурах регионов оказались в руках все тех же представителей бывшего партийного чиновничества. Это, во-первых, резко затормозило проведение каких-либо реформ в регионах; во-вторых, обеспечило мощнейшую монополизацию властных рычагов на региональном уровне; и в-третьих, дало время бывшему партийному чиновничеству на «мимикрию», создав благоприятные условия для сближения позиций и интересов этого чиновничества с местными представителями сословия производственно-управленческого аппарата.

Негативные результаты реформ в значительной степени усугубились попытками правящего класса сохранить классовую собственность на средства производства как в явной форме, так и под другой личиной, и использовать проводимые реформы для укрепления господствующего положения другими формами собственности. Программа приватизации, при всей острой необходимости ее реализации, заведомо осуществлялась с интересами лишь правящего класса аппарата управления. Неформальная классовая собственность на средства производства в результате программы приватизации «законными» и незаконными путями была трансформирована в формализованную собственность узких групп представителей класса аппарата управления. При этом значительная часть средств

производства так и осталась реально классовой собственностью, лишь спрятавшись под личиной различных акционерных и смешанных обществ и оставшись в полном распоряжении того же класса аппарата управления. Этому в значительной степени способствовало сохранение системы централизованного распределения финансовых инвестиционных ресурсов, целиком оставшейся под контролем правящего класса. Разгосударствление и приватизация средств производства на деле вылились в борьбу представителей этого правящего класса между собой за передел собственности. Основная масса населения была умело выведена из этого процесса передела собственности всего лишь несколькими «удачными» приемами.

Прием первый. В целях снижения давления на экономику со стороны денежной массы, не обеспеченной реальными товарами (что, в принципе, делать было необходимо), была осуществлена программа либерализации цен, начатая еще Павловым и развернутая в полную силу Гайдаром. Буквально в одночасье (за каких-то полгода-год) сбережения основной массы населения превратилось в прах. Процесс сбалансирования денежной и товарной масс мог бы быть более плавным и менее болезненным для населения, если бы в это время была уже ликвидирована монополия государства на валютные операции и торговлю драгметаллами (что дало бы возможность населению сохранить часть своих сбережений переводом рублевой массы в более надежные активы). Но по якобы «случайному» стечению обстоятельств реальная ликвидация этой монополии была осуществлена как раз на те самые полгода-год позже либерализации цен и начала гиперинфляции.

Прием второй: чековая приватизация «по-Чубайсу». Как «случайно» удачно для правящего класса затормозилась ликвидация монополии государства на валютные операции и торговлю драгметаллами, так же удачно «случайно» реальное проведение чековой приватизации отстало на год от либерализации цен. Если в самом начале идеологической и пропагандистской кампании проекта чековой приватизации номинальная стоимость чека (10 тыс. рублей или порядка нескольких тысяч долларов США) еще имела некоторую реальную ценность (как в финансовом, так и в психологическом отношении), то на момент реализации программы, рыночная стоимость чека упала аж до 7 долларов. Вот во что правящим классом в итоге была оценена доля каждого простого гражданина страны в общенациональном богатстве.

Здесь следует отметить, что все попытки «списать» негативные последствия этих двух мероприятий на некую нерасторопность и медлительность законодателей, якобы вследствие ретроградности их большинства (а именно такое оправдание приводилось Гайдаром, идейным вдохновителем реализованного варианта либерализации, и Чубайсом, «отцом» чековой приватизации), не выдерживает никакой критики. И прежде всего потому, что несмотря на все противоречия между различными сословиями и группами правящего класса управления, у них оставался единый общий интерес: сохранение власти и собственности на средства производства фактически в тех же руках одного класса, к которому они и принадлежали. И это не только в теории, - практические результаты этих двух реформ показывают, что и «реформаторы», и «ретрограды» получили максимальную выгоду от упомянутых «случайных» задержек.

Косвенным подтверждением общности глобальных интересов «реформаторов» и «ретроградов» может служить и то, что несмотря на важнейшую роль для экономики страны ликвидации государственной монополии на операции с валютой и драгметаллами и проведения приватизации, Ельцин проявлял казалось бы необъяснимую медлительность, хотя в решении других вопросов он совсем не церемонился и не обращал никакого внимания на законодателей…

Прием третий. Весь процесс приватизации проходил под полным контролем представителей класса аппарата управления. Они определяли перечень приватизируемых предприятий,

порядок и условия приватизации, список участников приватизационных конкурсов (там, где они были); они же и осуществляли непосредственную передачу средств производства в «частные руки». Как говорится, ежу понятно, кто в этой ситуации оказывается в лучшем положении: лишь тот, кто устанавливает «правила игры» (особенно при том, что он же в эту игру и играет). В результате зачастую целые предприятия за бесценок оказывались в руках нескольких человек из руководства этих предприятий.

Прием четвертый: финансовые пирамиды и «липовые» инвестиционные фонды. Этот прием позволил не только изъять у большой части населения остатки сбережений (избежавших обесценивания в процессе либерализации цен), но и изъять у того же населения существенную часть «грошовых» приватизационных чеков. Наивно было думать, что в результате этого приема выиграли лишь некие «жулики», не имеющие к правящему классу никакого отношения. Скажем, на деятельности той же «Властилины» неплохо нагрели руки некоторые представители высшего эшелона МВД (которые уж свои-то вклады получили назад со всеми процентами); а с помощью лопнувших впоследствии инвестиционных фондов формировались большие пакеты приватизационных чеков, позволявших тем же представителям класса аппарата управления за бесценок отхватывать самые лакомные куски собственности, ранее числившейся «общегосударственной».

Прием пятый: целенаправленное сохранение монополии правящего класса в сфере распределения финансовых ресурсов. Эта монополия имеет две составляющих: монополия в сфере распределения бюджетных средств и монополия в банковской сфере. Первая монополия за все время реформ претерпела только одно изменение: исчезло лишь прямое вмешательство руководящей верхушки аппарата КПСС по причине исчезновения самого этого аппарата.

(Аппарат, правда, не захотел исчезать в полном одиночестве, а успел прихватить с собой существенную часть национального достояния и опустошить копилку под названием «золото-валютные резервы государства». Ныне эти средства фигурируют уже под названием «частного» или «иностранного» капитала, сосредоточенного в руках представителей все того же класса аппарата управления.)

Сохранение монополии на распределение бюджетных ресурсов не только обеспечило правящему классу сохранение и мощнейшего рычага власти, но и источник дешевых и невозвращаемых кредитов, предоставлявшихся (и предоставляющихся!) строго по списку того же класса аппарата управления. Для тех, кто пытался заняться т.н. «коммерцией» или «частным бизнесом» в сколь-нибудь серьезных масштабах, данный вывод не представит из себя какого-либо «открытия»…

Монополия в банковской сфере все-таки частично была нарушена, поскольку без системы негосударственных (частными их и язык не повернется назвать) банков экономика бы просто не выжила. Но, во-первых, в силу отсутствия сколь-нибудь ощутимого частного капитала все эти банки так и остались в мощнейшей зависимости от бюджетных ресурсов и от централизованных кредитов Центробанка, т.е. в зависимости от благосклонности представителей класса аппарата управления, который вскоре и занял руководящие пост в успешных «альтернативных» банках.

А во-вторых, были жестко пресечены всяческие попытки проникновения в пространство экономики нашей страны иностранных банков, деятельность которых была настолько ограничена решениями ЦБ и правительства (читай: того же правящего класса), что не могла оказать какого-либо серьезного воздействия на процессы в финансовой сфере. Оно, конечно, понятно: присутствие иностранных банков на нашем рынке банковских услуг не только снизило бы эффективность финансовых рычагов власти, но и серьезно нарушило бы весь процесс «прихватизации» собственности, - скупать за бесценок собственность классом аппарата управления считалось нормальным, а «чужого» пускать нельзя ни в коем случае!.. И

действительно: ведь тогда бы пришлось полностью менять правила игры в приватизацию, а кто бы из правящего класса это допустил!?. Думается, что именно в подобной политике и в том периоде следует искать корни того, что иностранный капитал никак не хочет быть инвестированным в нашу экономику…

Представляется достаточно очевидным, что в условиях, обрисованных выше, никоим образом не мог сформироваться т.н. «средний класс», на который многие политологи и экономисты возлагают надежды как на главного стабилизатора общественных отношений и главного гаранта от социальных потрясений. Но что до того правящему классу аппарата управления!?. Он не только не дал окрепнуть этой «курице, несущей золотые яйца», но и съел ее еще желторотым цыпленком… Окончательные надежды на скорое формирование среднего класса были уничтожены приемом шестым: искусственным обрушением финансовой пирамиды под названием ГКО, который обычно обозначают термином «дефолт». (Кстати, за созданием пирамиды ГКО стоял уже известный нам «архитектор» - г-н Чубайс, ныне сооружающий вексельную пирамиду и готовящий приватизацию РАО ЕЭС. Процесс продолжается…)

Конечно, цифра «шесть» далеко не исчерпывает всего количества приемов, использованных правящим классом аппарата управления для ликвидации конкуренции в процессе дележа собственности. Общему числу этих приемов, пожалуй, позавидовал бы и Остап Бендер, похвалявшийся своими познаниями по «честным» способам изъятия денег у граждан…

Но вернемся к последствиям таких «реформ».

Первым (и пожалуй, основным) негативным результатом явилось окончательное лишение основной массы населения надежд и иллюзий стать собственниками средств производства. Теперь она уже «на полностью законном основании» осталась без всякой собственности (кроме лишь квартир, лишить которых массу населения правящий класс просто не имел сил и возможностей, да и особой необходимости).

Вторым глобальным результатом стал глубочайший спад экономики вместо обещанного его подъема (цифры якобы роста производства в последние полтора года являются полностью и целиком «дутыми», поскольку выражаются в рублях без учета последствий «дефолта» для этих самых рублей). Да по-другому просто и не могло быть. В условиях борьбы за передел собственности и власти основные начальные цели реформ по решению задач экономики и удовлетворению социальных потребностей общества неизбежно отошли на второй план. Вместо стимулирования переструктурирования хозяйства и модернизации производства, необходимых для преодоления экономического кризиса, происходит усиление налогового бремени и ужесточение фискальных мер, нацеленных на пополнение государственного бюджета, ставшего объектом передела между властными структурами. Общим результатом становится рост внешнего долга (каждый гражданин страны, получивший на 7 долларов собственности в виде чеков от государства, теперь должен более 1000 долларов иностранным кредиторам), спад производства во всех отраслях и развал экономики, углубляющие в значительной степени социальные противоречия в обществе.

Печальное положение экономики, кроме того, обуславливается не только тем, что правящему классу не до нее. Пожалуй, даже наоборот: еще хуже для экономики становилось тогда, когда взоры правящего класса обращались именно на нее. Скажем, в процессе «прихватизации» руководству предприятий и другим представителям класса аппарата управления (от которых зависела судьба этих предприятий) становилось чрезвычайно выгодным не развивать производство, а доводить его до разорения (так меньше реальная цена «приватизационной продажи» предприятия). В результате буквально «чудодейственным образом» те производства, которые, казалось бы, обречены на высочайшую рентабельность, вдруг оказывались в долгах как в шелках.

Для подъема экономики (как очевидно любому мало-мальски в ней разбирающемуся) необходимы инвестиции в производственную сферу. Это лозунг превратился в «лозунг дня» уже не один год назад. Но откуда взяться этим средствам?..

Первый возможный источник, - бюджетное финансирование, - парализован доминированием в господствующем классе (распоряжающимся этими ресурсами) интересов, перечисленных выше. Поскольку передел собственности еще весьма далек от своего завершения, постольку в ближайшее время серьезной смены бюджетной политики от правящего класса ожидать не приходится; а следовательно, - не следует ожидать и сколь-нибудь серьезных бюджетных инвестиций.

Второй возможный источник, - иностранный капитал, - был отсечен от возможностей серьезного участия в нашей экономике на самой ранней стадии «реформ» (см. ранее о монополии в банковской сфере). Теперь у него есть еще перед глазами и все те «страшилки», которые произошли в нашей стране за последние 10 лет (ГКЧП, конституционный переворот 1993 года, чехарда с правительствами, дефолт и т.д.). Ясно, что нормальный человек будет держаться подальше от подобных рисков.

Третий возможный источник, - внутренние ресурсы населения в виде потенциальных частных инвестиций. Но у широкой массы данные потенциальные возможности в результате нескольких волн разорения сведены почти к нулю. Что касается самого правящего класса, то и его возможности переоценивать не стоит. Если в условиях политической и экономической нестабильности не находится «дураков» среди иностранных инвесторов, то глупо надеяться, что наши вдруг станут «круглыми дураками». Наш правящий класс предпочитает инвестициям два основных способа вывода присвоенных им ресурсов из экономического оборота нашей страны. Способ первый: закапывание. Имеется в виду не закапывание на поле чудес подобно Буратино, а приобретение фешенебельного жилья и строительство коттеджей-вилл стоимостью до нескольких миллионов долларов. Если учесть, что при этом «устройстве гнездышка» имеет место явное предпочтение импортных товаров и материалов, то будет ясно, что уходящие на это «устройство гнездышка» средства не вовлекаются в экономический оборот страны даже единожды. Способ второй: бегство капиталов за рубеж. Его объем уже давно сопоставим с бюджетом страны.

Таким образом, следует признать, что в ближайшее время не приходится ожидать никаких серьезных положительных сдвигов в нашей экономике, переживающей вместо жизненно необходимых структурных реформ лишь перераспределение собственности между прежними владельцами. По сути, вместо реальных и существенных реформ всего комплекса общественных отношений, проведено переструктурирование их лишь в той его части, которая касалась взаимоотношений между сословиями класса аппарата управления. Это, конечно, стабилизировало и стабилизирует на какое-то время общество, но не исключает коренных противоречий, которые неизбежно приведут к новым кризисам.

В качестве иллюстрирующего примера слабой эффективности осуществленного переструктурирования отношений вернемся еще раз к такому важному макроэкономическому показателю как сбалансированность денежной и товарной массы.

Перед проведением реформ не только на руках населения находились «излишние» финансовые ресурсы, необеспеченные реальным товаром. Еще большее их количество находилось на счетах предприятий. Показателем этого излишка служило наличие громадной разницы между наличными и безналичными деньгами (реальная «стоимость» безналичных денег была в несколько раз ниже «стоимости» наличных). Фактически в стране сосуществовало сразу два вида различных финансовых ресурсов, что обуславливало широкое распространение т.н. бартерных сделок, означавших, по сути, натуральный обмен.

Либерализация цен в совокупности с жесткой кредитно-финансовой политикой позволила

ликвидировать эту разницу между наличными и безналичными деньгами в довольно сжатые сроки; и ныне «стоимостной» разницы между ними нет практически никакой. И это - несомненный признак оздоровления экономики по сравнению с «застойным периодом». Далее надо было лишь соблюсти полученный в тот момент баланс между товарной и денежной массой и равенство различных форм денег, а это требовало смягчения кредитно-финансовой политики (кстати, это смягчение пошло бы на пользу и развитию производства, т.е. и нарастанию товарной массы).

И вот тут «сработал» приоритет идеологии над экономикой. Правящая группа «либералов» увлеклась идеей монетаризма и продолжила жесткую кредитно-финансовую политику даже тогда, когда это было не только не нужно, но и стало наносить прямой вред производству. В результате выросла целая система т.н. «взаимозачетов», когда в расчетах между предприятиями начали фигурировать некие «цифры» и «суммы», которые резко отличались по качеству и по реальной «стоимости» от сумм на расчетных счетах (т.е. безналичных денег) и «в карманах» (т.е. наличных). Снова возникла двух-денежная система, и появились в обиходе даже специальные термины: «живые» и «неживые» деньги.

Спрашивается: почему люди, провозгласившие переход к товарно-денежным рыночным отношениям в качестве главной своей цели, фактически вернулись к порочной «застойной» системе финансов. Отвечается: это было выгодно той группе класса аппарата управления, которая находилась у власти. И развернем ответ: это позволило ей сохранить в своих руках основной властный рычаг - распределение финансовых ресурсов - в максимальной степени.

Ведь основная масса тех самых взаимозачетов так или иначе была связана с госбюджетом, который, с одной стороны, был в долгах как в шелках перед предприятиями, а с другой - тщетно пытался получить с тех же предприятий налоги (образовался замкнутый круг: не получив налоги, нельзя было рассчитаться с предприятиями; а не рассчитавшись с предприятиями, нельзя было получить налоги). А право на разрешение проведения взаиморасчетов с бюджетом правящая группа закрепила в своих руках (требовались визы Госналогслужбы и Минфина, а эти самые визы не ставились автоматически при соблюдении законных формальностей, - сильное влияние имел как раз именно субъективный фактор, связанный как со взятками, так и с лояльностью к власти). В итоге, выступая на словах против денежной эмиссии, эта правящая группа на деле проводила эмиссию скрытую, запуская в денежное обращение те самые «цифры» и «суммы» для взаимозачетов.

(Заметим в скобках, что возглавлял правительство в то время г-н Гайдар, а во главе Минфина стоял г-н Чубайс… Автор только опасается, что у читателя может сложиться мнение о претензиях непосредственно к данным двум господам. На самом деле: важны не персоналии, - они лишь олицетворяют интересы весьма широкой группы класса аппарата управления. И замена персоналий вряд ли чего-нибудь могла серьезно изменить.)

С принятием законодательства по вексельному обращению взаимозачеты постепенно переходят с «цифр на бумаге» к векселям. Но векселям, резко отличающимся от векселей в развитых рыночных отношениях, где вексель практически равен деньгам. У нас вексель - это тоже «цифры на бумаге». Только бумага изменилась: ранее - банковские выписки со спецсчетов, ныне - красиво оформленный лист с водными знаками (вексель). Но суть не изменилась. Опять мы имеем двух-денежную систему обращения; при этом опять-таки один из видов этих денег (векселя) не обеспечен товарной массой. И эту необеспеченность стало возможным оценить: реальная стоимость на рынке основной массы векселей предприятий колеблется в пределах 20-50% от номинала (даже у векселей с наступившими сроками погашения); а векселя, скажем, «Энергогаза» (детища Газпрома и РАО ЕЭС) вообще обращаются на рынке по стоимости всего лишь в несколько процентов от номинала!..

Так что все вернулось на круги своя: опять одни «деньги» (те, что «неживые») в несколько раз дешевле других денег (те, что «живые»), которые и фигурируют в официальных данных о

состоянии нашей финансовой системы (вексельные суммы в официальных отчетах не фигурируют). И когда рванет эта бомба, заложенная под экономику, неизвестно… Пока она лишь увеличивает свою мощь…

Но что это мы все об одном правящем классе аппарата управления?.. Пора вспомнить и о других…

Объективности ради, следует уточнить, что не только класс аппарата управления принял участие в борьбе за передел собственности. Борьба между различными группами внутри правящего класса аппарата управления за сохранение господствующего положения, сопровождавшаяся ослаблением государственности, неизбежно ослабила позиции самого этого класса. В этих условиях в борьбу за передел собственности и власти включился класс новой буржуазии, давно жаждавший этого передела и более приспособленный к формируемым рыночным отношениям. Следствием этого стала сильнейшая криминализация власти и коррупция государственных структур, что еще более способствовало параличу власти и послужило одной из основных причин небывалого разгула преступности.

Необходимо отметить, что взаимоотношения класса аппарата управления и класса новой буржуазии прошли три характерные фазы.

Фаза первая характеризовалась относительно слабым взаимодействием этих двух классов. Класс аппарата управления на этом этапе был занят исключительно проблемой собственного выживания и перераспределением властных рычагов. А класс новой буржуазии использовал возможности, появившиеся вследствие реформ и введения элементов рынка (к которому он еще был и более приспособлен, нежели класс аппарата управления). Этот класс частично легализовал свою деятельность, которую отныне не было необходимости ограничивать лишь рамками «теневой экономики». Как бы это ни показалось парадоксальным, но именно этот класс можно было бы выделить в качестве основной движущей силы рыночных преобразований в период, когда рухнула система КПСС, начавшая реформы.

Фаза вторая отмечена сильным сближением двух классов как по интересам, так и по общему характеру деятельности их представителей. Класс аппарата управления прошел «психологическую адаптацию», перейдя от смутной (но еще вполне реальной в период начального «хаоса») надежды на возвращение в «социалистический способ хозяйствования» к осознанию неизбежности рыночных преобразований. Ранее резко обособлявшиеся от «всяких кооперативщиков», руководители предприятий и производств сами окунулись в т.н. «бизнес» и «коммерцию», сразу заняв в нем (благодаря средствам производства, сконцентрированных в их распоряжении) лидирующее положение. К этому же времени набрал силу и класс новой буржуазии, уже легализовавший свою деятельность в достаточной для взаимодействия двух классов мере. Слияние опыта работы в условиях денежно-рыночных отношений класса новой буржуазии с возможностями сословия производственно-управленческого аппарата по распоряжению собственностью давало настолько мощный эффект, что было чрезвычайно выгодным для представителей обеих сторон. И это слияние не замедлило проявиться во всей его полноте, перейдя фактически к слиянию сословия производственно-управленческого аппарата с наиболее успешной частью класса новой буржуазии (давшей первую волну т.н. «олигархов»).

Именно это слияние и принесло с собой неизбежные «издержки» в виде криминализации отношений на все уровни власти. Отстрел неугодных конкурентов переместился с уровня торговых палаток на уровень руководства крупнейших производственных предприятий; представители силовых ведомств все чаще стали выступать в роли «крыши» экономических структур и отодвигать на второй план конкурировавших в этом с ними откровенных бандитов и т.д. и т.п.

Но постоянно растущие аппетиты класса новой буржуазии, естественно, не могли

ограничиваться лишь экономической сферой. Они стали покушаться на «святая святых», - на обладание властными рычагами. Этого класс аппарата управления, сам опирающийся в собственном благополучии на эти рычаги, позволить ни в коем случае не мог. События перешли в третью фазу, знаменующуюся лозунгом борьбы с преступностью (конечно же, этот лозунг представители класса аппарата управления понимают по-своему). Правящий класс аппарата управления уже получил достаточную для себя дозу вливаний «свежей крови»; дальнейшее увеличение этой дозы угрожало его здоровью…

Следует отметить, что «удачным» подспорьем в переходе к этой третьей фазе послужил известный дефолт, который провел резкую грань между разными слоями класса новой буржуазии и резко ограничил количество новоиспеченных нуворишей, претендовавших на свой кусок властного пирога. Лишь те из них, кто сумел в достаточной мере приспособиться к правилам игры во властных структурах и сохранил свой капитал благодаря этим правилам, смогли остаться в числе «избранных», допущенных к сколь-нибудь серьезным постам в экономике и политике. Да и этот список был значительно сокращен в ходе кампании по «борьбе с преступностью», опять же вылившейся лишь в очередной передел собственности. Места выбитых из «борьбы за место под солнцем» заняли т.н. «хозяйственники» (представители сословия производственно-управленческого аппарата), которые и сформировали вторую волну «олигархов»…

Но вернемся к массам, которые стояли в стороне от этих событий и лишь ощущали на себе их последствия…

Ориентация реформ и государственной политики не на нужды всего общества, а на удовлетворение интересов правящего класса, привела к сильнейшей дифференциации общества, к обогащению ограниченного круга лиц за счет основной массы населения, отстраненного от процесса передела средств и ресурсов общества. Вся тяжесть финансовой реформы легла на плечи трудящихся классов и нетрудоспособного населения. Программа "приватизации" окончательно юридически отлучила основную массу населения от средств производства. А переход к рыночным отношениям лишил класс наемных работников последних гарантий стабильности их хотя бы нищенского заработка. Государство (как инструмент власти правящего класса аппарата управления) еще сильнее обособилось от масс.

Неизбежным следствием этой политики явились запущенность и обострение социальных проблем, усиливших внутреннее напряжение в обществе, периодически прорывающееся в различных социальных конфликтах, от забастовок и митингов до войн под национальными лозунгами. Передел благ и власти между правящими социальными слоями сопровождается мощным давлением "снизу", со стороны основной массы населения.

Политика неприкрытого отстаивания интересов правящего класса, углубление экономического и социального кризисов неизбежно усугубили идеологический и духовный кризис. Нормой общества стал правовой нигилизм, неуверенность в завтрашнем дне, духовная опустошенность и эмоциональная раздражительность. Накапливается и негативное отношение к ходу и результату реформ. Все это, в свою очередь, значительно усиливает социальные конфликты и повышает вероятность социальных взрывов в обществе, что представляет серьезную угрозу как для отдельных социальных слоев, так и для всего общества.

В таких условиях любая группа представителей господствующего класса, приходящая к власти, вынуждена осуществлять ряд мер, единый для всех таких групп вне зависимости от их состава и принадлежности к конкретному сословию господствующего класса и вне зависимости от тех конкретных сил, которые приводят эту группу к власти. Вследствие этого правительственная чехарда последних лет ничего принципиально не изменила и изменить не могла.

Поскольку процесс передела собственности не бесконечен, а спад производства может продолжаться лишь до определенных пределов, преодоление которых вызывает серьезную угрозу для господствующего положения класса аппарата управления в целом и правящей группы в частности, постольку объективные условия заставляют правящие круги активно воздействовать на экономику.

Слабость сформированных к настоящему времени экономических рычагов регулирования хозяйственного механизма вынуждает правящие круги ориентироваться прежде всего на методы внеэкономического воздействия, поддерживая в целом систему приоритета политики над экономикой. Это значительно тормозит формирование развитых рыночных отношений и обуславливает сильнейшую зависимость формирующейся структуры экономики от устремлений узкой группы лиц, чьи интересы представляет правящая группа.

Под давлением «снизу» правящая группа вынуждена периодически гасить непрерывно стремящиеся вырваться наружу социальные противоречия и социальные конфликты, затыкать дыры в социальной политике. Отсюда неизбежно широкое использование популистских мер в борьбе за власть и обилие «подачек», не решающих в корне социальных проблем, но значительно отягощающих экономические реформы и возврат на общемировой путь развития.

Стремление обезопасить господствующее положение заставляет любую правящую группу, приходящую к власти, бороться с правовым нигилизмом, захлестнувшим общество на всех уровнях. Отсюда неизбежны ее усилия, направленные на правовое и идеологическое подкрепление достигнутого положения, на борьбу с разгулом преступности и на построение некоего подобия правового общества.

Но возможно ли вообще построение реально правового общества в подобных условиях?.. На этом вопросе стоит остановиться подробнее.

Рыба, как известно, гниет с головы, а чистить ее начинают с хвоста. Поскольку целью данного Приложения является не чистка, а анализ причин гниения (не разобравшись в причинах, нельзя оценить и перспективы успеха чистки), - с головы и начнем…

Как уже говорилось выше, всякая группа, приходящая к власти, стремится обезопасить свое господствующее положение. Соответственно, эта группа стремится переделать под свои интересы и действующее законодательство. Следовательно, новая группа власти неизбежно вынуждена начинать с прямого нарушения действующих законов (ведь они приспособлены к интересам предыдущей группы).

Более того, представители правящей верхушки (как и все другие представители господствующего класса аппарата управления) помимо общих интересов класса обладают и личными интересами. А личный интерес в условиях передела собственности неразрывно связан со стремлением к обогащению в той или иной форме. Обогащение же представителей властных структур ограничено формально «правилами игры во власть» и неизбежно подпадает под категорию «коррупция» или «злоупотребление служебным положением». И еще более того, ближайшим к правящей верхушке финансовым источником является государственный бюджет, куда всякий желающий обогащения чиновник неизбежно будет стремиться запустить руки. А это классифицируется как «хищение государственных средств» (чаще всего - «в особо крупных размерах»). Таким образом, личные интересы правящего сословия административно-управленческого аппарата целиком и полностью противоречат принципам правового государства.

Единственным более-менее «законопослушным» способом обогащения для правящей верхушки в этих условиях остаются законодательно закрепленные привилегии. Именно поэтому т.н. «борьба с привилегиями» конца 80-х - начала 90-х очень быстро сошла на нет, и

ныне привилегии правящей верхушки многократно превышают ранее имевшиеся…

Но каковы бы ни были законодательно закрепленные привилегии, они уже давно не могут удовлетворить запросы представителей правящей верхушки. Поэтому основной их привилегией стала (не закрепленная юридически, но существующая в реальности норма) привилегия нарушать закон. (Следует отметить, что в некоторых случаях им все-таки удается юридически закрепить и эту норму в виде т.н. депутатской или губернаторской неприкосновенности).

Результаты и подтверждение вышесказанному легко может обнаружить любой: при окладах в несколько тысяч рублей масса чиновников (как бывших, так и нынешних) имеет особняки в миллионы долларов; обладают (сами или через подставных лиц, - чаще родственников) собственностью в виде средств производства на десятки и сотни миллионов долларов и т.д. и т.п.

Далее. Поскольку основным источником финансовых ресурсов и опорой власти правящей верхушки является государственный бюджет, а наиболее простым способом этой «кормушки» остаются налоги (особенно в условиях, когда о подъеме экономики никто реально не заботится), постольку налоговый пресс быстрее растет, чем ослабевает. А помимо очевидных негативных последствий простого изъятия денег из экономики данный факт имеет и другое отрицательное следствие: любому производственнику становится невыгодным честно платить налоги. В результате преобразования последнего десятилетия не только не привели к сокращению и уничтожению т.н. «теневой экономики», а наоборот, - стимулировали ее рост. И более того: сформировался мощный т.н. «серый сектор», сочетающий в себе легальную деятельность и вполне уже привычное уклонение от налогов всеми возможными способами.

Представляется достаточно очевидным, что никакими репрессивными мерами (конечно, до определенного уровня, связанного уже по сути с физическими репрессиями) невозможно заставить человека разорять самого себя. Поэтому он уходил, уходит и будет уходить от налогов, нарушая законодательство и отдаляясь от правового государства все дальше и дальше…

Теоретически, может быть два выхода из сложившейся ситуации (вариант жестких репрессий мы рассматривать не будем). Первый: очень существенное (в два-три раза) снижение налогового бремени; второй: переориентация расходов бюджета из сферы потребления правящего класса в сферу стимулирования производства в виде инвестиций и структурных экономических реформ. Но это - в идеале. Реально же это будет означать серьезное ослабление основного рычага власти правящего класса. Пойдет ли он на то, чтобы своими собственными руками лишить себя господствующего и привилегированного положения?.. Ответ представляется однозначным, не правда ли?..

Важным вопросом для любой правящей группы во всех перечисленных выше условиях является укрепление государственности, способствующее сохранению власти этой группы. Отсюда неизбежно стремление к формированию и укреплению собственных структур власти, поддержка центростремительных сил и управляемости обществом из центра. Это вынуждает правящие круги искать опору в силовых структурах, чья роль в обществе в этом случае резко возрастает, способствуя и росту их собственных притязаний на власть.

И как легко видеть, именно этот путь и выбран ныне.

«Семигенеральщина» уже стала свершившимся фактом. Процесс «силовизации» власти идет полным ходом и вширь и вглубь. Генералы-силовики различных мастей на посту губернатора, главы городской или районной администрации уже давно ни у кого не вызывают удивления. По сути, мы имеем постепенный, «мирный» переход к «силовой хунте». Сможет ли она

удержаться от прямой или скрытой диктатуры?.. Думается, что вряд ли… Помимо прямого искушения любой власти применить силу, есть еще и немаловажный психологический фактор: силовики привыкли приказывать и подчиняться, а не обсуждать и искать консенсус. Этому была посвящена вся их сознательная жизнь. Это у них, как говорится, вошло в плоть и кровь… И это прослеживается на всех уровнях, начиная самого верха. Уже стали привычными фразы типа «принятое решение обсуждению не подлежит», «указания президента будут выполнены неукоснительно» и т.д. и т.п. И мало кто осмеливается вслух повторить знаменитую фразу Жванецкого: «А почему, собственно?..»

Усиление вертикали власти, «военизация» органов управления, укрепление централизованной государственности в условиях сохранившейся сильнейшей монополизации основного ядра экономики… Ничего это не напоминает читателю?.. Правильно, г-да Думающие, это - та самая командно-административная система!.. Только «модифицированная», приспособленная к изменившимся условиям… Чего в ней не хватает по сравнению с предыдущей, хорошо известной старшему поколению?.. Опять правильно: идеологического стержня всего этого!.. Но свято место пусто не бывает.

Посмотрите, как поднимает голову церковь. Не религия - нет, а именно церковь (как институт и своего рода административный аппарат идеологии под названием «религия»)!.. Стало «модным» для представителей власти светской демонстрировать свою якобы «набожность», участвовать в крупных церковных мероприятиях и приглашать на государственные мероприятия власти церковной. Не знаю, как уважаемый читатель, но автор уже давно не видел политика или чиновника, публично гордящегося тем, что он атеист… Как будто атеизм вымер и перестал существовать как мировоззрение…

Пока еще церковь формально отделена от государства, и высшие представители церковной власти заявляют о невмешательстве в дела власти светской. Однако не надо тешить себя иллюзиями, что так будет всегда. Церковь все сильнее проникает в систему образования, постепенно осваивается в армии (это вообще идет в нарушение принципа департизации и деидеологизации армии, - но кто на это обращает внимание?..). Любая партия позавидует тому количеству информационного пространства и времени, предоставляемому (кстати, практически бесплатно!) средствами массовой информации для освещения вопросов религии и церковных мероприятий. А ведь у церкви совершенно шикарное финансовое положение, - она полностью освобождена от налогов.

И уже слышны призывы некоторых деятелей церкви о необходимости ее вовлечения в политическую жизнь страны… И пусть авторами этих призывов являются лишь ее «функционеры средней руки»: средний эшелон сегодня - это высшее руководство завтра… Вот вам и лицо завтрашнего дня…

И не беда, что в нашей стране нет единой доминирующей религии. Ну, будет вместо «веры в коммунизм» две или три господствующие идеологии: православие, ислам и буддизм (в качестве «запасного» варианта). Руководство этих церквей может быстро договориться друг с другом (активные их контакты по согласованию деятельности уже имеют место), благо для этого есть и фундаментальная основа: Магомет всегда подчеркивал, что его Бог - это Бог иудеев и христиан…

Возврат к командно-административной системе (пусть и в модифицированном виде) помимо прямого совпадения с интересами господствующего класса аппарата управления имеет и весьма реальную основу. Во-первых, эта система фактически сохранена в самых крупных производственных монополиях. Газпром, МПС, РАО ЕЭС - каждый из них, это как бы советское государство в миниатюре с жесткой административной структурой и сильно централизованным управлением. Во-вторых, в каждом «удельном княжестве» каждый «князь» стремится (и часто не без успеха) к воссозданию административного управления в своей «вотчине». Ясно, что данная тенденция способна лишь усиливаться с приходом на

руководящие посты в регионах представителей силовых структур. И в-третьих, армия чиновников (необходимых для командно-административной системы) непрерывно растет. Ее численность в России уже превышает численность чиновников до реформ во всем СССР вместе взятом!.. И уже мало кто вспоминает лозунг «сокращения бюрократического аппарата», столь популярный на заре реформ.

Признаки процесса возврата к командно-административной системе в «модифицированном» виде легко обнаруживаются практически во всех сферах нашей реальности. И, пожалуй, одним из самых показательных примеров настоящего этапа является ситуация с энергетическим кризисом в Приморье, который решается исключительно методами централизованного командного управления: «барин приедет из Москвы, барин рассудит»; как только «барин» уезжает, - все возвращается на круги своя…

Среди других симптомов возврата можно отметить и стремление к закреплению сложившейся расстановки сил во властных структурах. Приток «свежей крови» усиленно пытаются прикрыть на всех уровнях. Уже губернаторы получили возможность «избираться» на свои посты в третий и четвертый раз; предпринимаются попытки поднять «потолок» возраста членов Конституционного Суда с 65 до 70 лет; и в качестве «пробного шара» уже запускался проект об увеличении сроков президентства до 7 лет (для проверки реакции общественного мнения).

И даже по структуре реальной власти мы уже все ближе к командно-административной системе. Все больше получает полномочий Администрация Президента страны (одно из последних «новшеств» - возложение на Администрацию «координации» деятельности представителей Президента в регионах). Администрация Президента все более приближается по своей значимости и роли к тому, что имел ранее Центральный аппарат ЦК КПСС (она даже располагается в тех же помещениях на Старой площади, - вот уж задумаешься: а может быть, все-таки «место красит человека»?..). Роль же и власть Политбюро сконцентрирована ныне фактически в руках Президента, но Политбюро хоть придерживалось видимости коллегиальности…

Серьезной помехой правящему классу в возврате к командно-административной системе ныне, пожалуй, осталась лишь многопартийность и свобода слова, позволяющие хоть в какой-то степени тормозить расширение идеологической поддержки такого возврата. Но что же мы видим в текущий период?..

Проправительственные и пропрезидентсткие партии и движения вырастают как грибы после дождя. Верховодят в них (как это видно любому проницательному стороннему наблюдателю) те же представители правящего класса аппарата управления, которые абсолютно не стесняются использовать свой т.н. «административный ресурс» для обеспечения господства «своих» партий и движений в политической жизни страны. Но этого им явно мало, - им хочется окончательно гарантировать себя от какой-либо потенциальной конкуренции. На подходе уже закон о политических партиях и движениях, центральной идеей которого является установка дополнительных труднопреодолимых барьеров на пути партий, не поддерживающих господство и политику правящего класса аппарата управления.

А в курсе ли уважаемый читатель, что 2000 год ознаменовался негласной тотальной проверкой силовыми структурами существующих политических партий и движений якобы «на соответствие действующему законодательству»?.. По финансово-хозяйственной и региональной деятельности этих партий и движений собрано достаточно материала, чтобы использовать его в случае необходимости в качестве «компромата» вплоть до «законной» ликвидации (как указывалось выше, у нас в стране мало кто живет по законам)… В чьих руках сосредоточена эта информация, объяснять не требуется… Сделано это было без лишнего шума и какого-либо широкого освещения в средствах массовой информации. И посмотрите, как сильно присмирела оппозиция за последние полгода… Нет сомнений, что

пошумит-пошумит немного, да и проголосует также за закон о политических партиях, ставящий их в прямую зависимость от правящего класса.

Что касается свободы слова, то не надо быть «семи пядей во лбу», чтобы заметить целенаправленные действия правящей верхушки в сторону существенного ограничения этой свободы. Печатные издания пока серьезно не трогают, - все-таки их сфера воздействия на умы населения много меньше, скажем, телевизионной аудитории. С телевидения и начали…

Предварительно под предлогом «экономической целесообразности» все региональные технические средства ретрансляции были собраны воедино под централизованное государственное управление. Все т.н. независимые региональные телевещатели тут же лишились своей реальной независимости (у кого она хоть в какой-то мере была), попав в положение, когда их в любой момент могут лишить доступа к эфиру. Это, например, было продемонстрировано на последних выборах мэра г.Сочи, когда по указанию из Москвы было прекращено вещание местной телекомпании, осмелившейся открыто выступить против кандидата, поддерживаемого центральной властью.

Затем основательно «почистили» кадры канала РТР, вещающего на всю страну, и обеспечили необходимую степень лояльности передач действиям центральной власти. Нечто аналогичное произведено и с каналом ОРТ, в том числе и руками главного акционера канала (если не считать само государство) - Березовского. И как только Березовский заявил о своем переходе в оппозицию к правительству и президенту, его тут же весьма оперативно удалили с руководящих постов канала.

(Автор вовсе не является хоть в какой-то степени «поклонником» г-на Березовского. Скорее наоборот. Но заметьте: основной публичной причиной своего перехода в оппозицию Березовский назвал именно стремление центральной власти к возврату авторитарного управления.)

Ныне дошла очередь до канала НТВ. Что только не предпринимается руками Газпрома и прокуратуры для лишения НТВ действительно независимого от центральной власти положения. И под каким бы предлогом не поменялось руководство канала, ясно одно: на пользу свободе слова это не пойдет (хотя Шендерович и предупредил, что «давимы они будут со звуком и запахом»)…

Параллельно с событиями в сфере телевидения, правящей верхушкой предпринимались и другие шаги. Сначала была принята на государственном уровне некая «доктрина по обеспечению информационной безопасности страны». Эта доктрина, принятая Советом Безопасности (т.е. собранием силовиков) и утвержденная президентом, предусматривает фактическое введение частичной цензуры средств массовой информации. А затем: появился проект введения лицензирования открытия серверов в российском Интернете под предлогом все той же «информационной безопасности».

И чтобы не утверждали представители власти о своем якобы стремлении к развитию свободы слова, их реальные действия лучше всего описываются фразой: «шаг вперед, два шага назад»… Впрочем, ту же самую фразу вполне можно использовать и для характеристики действий господствующего класса аппарата управления по проведению реформ вообще…

Конечно, в целом, правящие круги объективно заинтересованы в стабилизации общества и выходе на поступательный путь развития на базе сильной рыночной экономики. Однако закрепление сложившейся расстановки сил в обществе при любой смене правящей группы одного и того же господствующего класса означает сохранение социальной структуры общества, сопровождающееся целым рядом негативных черт.

Прежде всего, в этих условиях неизбежна ориентация политики власти и государственных структур не на интересы всего общества, а на интересы лишь правящего класса. При всем

многообразии возможных вариантов конечная структура экономики в условиях такой политики оказывается неизбежно ориентированной на сохранение господствующего положения класса аппарата управления вне зависимости от того, под каким видом средства производства закрепляются в собственности этого класса: в форме частной собственности или в форме классовой собственности под личиной «общенародной» или «государственной».

Различие интересов правящего класса и интересов основной части общества при закреплении на государственном уровне различий в возможности реализации этих интересов разными классами обуславливает неразрешимость социальных проблем и означает сохранение в обществе источника социальной напряженности, способного вызывать серьезные социальные конфликты.

Нестабильность социального положения в этих условиях неизбежно будет порождать у правящих кругов искушение ограничить права и свободы классов и социальных слоев, отдаленных от власти самой структурой общественных отношений, что значительно повышает вероятность рецидивов жесткого авторитарного режима общественного управления.

В принципе, для введения авторитарного управления уже есть почти вся необходимая основа. Даже юридическая и законодательная база, которая начинала закладываться еще при Ельцине и которая чрезвычайно расширила полномочия силовых структур. Период непрерывной реорганизации (то дробления, то слияния, то ликвидации, то опять введения) силовых структур неизменно сопровождался то малым, то значительным усилением их возможностей по нарушению гражданских прав и свобод, пусть даже и закрепленных в Конституции.

В период Ельцина при каждом таком нововведении общественное мнение успокаивали тем, что никто эти полномочия не собирается пускать в ход во вред свободам простых граждан. Да и сам Ельцин периодически присоединялся к подобным заверениям, провозглашая за собой некие обязанности «гаранта Конституции». Но ведь еще Чехов говорил, что ружье на стене обязательно должно выстрелить. А здесь не ружье, а целая система запалов и взрывчатки заложена!.. Ельцин, может быть, и не собирался нажимать кнопочку «пуск». Но ведь Ельцин не вечен (да и далек от власти он уже), а новый хозяин кнопки может иметь и иной взгляд на ее назначение и применение.

Естественно, что все реконструкции силовых структур были направлены прежде всего на кадровую чистку их состава. Но ныне данные кадры уже полностью привержены центральной власти и готовы переключиться со «своих внутренних» на «внешние» проблемы. Им нужна только команда «фас»…

А ведь параллельно с укреплением силовых структур и юридическим подкреплением расширения их полномочий формировалась и развивалась система тотального контроля за гражданами. И дело не только в возможностях силовых структур по прослушиванию телефонных линий, перехвату пейджерных и радиотелефонных сообщений и контролю за электронной информацией. Банки уже обязаны осуществлять отдельный контроль за «крупными» финансовыми операциями с частными счетами; а также проводить любые валютообменные операции частным лицам лишь при предъявлении документов, удостоверяющих личность, с оформлением соответствующей справки, один экземпляр которой остается в банке (в некоторых банках информация с этих справок уже автоматически заносится в компьютерную базу данных).

Под предлогом совершенствования пенсионной системы каждому взрослому гражданину присваивается персональный учетный номер, а фонды социального страхования требуют от предприятий указания этих номеров для всех работников предприятия. Подкрепляет эту систему и персональные налоговые декларации (хотя введенные еще пока не для всех) и

«эксперимент» по присвоению каждому гражданину ИНН (налогового идентификационного номера), проводящийся в некоторых городах… Скажем, в Москве многие предприятия уже не берут на работу даже жителей Подмосковья (куда этот эксперимент еще не распространился) без получения ИНН.

А теперь присовокупите сюда необходимость предъявления справок о доходах при осуществлении крупных покупок и объедините все вышеизложенное в единую систему!.. И вы получите такие возможности для тотальной слежки со стороны силовых и фискальных органов, которым позавидовал бы «всесильный КГБ»…

(Единственное, чего для этого пока не хватает, - соответствующего технического оборудования, способного перерабатывать всю массу информации. Но ведь мы не стоим на месте и стараемся подтягиваться к передовым странам в информационном обеспечении… Надежда лишь на нашу вечную нерасторопность…)

Ясно, что в таких условиях вполне возможно «наведение порядка», порядка авторитарного…

Однако стабилизация сложившихся общественных отношений за счет некоего «наведения порядка» даже при условии возврата экономики на общемировой путь развития будет лишь временной, поскольку не разрешает кардинальным образом накопившихся проблем общества и сохраняет внутренний очаг социальной напряженности. Загоняя эти проблемы вглубь, такая «стабилизация» не только не обеспечивает бескризисности дальнейшего развития общества, но и закладывает основу для будущих мощных социальных взрывов.

Даже в случае наиболее благоприятного развития событий проводимые реформы смогут дать лишь некое приближение к модели развитых стран, отягощенное дополнительными национальными особенностями. Гигантские монополии в экономике, отсутствие демократических традиций и навыков общественного управления, стремление к монополии власти и идеологии неизбежно будут переводить противостояние государства и общества, сохраняющееся объективно даже в наиболее развитых странах, в социальные потрясения и взрывы.

Поэтому возврат с пути социальных экспериментов на естественный исторический путь развития и приведение общественных отношений в соответствие с достигнутым уровнем производительных сил, хотя и чрезвычайно актуальны, но являются уже задачей вчерашнего дня.

Печальный прогноз, не правда ли?..

Но что поделать… Ведь именно данный вариант развития событий ныне наиболее вероятен.

Однако «вероятен» вовсе не означает «однозначен» и «неизбежен»!..

Современные тенденции общественного развития вполне позволяют спрогнозировать такой его вариант, который способен привести общество к гармоничному бескризисному состоянию со структурой общественных отношений, ориентированной на интересы всех слоев общества и гибко меняющейся в зависимости от конкретно-исторической ситуации и достигнутого обществом уровня. Формирование правового демократического государства с сильной рыночной экономикой оказывается в этом случае лишь промежуточным шагом на пути построения такого «общества гармонии», что переводит задачу реформирования общества из плоскости разрушения и устранения отклонений от общемирового пути развития в плоскость созидания прогрессивных общественных отношений.

Конечно, хотелось бы реализации именно такого пути. Однако есть один немаловажный момент: свойства любой системы в сильнейшей степени зависят от ее структуры. Поэтому наличие какой-либо структуры системы определенным образом ограничивает поле

возможных ее свойств, и для того, чтобы кардинальным образом изменить свойства системы, нужно изменить ее структуру. Для общества это означает необходимость изменения общественных отношений, среди которых и т.н. структура власти и государственная структура. Таким образом, нужно быть до конца честным и признать, что это означает в том числе и изменение государственного строя, призывы к чему запрещены действующим законодательством. Поэтому автор не будет заниматься какими-либо призывами, а лишь попробует обрисовать вариант, альтернативный описанному ранее.

Часть II. Куда податься?..

«Партия нового типа?..

Есть такой тип, и вы его знаете!..» Шутка политической рекламы

Кардинальное изменение общественных отношений в ходе каких-либо реформ позволяет сопоставлять эти реформы с революцией (даже если никакого революционного взрыва в виде «бунта» нет). По сути, такие реформы и революция - две формы одного и того же процесса; хоть и весьма различные, но обладающие и огромным сходством.

В свое время один из теоретиков и практиков революционных переворотов (весьма известный в нашей стране) сформулировал идею о том, что коренной вопрос всякой революции - это вопрос о власти. Весьма краткий и емкий тезис. Но чем короче тезис, тем больше вариантов его смыслового наполнения. Так в каком смысле понимать этот «коренной вопрос»?..

Обычно на него отвечают самым простым способом (то, что называется «в лоб»): дескать, самое главное - кто именно будет стоять у власти. И следует согласиться, что от этого зависит очень многое. Особенно - в переходные периоды, периоды нестабильности общества.

«…в настоящее время оно [общество] переживает переходный период от одного общественного порядка к другому. Этот процесс характеризуется тем, что особую значимость приобретает «субъективный фактор», за которым стоит возможность выбора того или иного пути развития общества. Роль этого фактора сравнима с ролью флуктуации в открытой неравновесной динамической системе, движение которой переходит через точку бифуркации. Структура социальной системы неоднородна. Она включает в себя целый ряд подсистем - социальных субъектов, структура которых так же может быть неоднородной. Действие субъективного фактора на разных уровнях социальной системы вызывает неодинаковый отклик. В самом верхнем слое социальной структуры - элитарном слое, такой отклик достигает своих максимальных значений. Поэтому следует полагать, что от скорости и степени организации такого социального субъекта, как элита, во многом будет зависеть то, как будет организовано общество в целом» (С.Земцова, В.Негруль, Б.Пойзнер, «Властная элита в свете синергетики: к постановке проблемы»).

Действительно, в любой неоднородной системе неоднородно и влияние отдельных элементов и подсистем на свойства и поведение системы в целом. Какие-то элементы практически не оказывают влияния на поведение системы, а какие-то способны сильнейшим образом определять его. Говоря языком физики, разные элементы имеют и разные весовые коэффициенты влияния на поведение системы.

Общество, как неоднородная система, также обладает подобным свойством: некая группа индивидов всеми доступными ей способами (которые мы называем «рычагами власти» и

которые имеют как материальное, так и духовно-нематериальное содержание) осуществляет максимальное воздействие на жизнь общества в целом. И эту-то группу часто обозначают термином «властная элита».

Данное свойство общества вызвало на свет множество вариантов «теории властной элиты», которая не только пытается сформулировать закономерности как самой этой «элиты», так и ее представителей, но и ставит поведение всего общества в прямую зависимость от свойств «властной элиты» (как это сделано, например, в работе, из которой взята вышеприведенная цитата). Но мы не будем вдаваться в подробности этой теории, а зададимся вопросом: насколько вообще правомерен подобный подход?..

Даже поверхностный взгляд на «теорию властной элиты» способен выявить ее глобальный недостаток: она не учитывает факта возрастающей роли масс в жизни общества. Факта, который был выявлен еще в XIX веке и который лег в основу двух фундаментальных теоретических направлений: классовой теории Маркса и теории психологии толп Ле Бона.

Автор допускает, что упоминание тезиса о возрастании роли масс в общественных процесса вызывает уже оскомину у читателей, которых буквально напичкивали максистско-ленинской теорией. Но ведь это не может являться основанием для исследователя, стремящегося к корректности анализа, отбрасывать реально имеющийся факт. (Если мне «не нравится» притяжение Земли, не позволяющее мне летать без специальных приспособлений, то это не является основанием для исключения гравитации из числа воздействующих факторов.)

«…массы являются фактом, а ученый не пренебрегает фактами, он их уважает и пытается понять» (С.Московичи, «Наука о массах»)

А ведь с XIX века по нынешнее время роль масс только возрастала (хотя бы вследствие роста населения и развития средств коммуникации). И если ранее воздействие индивидов, не входящих во «властную элиту», на общество в целом, действительно, было ничтожным по сравнению с воздействием «властной элиты», то теперь эти одиночные индивиды, объединяясь в те самые массы, способны резко увеличивать (пусть пока еще лишь на некий ограниченный период времени) весовой коэффициент своего влияния.

И здесь мы выходим на другое смысловое наполнение тезиса о «коренном вопросе революции». Именно на то, которое акцентируется не на вопросе о том, кто находится у власти, а на вопросе о самой роли власти, о ее взаимоотношении с обществом в целом и теми самыми массами, в частности.

Но может ли вообще быть несколько различных вариантов взаимоотношений «властной элиты» и общества?..

«Характер властных отношений в обществе мало зависит от протекания исторического времени, характер пространства власти не может быть описан однозначно как прогресс. Каково было пространство власти в России при царе Горохе, примерно таким оно остается в основных чертах и сейчас. Это инвариант. В результате культурного прогресса изменяются только средства осуществления власти» (Н.Михеев, «Самоорганизация пространства языка и самодезорганизация пространства власти»).

Действительно, вследствие сильной инерционности общественных отношений, обуславливаемой малой скоростью изменения массового сознания и культурных традиций общества, может сложиться иллюзия «инвариантности» отношений между властью и обществом. Особенно, если ограничиваться периодом с «царя Гороха», приняв буквальное значение слова «царь»… Но это будет лишь иллюзией.

Возьмем, к примеру, нашу страну, в истории которой можно выделить несколько больших, но очень разных по своей сути периодов.

Период первый: Докняжеская Русь. Этот период характеризуется общинной родоплеменной демократией. Власть есть. Но она направлена прежде всего на интересы всей общины, а не некоей «властной элиты», основная жизнь которой мало отличается от жизни других членов общины.

Период второй: Княжеская Русь. В этот период уже «властная элита» формируется как довольно обособленная от остального общества группа. Но князья выступают пока лишь в роли «судей» и «организаторов», а не властителей (в привычном для нас понимании). Они призваны для выполнения определенных общественных функций и изгоняются обществом со своего властного положения, если не исполняют этих функций.

Период третий: Царская Русь (Россия). Этот период характеризуется наличием сильно обособленной и ярко выраженной «властной элиты». Данная обособленность неизбежно выливается в определенное противоречие между собственными интересами «властной элиты» и интересами общества в целом.

В подавляющем количестве исследований на тему «власть и общество» в качестве модели их взаимоотношений берется форма отношений именно третьего периода. Но недостаток «теории властной элиты» еще и в том, что она полагает неизменность отношений власти и общества и в дальнейшем. А как мы видим из нашей истории, эти отношения могут быть весьма различными. Но вернемся к периодам…

Четвертый период, начавшийся на рубеже XIX и XX веков, в полной мере отражает появление на авансцене нашей истории нового «действующего игрока» - масс. Рядовые члены общества, объединяясь в массы, периодически пытаются повлиять на отношения в обществе, сбросив иго подчиненности жизни общества лишь интересам «властной элиты». Этот период характеризуется чередой попыток перехода к демократии с рецидивами предыдущего периода (обусловленных инерционностью общественных «привычек»).

Приверженцы «теории циклов» могут обнаружить здесь замыкание цикла развития, - «возврат» к обществу первого и второго периода. Но данный «возврат» является скорее «ходом по возрастающей спирали», нежели «бегом по кругу»…

Любопытно отметить, что непосредственным выводом как из «теории циклов», так и «теории развития по спирали» является необходимость и неизбежность выхода общества на «функциональность» власти через и с помощью развития демократических отношений; смену роли власти с господства в обществе на обслуживание интересов общества.

Можно получить аналогичный вывод и другим способом…

Общество часто любят сравнивать с живым организмом: «мозг» - система власти и управления, «тело» - все остальное. Но даже если опуститься на столь примитивно-физиологическую модель, то следует признать, что никакой «мозг» не сможет эффективно управлять «телом» (а тем более обеспечивать «комфортность» его состояния, - конечная цель центральной нервной системы, в принципе), без широкой и разветвленной «нервной системы», не только и не столько спускающей сверху вниз некие «указующие сигналы», сколько отслеживающей потребности «клеток тела» и доводящей до «мозга» информацию об этих потребностях. Для любого физиолога очевидно: от того, насколько неискаженно будет доводиться информация снизу вверх до «мозга», и насколько адекватны будут принимаемые им решения, зависит жизнеспособность всего «организма». Отсюда неизбежно следует потребность в том, чтобы не «тело» обслуживало «мозг», а наоборот - задача «мозга» в обслуживании потребностей «тела»… (Хотя еще более корректным будет вывод о необходимости того, чтобы и «мозг» и «тело» обслуживали друг друга, т.е. весь организм в целом, находясь в гармоничном единении.)

Но можно ли опираться в такой жизненно важной области как общественное и политическое

переустройство лишь на какие-то там «циклы», «витки спирали» или физиологию?.. Конечно же, нельзя… Для этого нужны более веские основания. И с этой целью вернемся к анализу текущего состояния общества.

Почти вся известная история (за исключением лишь самого раннего периода) характеризуется раздробленностью человеческого общества на различные социальные группы, слои, классы и нации с отличающимися друг от друга интересами и борьбой между ними за господство и доминирующее положение в обществе. Как самые грандиозные социальные эксперименты под лозунгами построения общества равенства основывались на борьбе социальных слоев и классов и на ее использовании для достижения победы одних классов над другими, так и современные «национально-освободительные» движения отражают лишь стремление одной нации господствовать над другими.

Любой социальный слой, пришедший к власти и добившийся доминирования над другими социальными слоями, стремится поддерживать именно ту структуру общественных отношений, которая обеспечивает господство этого слоя и которая неизбежно устаревает на определенной стадии развития общества, тормозя это развитие и входя в противоречие с интересами этого общества. Противостояние социальных слоев в этих условиях порождает кризисы и общественные потрясения.

Особенностью современной эпохи является чрезвычайное ускорение темпов развития общества, приводящее ко все более быстрому старению систем общественных отношений, жестко ориентированных на какую-либо конкретную расстановку социальных слоев внутри общества, к сокращению периодов стабильности в обществе и к учащению социальных потрясений. Урон, наносимый этими социальными потрясениями обществу в целом, все меньше компенсируется выигрышем от очередной перемены расстановки сил в обществе, от смены господствующего социального слоя и от соответствующего изменения общественных отношений.

Широчайшее развитие информационных, экономических и культурных связей в современном обществе в громадной степени усиливает взаимодействие членов общества и социальных слоев друг с другом.

Общество образует единую тесную систему с целым комплексом внутренних связей и взаимозависимостей, в которой любое противостояние, любая борьба социальных слоев, классов и наций наносит вред всему обществу. Любая «победа» одного социального слоя над другим - это проигрыш всего общества, в том числе и «победителей».

В этих условиях гармоничное бескризисное развитие общества возможно лишь при условии перехода от противостояния социальных слоев, классов и наций, от борьбы их за доминирующее положение к конструктивному сотрудничеству на благо всего общества, на благо всех его социальных слоев; при коренном изменении подхода социальных слоев к собственному положению, к другим социальным слоям и ко всему обществу.

Общество - единое целое, отношения внутри которого должны регулироваться по принципам человеческого общежития, ориентированного не на подавление чьих-либо интересов в угоду другим, а на сочетание интересов всех социальных слоев ради общего блага и блага каждого. Распространение принципа человеческого общежития на все уровни общественных отношений между членами общества способно образовать основу того «общества гармонии», которое в своем развитии будет в минимальной степени подвержено социальным потрясениям и катаклизмам.

Ориентация «общества гармонии» на интересы всех его социальных слоев может быть обеспечена только в условиях равенства прав, свобод и возможностей по реализации способностей всех членов общества вне зависимости от социального положения или

национальной принадлежности. Ограничение свобод индивидов и социальных групп должно быть минимальным и определяться лишь из условий существования единого общества и условий сосуществования индивидов в едином человеческом общежитии. Допустимо все, что не вредит окружающим и не ограничивает их собственных прав и свобод.

В силу этого «общество гармонии» не подавляет личность и не подчиняет ее неким чуждым ей интересам, а отдает личности приоритет. Богатство «общества гармонии» - это богатство его граждан; сила общества в силе его граждан; процветание общества складывается из процветания граждан.

В целом, «общество гармонии» представляет собой человеческое общежитие, ориентированное на процветание всех членов общества и реализующее бескризисное гармоничное развитие на основе высокопрофессионального разумного управления в интересах всех социальных слоев. Это - общество с такой структурой общественных отношений, которая обеспечивает их автоматическое саморегулирование в сторону соответствия достигнутому уровню развития общества.

Стремление к построению «общества разума и гармонии» на основе обеспечения принципов человеческого общежития, а не на основе жестко фиксированной конкретной формы «общества будущего», позволяет избежать негативных последствий догматизма и искусственного ограничения вариантов возможного реального развития, что значительно увеличивает вероятность достижения положительного результата.

Поскольку система общественного управления является составной частью общественных отношений, постольку «общество гармонии» возможно лишь в том случае, когда общественные структуры и институты власти и управления ориентированы на интересы всех слоев общества, а не на интересы лишь господствующего класса или социального слоя. В таком обществе нет особых «государственных» интересов, поскольку государство служит обществу, а не наоборот.

Служение государства обществу означает, что структуры общественного управления и регулирования ориентированы строго на обеспечение нужд всех членов общества, и прежде всего: на обеспечение безопасности граждан, на решение социальных вопросов (здравоохранение, образование, забота о нетрудоспособных членах общества), на поддержку материального и духовного развития членов общества и самого общества в целом (экономика, наука, искусство).

Это возможно реализовать лишь в том случае, если система управления общественными отношениями будет строиться в соответствии с принципом саморегулирования общества, т.е. если структуры управления всех уровней формируются самим обществом по мере их необходимости для решения конкретных задач. При этом каждый уровень структуры управления должен заниматься обеспечением нужд общества на соответствующем уровне и не вмешиваться в деятельность других структур.

Такая система управления может быть высоко эффективна лишь при широчайшем развитии самоуправления в обществе и при условии обеспечения равных возможностей для всех членов общества по обучению науке управления и выработке соответствующих навыков.

При этом самоуправление не должно ограничиваться лишь одним производством. Необходимо, чтобы оно пронизывало все общество на всех уровнях: производственном, бытовом, общественно-политическом, образовательном и т.д.; начиная со школы и заканчивая «большой политикой». А для этого надо не только создать саму систему общественного самоуправления (начиная практически на пустом месте), но и систему обучения самоуправлению. И эти процессы невозможно оторвать друг от друга: грамотное и эффективное самоуправление нельзя обеспечить без соответствующих навыков, а навыки

самоуправления можно развивать лишь на практике.

Задача построения «общества гармонии» не только находится в русле многовековых идей, но и отвечает современным чаяниям общества, согласуется с современным массовым идеалом благополучия. Более того, она соответствует естественным тенденциям развития общества от конфронтации и борьбы за выживание между его частями к объединению в одно целое на основе гуманизации и терпимого отношения к интересам других членов общества.

Построение «общества гармонии» на основе правил человеческого общежития является задачей не только необходимой для выживания нашего общества и человечества в целом, но и реальной по выполнению. Многочисленные проявления норм человеческого общежития во взаимоотношениях между людьми, народами и странами встречаются в реальной действительности все чаще, хотя многие из них вырабатываются на базе нелегкого исторического опыта, в результате тяжелых поисков.

«Общество гармонии» не может быть объявлено в одночасье, равно как и правила человеческого общежития не могут быть насильственно утверждены. Они должны постепенно вырабатываться самим обществом, становясь его неотъемлемой частью во всей многогранности человеческого бытия. И хотя полное достижение «общества гармонии» может быть весьма удаленным от текущего момента, задача его построения является задачей не завтрашнего, а сегодняшнего дня, выполнение которой должно осуществляться и может ощущаться современным поколением на каждом своем шагу по пути к конечной цели. Каждый шаг в направлении «общества гармонии» - это улучшение условий жизни самих тех, кто делает этот шаг.

В настоящее время имеются реальные объективные предпосылки для построения «общества гармонии». Более того, есть предпосылки для того, чтобы построение «общества гармонии» осуществлялось на основе лидирующего движения к конечной цели именно нашего общества, которое обладает целым рядом необходимых для этого специфических предпосылок.

Во-первых, в нашем обществе имеются экономические предпосылки для того, чтобы не только вернуться на общемировой путь развития, но и сразу сделать значительный шаг вперед. Актуальность и объективная необходимость изменения производственных, финансовых и иных экономических отношений значительно облегчает задачу построения новых отношений, в которые изначально можно закладывать элементы «общества гармонии»: равноправное сосуществование разных форм собственности, переориентация налоговой политики с интересов правящего слоя на интересы всего общества, развитие самостоятельности производителя, переход к мягкому внеидеологическому регулированию экономики.

Во-вторых, текущий момент в нашей стране характеризуется сильной динамикой общественных отношений. Направление этой динамики в русло решения задач построения «общества разума и гармонии» позволит использовать и неизбежную в этом случае инерцию преобразований, инерцию динамики для ускорения продвижения к конечной цели.

В-третьих, наше общество все еще обладает чрезвычайно высоким потенциалом духовных сил, сильным настроем масс на преобразование общества. Это, с одной стороны, усиливает актуальную опасность социальных взрывов, а с другой стороны, способно поддерживать динамику преобразований длительное время. Направление потенциала духовных сил общества на созидание, а не на разрушение, на построение «общества гармонии» способно значительно снизить вероятность социальных катаклизмов.

В-четвертых, наше общество до сих пор ощущает на себе влияние многовековой традиции русской общинности, передаваемой от поколения к поколению и поддерживаемой всей

культурой общества. Эта традиция в значительной степени способствует закреплению вырабатываемых обществом норм и правил человеческого общежития на всех уровнях, в самых широких слоях межличностных отношений.

В-пятых, при всех практических недостатках коммунистической идеологии, господствовавшей длительное время в нашем обществе, она оказала и огромное положительное влияние, способствуя закреплению в отношениях между людьми тех правил человеческого общежития, которые вполне могут использоваться и «обществом гармонии».

В-шестых, основная масса нашего общества, несмотря на обилие вспышек национальной розни, провоцируемых теми или иными политическими силами, обладает весьма невысоким уровнем национальной чванливости. Малая значимость национального вопроса для большинства населения, ставшая своего рода традицией нашего общества, является хорошей базой для «общества гармонии», в котором национальность граждан никак не отражается на их правах, возможностях и свободах.

В-седьмых, наше общество, несмотря на все катаклизмы прошедшего столетия, обладает одним из самых высоких в мире уровнем образования и культуры, который способен стать хорошим заделом и составить базу формирования общества, ориентированного на разумное управление жизнью своих граждан, т.е. общества, ориентированного на бескризисное развитие.

Достижение конечной цели - построение «общества гармонии» - очень сильно зависит от того пути, по которому пойдет общество в решении его текущих задач. Путь к этой цели может быть значительно сокращен, если уже сейчас на каждом шагу при решении задач возврата с пути «социалистического эксперимента» на общемировой путь развития будут закладываться основы «общества гармонии»; если в выстраиваемых новых общественных отношениях будут закладываться нормы человеческого общежития.

Реализация задачи построения «общества гармонии» требует использования самых разнообразных способов и методов, в том числе методов политических и идеологических, эффективность которых заметно повышается в условиях их применения отдельной организацией в лице политической партии. Цель такой политической партии и идея построения общества, регулируемого нормами и правилами человеческого общежития, в значительной степени определяют не только идеологию и принципы деятельности этой партии, но и ее кардинальное отличие от всех традиционных политических партий и движений.

Поскольку целью данной политической партии является достижение не той или иной конкретной формы общественного устройства, а лишь определенной совокупности общественных отношений, постольку эта партия имеет возможность организации своей работы в соответствии не с жестко фиксированной, а с гибкой программой действий, вырабатываемой на основе и с учетом текущей конкретно-исторической ситуации в самом широчайшем диапазоне ее изменения. Это позволяет максимально повысить эффективность повседневной деятельности партии, способной в таком случае отбрасывать устаревающие формы и концентрироваться на реализации наиболее перспективных мер.

Поскольку конечной целью данной партии является достижение и укрепление определенных принципов взаимоотношений на всех уровнях в обществе, а не только в государственной системе управления, постольку основной для этой партии оказывается идеологическая работа. Деятельность политическая является для такой партии прежде всего средством повышения результативности деятельности идеологической.

Партия, нацеленная на построение общества, направленного на удовлетворение нужд и интересов всех его граждан, является выразителем интересов не того или иного класса или

социального слоя, а интересов всего общества. Это, с одной стороны, предоставляет такой партии возможность опираться на самые широкие слои и привлекать широкий круг союзников к реализации ее целей и задач. С другой стороны, это требует от самой партии четкой ориентации в конкретно-исторической ситуации, грамотной оценки слагающихся интересов и тенденций в обществе и умения поиска взаимоприемлемых методов и форм в самых широких сферах общества.

Нацеленность партии на построение определенной совокупности общественных отношений, а не на достижение конкретной формы управления обществом или расстановки сил в обществе, позволяет ей и требует от нее ориентироваться в своей деятельности на поддержку не конкретных лиц или организаций, а только тех реальных их действий, которые способствуют реализации конечной цели этой партии, способствуют построению «общества гармонии».

Поскольку это в равной степени относится и к лицам внутри самой партии, представляющих ее в обществе, постольку от членов такой партии и ее структур требуется строжайшее соответствие слов и дела, соответствие обещаний и реальных возможностей.

Партия, как объединение индивидов на основе общих устремлений, является своеобразной системой. А свойства любой системы индивидов определяются не только качеством самих индивидов, но и взаимоотношениями между ними и структурой системы. Поэтому сама структура партии и принципы ее организации ее деятельности должна соответствовать ее цели, - тем самым «общим устремлениям» членов партии.

Партия, ставящая перед собой целью построить общество на принципах человеческого общежития, не может ставить себя над или вне самого общества. Она является частью этого общества и должна изначально строиться на тех принципах, которые она стремится воплотить в реальность, базировать на них свою повседневную деятельность. Такая партия должна строго соблюдать принцип демократизма в своих внутренних отношениях, обеспечивая общность интересов всех уровней своей структуры за счет их тесной взаимосвязи и невмешательства в дела друг друга. Структура каждого уровня партии должна заниматься лишь решением текущих задач, соответствующих своему уровню. Эффективность деятельности такой структуры достигается за счет сознательной самодисциплины членов партии.

Только при соблюдении этих условий данная политическая партия сможет стать тем, чем она должна быть: прототипом того «общества гармонии», которое она призвана строить.

* * *

«Век живи - век учись» Известная истина.

«Управление - не привилегия власти,

а сложнейшая наука» Истина, которую пора усвоить.

Мы не будем останавливаться на самых ближайших задачах, которые неплохо было бы решить в кратчайшие сроки для сокращения пути к «обществу гармонии». В этом нет никакого смысла, так как с этим самым ближайшим будущим практически все ясно.

Современные тенденции в обществе достаточно сильны, чтобы пытаться сколь-нибудь

существенно на них повлиять. Да и нет такой силы, которая смогла бы это осуществить, - ей еще предстоит сформироваться.

Кроме того, еще достаточно велик стабилизационный эффект, обеспеченный произведенным переструктурированием связей в обществе. Поэтому современная общественная система на ближайшее время гарантирована от катастрофических для нее потрясений.

Хотя… Помнится, кто-то предлагал приравнять год реформ к пяти годам стабильной жизни. В период реформ время сильно сжимается, а события несутся с калейдоскопической быстротой. И то, что сегодня кажется весьма отдаленным, завтра может оказаться уже «на подходе»…

Поэтому проанализируем несколько более подробно одну из ключевых составляющих пока весьма отделенного «общества гармонии», а именно: его самоуправление…

Самоуправление общества - задача далеко не новая. Но отнюдь и не устаревшая!..

Самоуправление требует кардинального изменения психики индивидов - членов общества, развития у них соответствующих навыков и способностей. И это - особенно сложная задача в том случае, когда психика индивидов сформирована в обществе, структура и традиции которого далеки от принципов демократии и самоуправления. Тогда она кажется почти невыполнимой… Но ведь надо с чего-то начинать!.. И для этого нужно знать: с чего именно и как. Нужно знать законы развития психики человека.

Но самоуправление связано не только с индивидуальным сознанием. Оно связано и с сознанием коллективным; с сознанием всего общества в целом. Отсюда непосредственно вытекает необходимость изучения законов развития и такого феномена как коллективное сознание, связанное уже не с психологией отдельного индивида, а с психологией масс.

Процесс развития индивидуального сознания и процесс развития сознания коллективного тесно связаны между собой. Развитие одной формы сознания способствует и развитию другой его формы. Чем выше уровень сознания индивидов, тем более высокий уровень сознания может достигнуть их сообщество. Чем больше деятельность конкретных индивидов способствует развитию коллективного сознания, тем быстрее происходит это развитие. Чем больше коллективное сознание сообщества способствует развитию индивидов, тем более высокий уровень может достигнуть сознание отдельного члена сообщества. Чем выше уровень коллективного сознания сообщества, тем более высокий уровень достигает индивидуальное сознание, формирующееся и развивающееся в условиях этого сообщества, используя его знание и опыт. Таким образом прогресс человечества оказывается непосредственно связан как с развитием сознания индивидуального, так и с развитием сознания коллективного.

Самоуправление, саморегулирование поведения общества, его разумность и достижение высокого интеллектуального и духовного уровня коллективного сознания возможно обеспечить лишь при выполнении определенных условий.

Во-первых, значительная часть членов общества должна сама по себе уже иметь высокий интеллектуальный и духовный уровень индивидуального сознания. Эти индивиды должны быть людьми разума, людьми ума и духа, а не эмоционально ориентированными личностями. Для достижения этого в обществе должен быть обеспечен максимум возможностей для его членов в реализации их способностей на благо собственного развития и общественного прогресса; вся система общественных отношений должна быть направлена на развитие как коллективного сознания, так и сознания индивидуального.

Во-вторых, сама система общественных взаимоотношений должна быть ориентирована на реализацию разумных решений и на блокирование распространения на все общество

каких-либо эмоциональных или инстинктивных действий. Для этого система общественных отношений должна быть соответствующим образом упорядочена, охватывая практически все сферы общественного бытия: т.е. это должно быть общество единства и синтетического порядка.

Коллективное сознание человечества на современном этапе весьма далеко от разума и в лучшем случае напоминает сознание маленького капризного ребенка, а поведение определяется больше животными интересами и стремлением выжить, чем интеллектуальными и духовными ценностями. Подавляющее большинство реальных действий мирового сообщества по регулированию своей деятельности представляет собой попытку предотвратить человеческое самоистребление и хоть в какой-то мере обеспечить условия физического существования человечества. Высшие психические способности коллективного сознания человеческой цивилизации находятся пока лишь в зачаточном, неразвитом состоянии.

Коллективное сознание меньших по численности сообществ - наций и государств - достигло несколько больших успехов в своем развитии, но и оно не преодолело еще эмоциональной ориентации. Стремление такого сообщества к миру, благоденствию и процветанию обуславливается прежде всего потребностью самосохранения и потребностью в средствах существования, - потребностями физической природы. Чувства национальной гордости и патриотизма, способные сплотить сообщество и влиять на его поведение, имеют ярко выраженную эмоциональную природу. И даже религиозные традиции и устремления отдельных сообществ, претендующих на духовность, в реальной практике имеют прежде всего чувственную, эмоциональную основу. Действительно интеллектуальные и духовные факторы в виде научных, философских, культурных или моральных устремлений чрезвычайно редко влияют заметным образом на поведение сообщества.

Причина этого представляется довольно банальной. Общество как единая система, обладающая неким своеобразным свойством, свойством коллективного сознания, - имеет весьма короткую историю. И время эволюции коллективного сознания несоизмеримо мало по сравнению с временем эволюции сознания индивидуального. Но процесс развития сознания происходил и происходит все ускоряющимися темпами и вне зависимости от места и времени: как в рамках отдельной нации, отдельного государства, так и человечества в целом. Знание и опыт, приобретаемые каким-либо поколением, не теряются бесследно, а переходят (в той или иной мере) к следующему поколению, что и обеспечивает основу прогресса, основу направленного развития человечества.

И уже сформировались определенные предпосылки создания саморегулирующегося общества, общества самоуправления: как в виде высокого интеллектуального и духовного уровня развития сознания отдельных индивидуумов, так и в виде общих тенденций развития коллективного сознания. Однако самопроизвольный ход процесса может занять весьма значительный период времени, в течение которого будет сохраняться потенциальная возможность катастрофического развития событий. Потому необходима организованная целенаправленная работа по форсированию движения общества по пути к «обществу гармонии», необходима реализация «политики большого скачка» в области коллективного сознания за счет внутреннего воздействия на сознание общества, объединение усилий в этом направлении.

«Синергетика говорит о том, что изменить поле путей развития сложной структуры, трансформировать спектр структур-аттракторов можно в том случае, если перестроить саму социальную среду. А перестроить среду значит изменить поведение элементов или подсистем этой среды в каждой локальной области, изменить поведение каждого отдельного человека, каждой семьи, коллектива. Отсюда становятся ясным причины сильного влияния рекламы, массового изменения сознания через телевидение и радио, «промывания» мозгов. Парадоксально, что сложная организация строится на примитивной среде» (Е.Князева,

С.Курдюмов, «Синергетика и принципы коэволюции сложных систем»).

На самом деле не столь уж «примитивна» эта среда, и невозможно добиться развития коллективного сознания до уровня разума простой «промывкой мозгов»… Как раз это мы и попробуем показать далее, для чего рассмотрим способы и методы, с помощью которых можно эффективно влиять на коллективное сознание?..

Достаточно очевидно, что для этого опять-таки прежде всего нужно знать свойства этого самого коллективного сознания. Часть из этих свойств проанализирована в трактате автора; однако там упор ставился в основном на тех свойствах коллективного сознания, которые отличают его от сознания индивидуального. Здесь же, помимо уточнения и расширения списка отличительных свойств, мы будем опираться прежде всего на сходство свойств сознания индивидуального и сознания коллективного, на общность законов их развития.

Пожалуй, первым самым крупным исследованием свойств массового коллективного сознания можно назвать исследования Ле Бона, который акцентировал внимание на «прогрессивном росте могущества толпы» начиная с XIX века и сформулировал основные свойства психологии толпы. Его книги входили в библиотеки Николая II, В.Ленина, Б.Муссолини, И.Сталина, А.Гитлера и многих других больших и малых диктаторов, либералов и всех тех, кто вольно или невольно был вынужден общаться с широкими массами. Выводы его исследований использовались (и продолжают использоваться) политиками всевозможного уровня. По сути, Ле Бон первым констатировал факт того, что соединение доселе разрозненных индивидов в единые системы-сообщества порождает специфические «коллективные эффекты», и факт резкого усиления воздействия таких систем-сообществ на общество в целом. С тех пор, особенно благодаря научно-технической революции, приведшей к мощному развитию средств коммуникации и усилению взаимодействия отдельных индивидов друг с другом, роль массовых систем-сообществ в жизни всего общества неимоверно возросла.

Но прежде чем перейти к выводам Ле Бона, вкратце проанализируем этот процесс с точки зрения теории систем и выводов трактата. Это поможет лучше понять природу констатируемых Ле Боном эффектов и наметить дальнейшие пути.

Образование некоей соединенной массы (или толпы) из разрозненных до того индивидов означает, по сути, формирование системы из элементов, обладающих сознанием. Сознание человека сугубо индивидуально, что обеспечивает определенное разнообразие и отличие свойств индивидов друг от друга. Но помимо различий индивиды обладают и множеством схожих черт, поэтому в образующейся системе формируются как диссонансные (отталкивающие), так и резонансные (притягивающие) силы.

Далее. Свойства психики индивида непосредственно отражаются на его интересах и поведении, поэтому при образовании некоей системы индивидов имеет место не только некоторое сходство свойств индивидуальных сознаний этих индивидов, но и их интересов и поведения. Более того, сама система в целом, через формирующиеся резонансные связи, начинает оказывать воздействие на входящих в нее индивидов, соответствующим образом изменяя их поведение и влияя на их интересы. В итоге образуется некий «общий интерес» и поведение системы как целого.

Особенности эволюции человеческого сознания и закономерности его формирования обуславливают то, что максимальное сходство в психике индивидов проявляется на ее «низшем», наиболее глубоком уровне, а максимальное различие - на «высшем», более поздно формирующемся уровне, с которым связаны интеллект, духовные и моральные качества. Отсюда неизбежно следует, что для массы случайным образом отобранных людей объединяющими будут низшие слои психики, связанные именно с «низшими» интересами. Это также неизбежно отразится и на поведении системы в целом, интересы и действия

которой будут ограничены «низшими» устремлениями. (Здесь термин «низшие», строго говоря, следует понимать именно лишь в сравнении со свойствами индивидуального сознания.) Поэтому коллективное сознание такой системы будет находиться как бы на более низкой эволюционной ступени по сравнению с сознанием индивидов, формирующих эту систему.

Теперь вернемся к Ле Бону…

Его выводы по свойствам, проявляемым массами, вполне совпадают с получаемыми на основе теории систем и трактата.

«При известных условиях - и притом только при этих условиях - собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, приобретают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты. Собрание в таких случаях становится тем, что я назвал бы, за неимением лучшего выражения, организованной толпой или толпой одухотворенной, составляющей единое существо и подчиняющейся закону духовного единства толпы» (Ле Бон, «Психология масс»).

«В числе специальных свойств, характеризующих толпу, мы встречаем, например, такие: импульсивность, раздражительность, неспособность обдумывать, отсутствие рассуждения и критики, преувеличенную чувствительность и т.п., которые наблюдаются у существ, принадлежащим к низшим формам эволюции…» (там же).

«В толпе нет предумышленности; она может последовательно пройти всю школу противоречивых чувствований, но всегда будет находиться под влиянием возбуждений минуты …хотя все желания толпы всегда бывают очень страстными, они все же продолжаются не долго, и толпа так же мало способна проявить настойчивую волю, как и рассудительность» (там же).

«Блуждая всегда на границе бессознательного, легко подчиняясь всяким внушениям и обладая бурными чувствами, свойственными тем существам, которые не могут подчиняться влиянию рассудка, толпа, лишенная всяких критических способностей, должна быть чрезвычайно легковерна» (там же).

«Каковы бы ни были чувства толпы, хорошие или дурные, характерными их чертами являются односторонность и преувеличение. В этом отношении, как и во многих других, индивид в толпе приближается к примитивным существам. Не замечая оттенков, он воспринимает все впечатления гуртом и не знает никаких переходов. В толпе преувеличение чувства обусловливается еще и тем, что это самое чувство, распространяясь очень быстро посредством внушения и заразы, вызывает всеобщее одобрение, которое и содействует в значительной степени увеличению его силы» (там же).

«Толпе знакомы только простые и крайние чувства; всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, толпа принимает или отвергает целиком и относится к ним или как к абсолютным истинам, или же как к столь же абсолютным заблуждениям. Так всегда бывает с верованиями, которые установились путем внушения, а не путем рассуждения» (там же).

«Мало склонные к теоретическим рассуждениям, массы зато очень склонны к действию» (там же).

«Деятельность толпы всегда и везде бывает ниже деятельности изолированного индивида» (там же).

Вывод Ле Бона о том, что коллективное сознание масс находится как бы на более низкой ступени эволюции, заслуживает отдельного внимания и анализа. Но Ле Бон акцентировался прежде всего на констатации свойств поведения масс и рекомендациях по практическому использованию некоторых из них для действующих политиков и вождей. Мы же попробуем пройти чуть дальше. И для этого обратим особое внимание читателя на следующие выводы того же Ле Бона:

«Толпа мыслит образами. И вызванный в ее воображении образ в свою очередь вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым» (там же).

«Каковы бы ни были идеи, внушенные толпе, они могут сделаться преобладающими не иначе, как при условии быть облеченными в самую категорическую и простую форму. В таком случае эти идеи представляются в виде образов, и только в такой форме они доступны в толпе. Такие идеи-образы не соединяются между собой никакой логической связью аналогии или последовательности и могут заменять одна другую совершенно так, как в волшебном фонаре одно стекло заменяется другим рукой фокусника, вынимающего их из ящика, где они были сложены вместе. Вот почему в толпе удерживаются рядом идеи самого противоречивого характера. Сообразно случайностям минуты, толпа подпадает под влияние одной из разнообразных идей, имеющихся у нее в запасе, и поэтому может совершать самые противоположные действия; отсутствие же критической способности мешает ей заметить эти противоречия» (там же).

«Ассоциация разнородных вещей, имеющих лишь кажущееся отношение друг к другу, и немедленное обобщение частных случаев - вот характеристичные черты рассуждений толпы. Подобного рода аргументация всегда выставляется теми, кто умеет управлять толпой, и то единственная, которая может повлиять на нее. Сцепление логических рассуждений совершенно непонятно толпе. Вот почему нам и дозволяется говорить, что толпа не рассуждает или рассуждает ложно и не подчиняется влиянию рассуждений» (там же).

«Толпа до некоторой степени напоминает спящего, рассудок которого временно бездействует и в уме которого возникают образы чрезвычайно живые, но эти образы скоро рассеялись бы, если бы их можно было подчинить размышлению. Для толпы, неспособной ни к размышлению, ни к рассуждению, не существует поэтому ничего невероятного, а ведь невероятное-то всегда и поражает всего сильнее» (там же).

«Логические умы, привыкшие всегда иметь дело с целой цепью рассуждений, вытекающих одно из другого, непременно прибегают к такому же способу убеждения, когда обращаются к толпе, и всегда бывают изумлены тем, как мало действуют на нее аргументации» (там же).

Вывод Ле Бона о том, что массы находятся как бы в бессознательном состоянии получает любопытное развитие на основе современных познаний в области функционирования психики индивидов в так называемом «состоянии транса». Сравните, скажем, вышеизложенное со следующим:

«…транс связан с парадоксальной логикой «оба/и». Это означает, что человек идентифицируется с обеими сторонами взаимодополняющего деления на «это» и «то», «внутри» и «вне», «субъект» и «объект». Поэтому в трансе я могу ощущать себя и «здесь», и «там», чувствовать себя и связанным, и разъединенным с вами, и «частью» происходящего, и «отдельно» от него, и ребенком, и взрослым. Эта логика «оба/и» создает неконцептуальное и невербальное состояние ощущаемого единства. Это более первичный, всеобщий способ соотнесения понятий, чем расчленяющая логика «оба/и», которая характерна для аналитических, сознательных процессов. Другими словами, процессы транса объединяют соотносимые понятия («это» и одновременно «то»), тогда как сознательные процессы дифференцируют их («это» в противоположность «тому»)» (С.Гиллиген, «Терапевтические трансы»).

«К числу других особенностей транса… относятся поглощенность переживаниями, непрерывность, искажение времени, изменчивость времени/пространства и изменения восприятия. Вместе взятые они говорят о том, что транс - это состояние глубокой поглощенности переживаниями, когда человек может функционировать независимо от ограничений, накладываемых регуляторными, ориентированными на ошибки сознательными процессами» (там же).

«В состоянии транса внимание субъектов может сосредоточиваться до такой степени, что они на длительное время остаются погруженными в какие-то конкретные переживания. Противоположностью этому является состояние бодрствования, когда процессы внимания остаются рассредоточенными и несфокусированными благодаря постоянной реориентации на меняющиеся внешние сигналы. В трансе загипнотизированный субъект часто не воспринимает посторонние сигналы (шум, другие голоса), а даже если и воспринимает, то они обычно не отвлекают его, он о них не думает и не испытывает потребности на них реагировать. Это особенно справедливо для глубокого транса» (там же).

Еще одну

«особенность отражает принцип идеодинамики (превращения «идей» в «динамику»), согласно которому идеи могут трансформироваться в динамические проявления (например, образы, поведение, ощущения, познание и т.д.) независимо от волевых сознательных процессов, и иногда без их ведома. Как указывал Бернгейм, в трансе идеодинамические процессы более интенсивны и происходят чаще» (там же).

Прежде всего, здесь мы получаем подтверждения того, что хотя индивидуальное и коллективное сознание весьма значительно разнятся между собой, все-таки и одно и другое является сознанием, и обладает помимо различий колоссальным сходством.

Это сходство свойств, проявляемых массами, с особенностями функционирования индивидуальной психики позволяет сделать вывод, прямо противоположный выводу об отсутствии в действиях масс логики. Логика есть, но это - логика ассоциативная; та, на которой основана деятельность нашего подсознания!..

(Автор вынужден принести читателю извинения за некоторую чехарду с терминами. То речь идет о «коллективном сознании», то оно, оказывается, проявляет «бессознательное» поведение, то схоже с «подсознанием»… На самом деле, это является прямым следствием той же терминологической чехарды как в специальной, так и в широкой литературе. По сути, везде речь идет об одном и том же. Когда говорят о «бессознательном», подразумевают отсутствие именно того, что обычно отождествляют с т.н. «логическим сознанием», с «разумом». С точки же зрения структуры человеческой психики, за «бессознательное» поведение отвечает именно «подсознание». И тут уже, как и в случае с термином «коллективное сознание» само слово «сознание» понимается уже в расширенном своем значении, - т.е. включает в себя как «логическое сознание», так и «подсознание» или «бессознательное». Поскольку же перед нами не стоит задачи устранить терминологическую чехарду раз и навсегда, постольку автор и не занимается переопределением понятий с анализом всех нюансов и тонкостей сходства и различия терминов, - по свойствам вполне можно разобраться в этом самостоятельно.)

В итоге оказывается справедливым как отказ от вывода об отсутствии логики в поведении масс, так и подтверждение вывода об отсутствии «сознательной логики» в этом поведении.

То есть, с одной стороны, Ле Бон прав, утверждая, что

«…влиять на толпу нельзя, действуя на ее ум и рассудок, т.е. путем доказательств» (Ле Бон, «Психология масс»).

«Такой психолог, как Наполеон, конечно, понимал это, но большинство законодателей, не знающих души толпы, не заметят этой особенности. Опыт еще недостаточно убедил их в том, что нельзя руководить массами посредством предписаний только одного разума» (там же).

Но теперь мы можем утверждать, что данный вывод носит принципиальный характер.

Попытки призывов масс к «разуму» тщетны не потому, что мы якобы просто не овладели еще методами воздействия на этот «разум», а потому, что на современном этапе развития коллективного сознания массы этим «разумом» не обладают, - воздействовать просто не на что. Как следствие, все попытки построения на современном этапе (или в ближайшем будущем) некоего общества, опирающееся на «разум» масс, являются утопическими по своей природе и сущности.

Любопытно, что настолько же утопичными являются надежды на достижение некоей «разумности» управления со стороны современной «властной элиты». Претендовать на роль «полноценного мозга», способного к «логике разума», она совершенно не может, так как ее коллективное сознание также является «сознанием толпы» со всеми вытекающими отсюда свойствами и последствиями…

Однако отсутствие «разума» в действиях масс вовсе не исключает принципиальной возможности достижения коллективным сознанием «разумного» уровня когда-либо в будущем. Как раз наоборот: общие эволюционные закономерности указывают на то, что коллективное сознание двигается в сторону «коллективного разума». Однако это - отдельный вопрос, на котором мы здесь останавливаться не будем.

Обратим свое внимание лучше на ту часть выводов, в которых Ле Бон оказался не прав. А именно: из того, что коллективное сознание ныне «не обладает разумом», еще не означает его полной примитивности и «пещерного» уровня.

Это обуславливается прежде всего тем, что в действиях масс (как уже отмечалось) все-таки имеется определенная логика, но логика, сопоставимая с ассоциативной логикой подсознания индивида. Эта логика обладает очень характерной отличительной особенностью:

«В состоянии транса субъекты переживают свой внутренний опыт в иной логике, нежели в состоянии бодрствования. …бессознательные (первичные) мыслительные процессы обычно более ассоциативны, метафоричны и конкретны (образны), чем рациональная, линейная (последовательная) и причинно-следственная логика, которую предпочитает сознательное мышление. В частности, логика транса допускает соотношения «оба/и». Например, субъекты, погруженные в транс, не видят ничего особенного или неудобного в том, что воспринимают самих себя как находящихся одновременно в двух разных местах или действующих в фантастических мирах, законы или структуры которых противоречат существующим в реальном мире. Такая логика транса накладывает намного меньше ограничений, чем рациональная, и поэтому лучше подходит для тех случаев, когда требуется максимально широкое разнообразие возможностей… Соотношение «оба/и» (в противоположность «или/или») в логике транса позволяет одновременно принимать противоречащие друг другу, на первый взгляд, соотношения. Тем самым позволяя выйти на ситуацию, в которой оба альтернативных пути ведут к выигрышу» (С.Гиллиген, «Терапевтические трансы»).

В частности, между прочим, из этой логики подсознания вытекает то, что на уровне подсознания индивид не разделяет желания и поступки на «плохие» и «хорошие»; они «просто есть», и они равнозначны!.. И именно это же можно проследить на уровне коллективного сознания масс.

Сам Ле Бон, например, с одной стороны делает глобальный вывод, что

«Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства. Цивилизация предполагает существование определенных правил, дисциплину, переход от инстинктивного к рациональному, предвидений будущего, более высокую степень культуры, а это все условия, которых толпа, предоставленная сама себе, никогда не могла осуществить» (Ле Бон, «Психология масс»).

С другой стороны, как любой честный исследователь, он же отмечает следующие свойства масс, которые не вписываются в концепцию полной их примитивности:

«Но если толпа способна на убийство, поджоги и всякого рода преступления, то она способна также и на очень возвышенные проявления преданности. Самопожертвования и бескорыстия, более возвышенные чем даже те, на которые способен отдельный индивид. Действуя на индивида в толпе и вызывая у него чувство славы, чести, религии и патриотизма, легко можно заставить его пожертвовать даже своей жизнью… Только толпа способна к проявлению величайшего бескорыстия и величайшей преданности. Как много раз толпа героически умирала за какое-нибудь верование, слова или идеи, которые она сама едва понимала!» (там же).

«…если толпа часто подпадает под влияние низших инстинктов, то все же иногда она в стоянии явить примеры очень высокой нравственности. Если считать нравственными качествами бескорыстие, покорность и абсолютную преданность химерическому или реальному идеалу, то надо признать, что толпа очень часто обладает этими качествами в такой степени, в какой они редко встречаются даже у самого мудрого из философов. Эти качества толпа прилагает к делу бессознательно, но что за беда!» (там же).

И к последнему восклицанию Ле Бона автор готов полностью присоединиться!..

Дело в том, что в нашей повседневной деятельности (как индивидов) мы ведь опираемся не только на работу нашего разума. Более того, как показывают современные психологические исследования, дело обстоит противоположным образом: основную часть работы выполняет именно наше подсознание. Разум не трудится в отрыве от подсознания, а дополняет работу последнего. Подсознание же предоставляет человеку колоссальные возможности своей ассоциативной логикой.

«Многие образованные члены западного общества полагают, что разумное действие требует сознательного мышления. Это не всегда верно; более того, для творческого и эффективного поведения иногда необходимо отсутствие аналитического вмешательства» (С.Гиллиген, «Терапевтические трансы»).

«…на протяжении многих лет мыслители пытались определить различие между сознанием и бессознательным. Данный подход основывается на том, что обе эти системы по своей природе взаимодополняющие, хотя и считает сознание зависящим от более общей системы бессознательного. Таким образом, в то время как сознание может быть разумным и эффективным, для мудрости и продуктивности необходимо бессознательное» (там же).

И именно ассоциативная логика подсознания необходима человеку для мудрости и продуктивности! Потеряв подсознание, человек потерял бы не только «животные» инстинкты, но и способность к преодолению узких «шаблонных» рамок своего разума.

«Сознательная, целенаправленная деятельность, как правило. Связана с установлением тех или иных психологических конфигураций, или структур, что сужает поле внимания или сосредоточивает его лишь на связанных с этими ограничениями сигналах» (там же).

«…люди, отягощенные проблемами, зациклены на тех или иных неизменных структурах переработки информации. Это означает, что их сознательные процессы идут по бесконечному замкнутому кругу и в силу этого разобщены с ресурсами бессознательного…

Транс же активизирует ресурсы, необходимые для трансформационных изменений, создавая дефреймированное (т.е. неискаженное) состояние самовосприятия, в котором могут открыться новые способы существования» (там же).

«Транс естественен. Ощущения транса не представляют собой чего-то чуждого нормальному способу функционирования человека. …они ни в коей мере не являются необычными или искусственными. Они напоминают переживания, знакомые каждому из нас, - такие, как чтение увлекательного романа, влюбленность или грезы наяву. Единственное отличие транса нередко состоит в том, что чувственное участие здесь нередко более интенсивно и продолжительно, поскольку имеет целью достижение определенных целей» (там же).

«Естественность транса делает его идеальным контекстом, в котором человек может добиться глубоких системных изменений, получая доступ к фундаментальным чувственным взаимосвязям, принимая и трансформируя их. Другими словами, в трансе человек получает возможность на чувственном уровне выйти на глубинные аспекты проблемного состояния в более глубоком контексте, повышающем чувство собственной ценности, а затем использовать различные ресурсы, чтобы вызвать трансформационные изменения» (там же).

Тогда возникает закономерный вопрос: если работа подсознания индивидов является столь продуктивной, то какой смысл добиваться от масс именно «разума», если можно использовать знания особенностей функционирования индивидуального сознания в целях мобилизации ресурсов коллективного сознания уже на современном уровне его развития?!. Ведь современные методы психотерапии показывают, что часто гораздо большего успеха можно добиться именно в состоянии легкого транса.

Казалось бы, это - уход от сознательности, но это позволяет раскрепостить творческие силы подсознания (не разрушительные, а именно творческие, что достигается заданием целей и помощью психотерапевта). И в этом «уходе от сознательности» нет и абсолютно негативного момента (за счет мобилизации именно творческих сил, а не сил разрушения как просто в толпе).

Получается очень хорошее совпадение: коллективное сознание еще далеко от разума (в привычном его понимании), но зато оно уже находится в состоянии, аналогичном бессознательному (точнее - подсознанию). То есть коллективное сознание уже находится в состоянии «легкого транса»!.. Другое дело, что теперь нужно выбрать направление на мобилизацию имеющихся творческих сил этого коллективного сознания, а не сетовать на его «недоразвитость» или использовать эту «недоразвитость» в корыстных интересах узкой группы лиц.

И даже более того

«Сознательная личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера. Таково же приблизительно положение индивида, составляющего частицу одухотворенной толпы. Он уже не сознает своих поступков, и у него, как у загипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения такой субъект будет совершать известные действия с неудержимой стремительностью; в толпе же эта неудержимая стремительность проявляется с еще большей силой, так как влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается путем взаимности» (Ле Бон, «Психология масс»).

Т.е. мы имеем все условия для того, чтобы можно было мобилизовать творческие силы массового коллективного сознания, а через него оказывать соответствующее мобилизующее воздействие и на индивидов!..

Собственно, в мобилизации «бессознательных» сил масс нет ничего нового. Она

практикуется уже давно. Однако подавляющая часть практики сосредоточена вокруг лишь одного принципа, сформулированного тем же Ле Боном:

«Знание психологии толпы составляет в настоящее время последнее средство, имеющееся в руках государственного человека, - не для того, чтобы управлять массами, так как это уже невозможно, а для того, чтобы не давать им слишком много воли над собой» (там же).

Именно с этих позиций и осуществляется в основном поиск «оптимальных» методов воздействия на массы. Как легко видеть, это мало имеет общего с устремлением к развитию коллективного сознания.

Для того же, чтобы искать альтернативу, есть смысл остановиться вообще на возможных способах воздействия на сознание. И здесь сходство свойств коллективного сознания и сознания индивидуального позволяет нам использовать и тот положительный опыт, который накопила психология в области индивидуального сознания. Поэтому к данному опыту мы сейчас и обратимся…

Собственно, среди во всех используемых способах и методах воздействия психотерапевта на клиента

«…можно разграничить три подхода: авторитарный, стандартизированный и кооперативный - основанный на сотрудничестве» (С.Гиллиген). Они качественно отличаются друг от друга. И отличаются прежде всего по принципу, полагаемому в основу отношений между психотерапевтом и его клиентом.

«Крайняя версия такого [авторитарного - А.С.] подхода предполагает наличие некоей «могущественной» личности (гипнотизера), обладающей «особыми» психическими способностями и заставляющей другую личность (субъекта) впадать в относительно пассивное состояние, в котором та «восприимчива» к «внушению» со стороны гипнотизера. Такое внушение может «принуждать» субъектов выполнять различные действия, чего они при обычных условиях не захотели бы или не смогли бы сделать. Сторонники этой точки зрения широко пользуются такими понятиями, как «победа духа над материей», «утрата самоконтроля», «внедренное внушение»… Особенно часто авторитарный подход используется в эстрадных сеансах гипноза» (С.Гиллиген, «Терапевтические трансы»).

То есть, при авторитарном подходе терапевт властвует над клиентом. Причем властвует в прямом смысле этого слова, заставляя клиента полностью повиноваться требованиям терапевта (гипнотизера).

«Сосредоточивая внимание на власти гипнотизера, авторитарный подход не учитывает уникальности любого субъекта - его знаний, убеждений, способностей и т.д., а также не признает за клиентом возможности решать, какое участие он примет (и примет ли вообще) в гипнотическом процессе. Тем самым… такой подход лишь ограниченно пригоден для осуществления долговременных терапевтических изменений» (там же).

В авторитарном подходе терапевт (гипнотизер) первичен, а клиент - вторичен.

Для стандартизированного подхода, на первый взгляд, характерна прямо противоположная приоритетность.

«Стандартизированный подход… особенно господствует в экспериментальной психологии. Не приписывая основной роли власти гипнотизера, эта точка зрения выдвигает на первый план субъекта как главный объект изучения, считая обычно степень восприимчивости к гипнозу присущим ему постоянным свойством. В силу этого гипнотизер может пользоваться стандартизированным набором воздействий, который остается неизменным для различных субъектов. Другими словами, субъект либо поддается гипнозу, либо нет, а от поведения

гипнотизера в действительности мало что зависит» (там же).

На самом деле стандартизированный подход лишь несколько ограничивает действия психотерапевта, не меняя сути взаимоотношений его с клиентом во время транса.

«…стандартизированные тесты помогают понять, что человек способен сделать без труда, но ничего не говорят о том, что он внутренне неспособен сделать. Другими словами. Высокие показатели в тесте на гипнабельность обычно означают, что субъект будет откликаться почти на любые гипнотические команды; низкие же показатели свидетельствуют о том, что от гипнотизера требуется иная стратегия или же клиент нуждается в дополнительной подготовке» (там же).

Совсем иначе дело обстоит при кооперативном подходе, который базируется на конструктивном сотрудничестве психотерапевта и клиента, на доверии к творческим силам самого клиента. Этот подход

«…предполагает максимальную сосредоточенность гипнотерапевта на клиенте, включая полное сопереживание, а также способность вычленять паттерны различных уровней и присоединяться к ним. В ходе этого «управляемо-спонтанного» процесса гипнотерапевт учится становиться частью реальности клиента и в то же время оставаться в стороне, что требует от него самоотверженности и твердости. …для достижения успеха гипнотерапевт должен быть настроен на возможности бессознательного как своего, так и клиента, и полагаться на них» (там же).

Один из основателей данного подхода, Эриксон

«неоднократно подчеркивал, что терапевтическое воздействие должно основываться не на теоретических соображениях и не на статистических вероятностях, а на действительных особенностях самопроявлений клиента (например, его убеждениях, поведении, мотивациях, симптомах). Это весьма радикальное утверждение, поскольку оно заставляет гипнотерапевта начинать каждый курс терапии в состоянии неведения. Оно предполагает, что самопроявления клиента представляют собой индивидуализированные модели «реальности» и что терапия основывается на принятии и утилизации этих моделей. Для этого гипнотерапевт должен выработать у себя восприимчивое состояние дефрейминга, в котором он отставляет в сторону свои собственные модели и «усваивает» новую «реальность», т.е. «реальность» субъекта» (там же).

Целью терапевта в этом случае является мобилизация собственных ресурсов клиента на решение его же проблем. Задача терапевта: снять ограничения разума и помочь подсознанию клиента самому найти решение проблемы, лишь корректируя действия подсознания клиента в направлении поиска решения (но не в направлении самого какого-то конкретного решения!). Вследствие этого, опытному терапевту даже не нужно знать саму проблему, стоящую перед клиентом. Ему достаточно знать лишь то, что она существует; далее, при помощи известной терапевту технологии, он может мобилизовать творческие силы подсознания клиента. В определенном смысле, клиент сам решает свои проблемы («спасение утопающего - дело рук самого утопающего»).

«Слишком многие гипнотерапевты принимают за действующие факторы собственные действия, намерения и желания и некритически верят, что это их обращение к субъекту вызывает или инициирует конкретные реакции. Они не осознают, что их слова и действия служат всего лишь средствами стимулирования или пробуждения у их клиентов прежних знаний или представлений, приобретенных отчасти сознательным, а отчасти бессознательным путем…» (Хартленд).

Исторически сложилось так, что по мере развития знаний психологов о свойствах психики индивидов претерпевало эволюцию и воздействие, используемое психотерапевтами в целях

коррекции индивидуальной психики. Происходило постепенное смещение практики от авторитарного подхода через стандартизированный к подходу кооперативному.

Теперь пора вернуться к сознанию коллективному. Какие же способы воздействия мы можем наблюдать здесь?..

Ле Бон, первым достаточно полно исследовавший свойства психологии масс, первым и сформулировал методы воздействия на массовое сознание (собственно, именно поэтому его труды так популярны среди активных политиков). Укажем некоторые из них:

«…на толпу нельзя влиять рассуждениями, так как ей доступны только грубые ассоциации идей. Поэтому-то факторы, умеющие производить впечатление на толпу, всегда обращаются к ее чувствам, а не к ее рассудку. Законы логики не оказывают на нее никакого действия. Чтобы убедить толпу, надо сначала хорошенько ознакомиться с воодушевляющими ее чувствами, притвориться, что разделяешь их, затем пытаться их изменить, вызывая посредством первоначальных ассоциаций какие-нибудь прельщающие толпу образы. Надо также уметь вернуться назад в случае нужды. И главное - уметь угадывать ежеминутно те чувства, которые порождаешь в толпе» (Ле Бон, «Психология масс»).

«Обладая преувеличенными чувствами, толпа способна подчиняться влиянию только таких же преувеличенных чувств. Оратор, желающий увлечь ее, должен злоупотреблять сильными выражениями. Преувеличивать, утверждать, повторять и никогда не пробовать доказывать что-нибудь рассуждениями - вот способы аргументации, хорошо известные всем ораторам публичных собраний» (там же).

«Простое утверждение, не подкрепляемое никакими рассуждениями и никакими доказательствами, служит одним из самых верных средств для того, чтобы заставить какую-нибудь идею проникнуть в душу толпы. Чем более кратко утверждение, чем более оно лишено какой бы то ни было доказательности, тем более оно оказывает влияние на толпу» (там же).

«Утверждение тогда лишь оказывает действие, когда оно повторяется часто и, если возможно, в одних и тех же выражениях… Посредством повторения идея водворяется в умах до такой степени прочно, что в конце концов она уже принимается как доказанная истина… Часто повторяемая идея в конце концов врезается в самые глубокие области бессознательного, где именно и вырабатываются двигатели наших поступков. Спустя некоторое время мы забываем, кто был автором утверждения, повторявшегося столько раз, и в конце концов начинаем верить ему, отсюда-то и происходит изумительное влияние всяких публикаций» (там же).

«Избиратель хочет также, чтобы льстили его тщеславию и угождали его вожделениям. Чтобы на него подействовать, надо осыпать его самой нелепой лестью и, не стесняясь, давать ему самые фантастические обещания. …что же касается соперника-кандидата, то надо стараться уничтожить его, распространяя о нем посредством утверждения, повторения и заразы мнение, что он последний из негодяев и что всем известно, как много он совершил преступлений. Незачем, конечно, искать в данном случае чего-нибудь даже похожего на доказательства. Если противник мало знаком с психологией толпы, он станет оправдываться с помощью аргументов, вместо того чтобы отвечать на утверждения противоположными утверждениями, и конечно, таким образом лишится всяких шансов на успех» (там же).

«Написанная программа кандидата не должна быть чересчур категоричной, так как противники могут ею воспользоваться и предъявить ему ее впоследствии; но зато словесная программа должна быть самой чрезмерной. Он может обещать без всяких опасений самые важные реформы. Все эти преувеличенные обещания производят сильное впечатление в данную минуту, в будущем же ни к чему не обязывают. В самом деле, избиратель

обыкновенно нисколько не старается узнать потом, насколько выбранный им кандидат выполнил обещания, которые, собственно, и вызвали его избрание» (там же).

Если вдруг читателю все это ничего не напомнило, то скорее всего, что он чудодейственным образом оказался вне непрерывных ныне у нас избирательных кампаний всевозможного уровня…

«…любые партии, средства массовой информации, так же как и специалисты в области рекламы или пропаганды, используют его [Ле Бона - А.С.] принципы… его рецепты и трюки. Однако никто не собирается в этом признаваться, поскольку в этом случае весь пропагандистский инструментарий разных партий, дефиле руководителей на телевизионных экранах, зондирования общественного мнения предстанут тем, что они есть на самом деле: элементами массовой стратегии, базирующейся на иррациональности» (С.Московичи, «Наука о массах»)

Посмотрим теперь на перечисленные методы воздействия с позиций трех подходов индивидуальной психотерапии. Очевидно, что все они относятся именно к авторитарному подходу, который является стержнем методов «лобового гипноза». Отмечая, что поведение толпы обладает сильным сходством с поведением человека под гипнозом, Ле Бон и предлагает методы гипноза. Только объектом воздействия на сей раз является не индивид, а масса.

Следуя рекомендациям Ле Бона, многочисленные вожди и политики, вместо стимулирования развития коллективного сознания и мобилизации его ресурсов лишь низводили массы до состояния толпы, используя ее силу в собственных интересах.

«Результатом этого подхода является замена фигуры оратора фигурой гипнотизера, замещение красноречия внушением, а искусства парламентских дебатов - пропагандой. Вместо того. Чтобы убеждать массы, их возбуждают театром, их держат в узде с помощью организации и завоевывают средствами прессы или радио. По правде говоря. Пропаганда, подводящая итог этому изменению порядка вещей, перестает быть средством коммуникации, усиленными приемом риторики. Она становится технологией, позволяющей нечто внушать людям и гипнотизировать их в массовом масштабе. Иначе говоря, средством серийно производить массы» (С.Московичи, «Наука о массах»)

Следует признать, что хотя с момента исследований Ле Бона прошло более 100 лет, применяемые на практике конкретные методы воздействия на массы практически не изменились. Но и утверждать, что не изменилось абсолютно ничего, тоже нельзя.

Роль масс на протяжении упомянутого периода возрастала. От разовых «гипнотических сеансов» в критические моменты власти, вождям и политикам пришлось постепенно переходить практически к постоянному воздействию на массы. А это неизбежно потребовало не только расширения ассортимента используемых конкретных методов воздействия на массы, но и определенной «стандартизации» этих методов.

Многочисленные аналитики не заметили главного: причитая о все более «примитивных» методах воздействия на массы, они упустили из виду, что эти методы все более стандартизируются. То есть: сделан громадный шаг вперед в психологическом воздействии…

Прямым свидетельством этому может служить факт формирования целой армии различных специалистов по рекламе, выборным технологиям и т.н. политтехнологов, выпускающих множество всякой литературы со стандартизированными рекомендациями, сценариями и пр. и пр.

Представляется достаточно очевидным, что, как это имело место в свое время в области

индивидуальной психологии, в настоящий период мы наблюдаем аналогичный переход и в психологии масс: от господства метода «лобового гипноза» к стандартизированному методу. Равно как и столь же очевидной представляется возможность спрогнозировать для будущего времени неизбежность перехода к методу кооперативному.

Но как в индивидуальной, так и в массовой психологии кооперативный подход принципиально отличается и от авторитарного метода «лобового гипноза», и от стандартизированного метода.

Если методы Ле Бона (также как и авторитарные и стандартизированные методы в индивидуальной психотерапии) нацелены на получение быстрого (но крайне неустойчивого) результата, то кооперативный метод, проигрывая в эффективности краткосрочного воздействия, оказывается гораздо более продуктивным там, где требуются глубокие и долгосрочные изменения.

Если методы Ле Бона нацелены именно на конкретный результат, то кооперативный метод воздействия ориентирует не на результат, а на выправление курса.

Если Ле Бон акцентирует внимание на том, чтобы не давать воли массам и препятствовать прорыву их бессознательных сил, то в кооперативных методах

«…бессознательное рассматривается как интегральный и центральный аспект «я», а не как нечто такое, чего следует избегать или чем следует пытаться управлять. Главная задача эриксоновского гипнотерапевта заключается в том, чтобы помочь клиенту реализовать это на практике» (С.Гиллиген).

Если Ле Бон рекомендует играть на чувствах и эмоциях масс для реализации целей вождей этих масс, то кооперативный метод нацеливает именно на сотрудничество терапевта и клиента в целях решения проблем прежде всего не терапевта, а самого клиента (если же учесть профессиональную заинтересованность терапевта в решении проблем того же клиента, то речь должна идти уже о совпадении интересов).

А теперь заметьте, уважаемый читатель, насколько сильная корреляция прослеживается между принципами и условиями кооперативного подхода с упоминавшейся ранее моделью «общества гармонии»!..

Действительно, кооперативный подход в психологии требует от психотерапевта и его клиента сотрудничества и определенной общности интересов. Для предотвращения же конфликтов власти и масс также требуется их сотрудничество и общность интересов.

Как психотерапевт должен стремиться к решению проблем своего клиента, так и управление в «обществе гармонии» (т.е. власть) должно стремиться к решению проблем масс и всего общества в целом (а не к удовлетворению лишь собственных интересов).

Как психотерапевт в определенном смысле слова «служит» клиенту, так и власть в «обществе гармонии» должна служить обществу в целом, а не лишь правящему классу или сословию.

Как психотерапевт для достижения целей ориентируется на особенности психики клиента и мобилизацию его внутренних ресурсов, так и «обществе гармонии» власть должна опираться на массы и мобилизовывать их ресурсы для достижения в качестве цели общего прогрессивного развития.

Как психотерапевт нацелен не на конкретный результат, а на коррекцию способностей клиента, так и управление в «обществе гармонии» нацелено не на достижение некоей «идеальной модели», а на коррекцию тенденций общественного развития…

Параллели можно было бы и продолжить… Но не будем злоупотреблять временем и терпением читателя. Остановимся лишь еще на одном.

Что такое переход к кооперативному методу взаимодействия (а это уже именно взаимодействие, а не одностороннее воздействие) власти и масс?.. Это, по сути, - устранение обособленности власти от масс. Ясно, что в современном обществе добиться подобного результата невозможно, поскольку именно обособленность власти от масс (порождающая и различие их интересов, стимулирующее эту же самую обособленность) является одним из классовообразующих признаков правящего и господствующего класса. Надеяться на то, что власть сама своими руками начнет уничтожать свой классовообразующий признак, - величайшая утопия. Это возможно лишь с изменением всего комплекса отношений власти и масс, и надеяться, что власть возьмет на себя роль основной силы такого изменения, - еще большая утопия.

Ясно, что в роли такой силы может выступить лишь новая сила, сила непосредственно и изначально ориентирующаяся на интересы масс, на формирование «общества гармонии». Но ранее уже говорилось, что некая «партия нового типа», ставящая себе целью достижение «общества гармонии», должна из себя уже представлять определенное подобие этого общества. Следовательно, перед ней встает «сверхзадача»: освоить кооперативный метод взаимодействия с массами!.. И это - действительно сверхзадача; решить ее, ох, как не просто, но возможно и крайне перспективно.

Важно лишь не поддаться искушению и не «свалиться» к тому же авторитарному «лобовому гипнозу» или стандартизированному методу (являющимся, по сути, тем же «зомбированием» масс, а не развитием их коллективного сознания). А такой соблазн будет присутствовать всегда, поскольку для кратковременного успеха в условиях слабого уровня коллективного сознания методы «зомбирования» гораздо более эффективны. И чтобы не поддаться подобному искушению, эта партия действительно должна быть «партией нового типа».

Приложение № 3.

Идеологический манифест партии разума и гармонии

Необходимое предисловие:

Нижеследующий текст имеет много общего с некоторыми главами трактата и Приложения № 2, однако является вполне самостоятельным документом. Хронологически основная его часть появилась на свет еще задолго до самих «Основ физики духа», хотя в итоге оказалась лишь развитием идей трактата.

История развития человечества в XX веке насыщена бурными событиями, сильнейшим образом видоизменившими мир всего за одно столетие. Региональные и мировые войны, "социалистический эксперимент" в целом ряде стран и противостояние идеологических блоков, крах колониальной системы и волна национального движения - зримые приметы прошедших лет, отразившие на поверхности общественного бытия мощные глубинные процессы. Результатом воздействия этих процессов явилось сильнейшее качественное

изменение всех условий существования человеческого сообщества.

Научно-техническая революция, вызвавшая бурный экономический рост и развитие промышленности, не только обусловила быстрый рост материального уровня общества и ускорение экономического прогресса, но и значительно расширила возможности человека по активному воздействию на окружающий мир. Мощь оружия массового поражения и влияния промышленности на экологию поставили на одно из первых мест в повестке дня вопрос выживания человечества и сохранения жизни на планете.

Развитие средств коммуникации и информационного обмена на фоне роста населения привело к значительному усилению всех форм взаимодействия между людьми и различными группами в обществе. Человечество, по сути, стало единой системой со сложными взаимопереплетающимися внутренними связями. Действия какой-либо одной ограниченной части общества способны в сильнейшей степени оказывать влияние на все общество в целом.

В этих условиях противостояние тех или иных социальных групп во всех его формах, - от классового и идеологического до межнационального и межгосударственного, - неизбежно выливаясь время от времени в конфликты, способно привести к глобальным катастрофическим последствиям. Общество, в целях своего выживания, должно научиться избегать внутренних конфликтов и кризисов, их порождающих. Таким образом, актуальной задачей современности становится обеспечение развития человеческого сообщества без социальных конфликтов и потрясений, обеспечение поступательного развития общества на основе его достижений и объективно сложившихся тенденций этого развития.

I. РОЛЬ НТР В ИЗМЕНЕНИИ УСЛОВИЙ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОБЩЕСТВА.

В XIX веке и начале XX столетия наиболее развитые страны прошли последовательно стадию "классического" товарного капитализма и стадию империализма, которые объединяла одна существенная общая черта: преобладание роли средств производства в составе производительных сил и роли физического труда в процессе производства. Сознание человека и его умственный труд выполняли роль лишь вспомогательных сил, практически не влияющих на условия обществе, жизнеспособность которого определялась в этот период в основном материальными условиями его существования.

Данному уровню производительных сил соответствует принцип максимальной эксплуатации труда и низкий уровень жизни трудящихся, достаточный лишь для поддержания работоспособности наемных работников, занятых физическим трудом. Соответствующие этому принципу социальные отношения были экономически выгодны в этот период, объективно обеспечивая максимально возможный уровень материального процветания общества в целом.

В XX веке человечество подошло к тому рубежу, когда для его дальнейшего развития возникла необходимость широкого использования научных знаний, ранее отвлеченных от

непосредственного производственного процесса. К этому времени сложились и соответствующие предпосылки: значительно возрос накопленный запас научных знаний, а производительные силы достигли уровня, достаточного для непосредственного использования прежде отвлеченных научных знаний в производстве материальных и духовных благ. Появилась возможность интеграции науки и производства, умственного и физического труда.

Соединение науки с производством привело к взрывоподобному развитию производительных сил развитых стран, которое очень быстро переросло рамки обычного поступательного процесса. С началом научно-технической революции развитие производительных сил перешло из стадии количественных изменений в стадию изменений качественных. Главенствующее место в производительных силах заняла нематериальная составляющая - разум человека. Средства производства стали играть не главную, а вспомогательную роль, выполняя функцию тиражирования продуктов человеческой мысли. Одновременно широкое развитие сложного машинного производства заметно сократило использование физического труда, само содержание которого значительно усложнилось и сблизилось с содержанием труда умственного.

Глубокие изменения в структуре производительных сил, возрастание роли сознания в общественном производстве не могли не повлечь за собой крупных изменений во всех сферах общественных отношений, в самом устройстве общества. В результате происшедших изменений наиболее развитые страны вступают в совершенно новую стадию своего развития - в стадию постимпериалистическую, которая резко отличается от общества времен "классического" товарного капитализма и империализма прежде всего качественно иным уровнем производительных сил.

Содержание соответствующих общественных изменений при переходе к постимпериалистическому обществу определилось во многом изменением производительных сил и прежде всего - глубокими качественными отличиями умственного труда от труда физического, поскольку высоко эффективный умственный труд по своей природе требует наличия совершенно иных условий нежели труд физический.

Во-первых, максимальная эффективность физического труда в машинном производстве достигается в условиях, когда практически каждое действие работника в процессе производства строго определено, что требует и организации жесткого администрирования. Умственный же труд, наоборот, наиболее эффективен в условиях максимальной свободы творчества, которую невозможно реализовать в строго регламентируемых производственных отношениях. Творческая деятельность требует определенной свободы работника, что выливается в необходимость демократизма как самого процесса производства, так и его управления.

Во-вторых, полное восстановление работоспособности при умственном труде требует по своей природе большего времени, затрачиваемого на отдых, чем при труде физическом, а также и иных условий самого отдыха. Это в итоге приводит к необходимости более высокой заработной платы и более высокого уровня жизни работников умственного труда, что при широком распространении умственного труда неизбежно выливается в необходимость

повышения общего уровня жизни всего населения.

В-третьих, для создания широкого рынка умственного труда требуется развитой базис с соответствующим уровнем образования, уровнем грамотности и культуры. При этом повышение заработной платы и создание базиса рынка умственного труда приводят в итоге к повышению в целом уровня жизни, уровня благосостояния всего общества.

В-четвертых, обеспечение определенной свободы на производстве и увеличение свободного времени наемных работников неизбежно влечет за собой требование их свободы и вне производства, т.е. свобод в обществе и демократизации всех общественных институтов. Развитие свобод членов общества, повышение их уровня жизни и развитие общей культуры неизбежно выливается на определенном этапе в ориентацию на жизненные потребности конкретных людей, - в гуманизацию общества.

Обеспечение этих условий в обществе, ориентированном на приоритетное использование умственного труда и потребление продуктов человеческой мысли, является экономически выгодным. Данная экономическая целесообразность становится основой обеспечения соответствующих условий в обществе, которое при этом вступает в постимпериалистическую стадию своего развития.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ XX ВЕКА В РАЗВИТЫХ КАПСТРАНАХ.

Кардинальные изменения общественных отношений, вызванные научно-технической революции, смогли пройти сравнительно безболезненно за короткий исторический период лишь в тех странах, в которых существовали необходимые для этого предпосылки. Объективно наиболее приспособленными и подготовленными к этому оказались развитые капстраны, в которых к моменту начала преобразований уже имелись готовые рычаги для назревших общественных изменений: товарно-денежные отношения с их демократизмом; конкуренция, подхлестывающая отстающих; развитое профсоюзное движение, ориентированное на защиту интересов широких слоев трудящихся, повышение их уровня жизни; навыки демократического регулирования общественных отношений. Все это позволило данным странам постепенно приводить производственные и иные общественные отношения в соответствие с меняющимися производительными силами без глубоких катаклизмов и, в конце концов, вступить в стадию постимпериалистического развития.

Развитие наукоемких производств, повышение роли умственного труда привело к значительному повышению уровня жизни населения, его доходов, а, следовательно, и к образованию накоплений у трудящихся. Экономически целесообразное вовлечение этих сбережений в оборот привело к появлению такой формы собственности, как акционерные общества, представляющие одну из форм коллективной собственности. Трудящиеся, ранее отчужденные от средств производства, стали совладельцами этих средств производства.

Кризис 70-х годов подтолкнул этот процесс и положил начало развитию такой формы коллективной собственности, как самоуправляющиеся предприятия, работающие на сугубо

социалистических принципах: коллективная собственность на средства производства, коллективное самоуправление производством, ориентация на социальные потребности членов трудового коллектива, зависимость доходов каждого члена коллектива от его трудового вклада.

На смену "классической" частной собственности пришли различные формы коллективной собственности на средства производства. Развитие самоуправляющихся и акционерных предприятий, кооперативное движение, резкое увеличение количества предприятий с коллективными формами собственности в последние десятилетия фактически привели к формированию социалистического сектора в экономике наиболее развитых стран.

Формирование коллективного общественного сознания, усиление его влияния на жизнь общества и стремление избегать общественных катаклизмов явились предпосылками для перехода к плановому хозяйствованию. Планирование, как разработка гибких ориентиров, на предприятиях и в рамках государства дало возможность рационализации размещения ресурсов и повышения эффективности хозяйствования в развитых странах. Стремление к планированию и регулированию отношений на межгосударственном уровне привело к тому, что на смену противостоянию и конфронтации развитых стран пришло стремление к сближению и слиянию их экономических структур. Процесс сближения экономики и политики стран Западной Европы уже стал практически необратимым, создавая базис для образования единого межгосударственного сообщества.

Традиции демократического управления и возрастание роли коллективного сознания в общественной жизни на фоне изменения материального базиса обусловили широкое развитие различных форм общественного самоуправления: общественные движения и комитеты самоуправления стали неотъемлемыми атрибутами современного общества в развитых странах.

Изменения, происшедшие в производительных силах и во всех сферах общественных отношений (в том числе в отношениях собственности), повлекли за собой существенные изменения в социальной структуре общества.

Сближение физического и умственного труда, повышение общего уровня благосостояния и развитие коллективных форм собственности привели к значительному сокращению такой категории как "капиталисты". Исчезли по сути категории "пролетариат" и "крестьянство", которые слились в единый класс наемных работников, обеспечивающих свое существование за счет продажи своего физического или умственного труда и не имеющих значительной собственности, способной дать им необходимые средства к существованию без найма на работу.

Сформировался класс коллективных производителей, обладающий средствами производства и обеспечивающий свое существование за счет использования этих средств производства и своего труда на них. Расширился класс самостоятельных производителей, обеспечивающих свое существование за счет собственного труда с использованием своей сравнительно

небольшой личной собственности или вообще без таковой.

Кардинальным образом изменив структуру общественных отношений и вступив в фазу постимпериалистического общества, развитые капстраны вышли на качественно новый уровень своего развития. Одним из основных факторов, определяющих тенденции развития общества в постимпериалистических странах, становится все возрастающий уровень взаимодействия различных стран. Постимпериалистическое общество уже подошло к тому рубежу, когда дальнейшее его развитие неразрывно связано с развитием всего человечества.

Наличие в обществе, находящемся в постимпериалистической стадии, эффективно действующих рычагов приведения общественных отношений в соответствие с непрерывно и быстро меняющимся уровнем развития производительных сил создает серьезные предпосылки для достижения этим обществом бескризисного развития. Смогут ли постимпериалистические страны использовать имеющийся у них шанс, будет зависеть от самого общества в этих странах и от его готовности двигаться вперед в русле общей тенденции к объединению человечества в единый общественный организм.

III. "СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ" И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ.

В нашей стране в XX веке происходили процессы, резко отличающиеся от процессов в развитых капстранах. Октябрьская Революция 1917 года положила начало уходу нашего общества от того пути развития, который привел ведущие страны в постимпериалистическую фазу.

В первой трети XX века в политической системе нашего общества сложились условия, позволившие установить приоритет идеологии над экономикой во всей совокупности общественных отношений. Сами общественные отношения строились на основе искусственной идеи о возможности полного контроля над экономическими законами и их сознательного регулирования со стороны политической надстройки общества.

Резкое усиление влияния идеологии на экономику, установление приоритета идеологических догм над экономической целесообразностью, широкое распространение внеэкономических форм принуждения создали предпосылки для волюнтаристского вмешательства в процесс производства и во все другие сферы общественной жизни, стало нормой общества. Разрушение капиталистических производственных отношений, насильственная ликвидация частной собственности на средства производства, диктатура монопольно правящей партии объективно способствовали созданию в стране командно-административной системы управления экономикой и обществом в целом.

Мощнейшая централизация и монополизация экономики, усиление директивного планирования, перенесение методов управления армией на управление производством и обществом в целом, являющиеся неотъемлемыми атрибутами командно-административной системы, вполне соответствовали уровню развития производительных сил страны в первой

половине нынешнего столетия, опиравшихся на преимущественное использование физического труда.

Объективное совпадение оптимального варианта управления экономикой, основанной на физическом труде, с идеей сознательного ее регулирования дало возможность командно-административной системе обеспечить подъем промышленного производства и создание мощной милитаризованной экономики в этот период. Это в значительной степени способствовало созданию экономического базиса стабилизации общества на определенный период и послужило опорой общественных перемен данного периода.

Командно-административная система, занимая длительное время центральное место в жизни нашего общества, значительное изменила его структуру. С одной стороны, сказывалось влияние возрастания роли умственного труда и соответствующего изменения структуры производительных сил. Заметно увеличивалось число работников, занятых умственным трудом, а физический труд сближался по содержанию с трудом умственным. С другой стороны, жесткая централизация и монополизация экономики и политики, неразрывно связанные с командно-административной системой, создавали условия для выделения новых социальных групп. В итоге на смену классам и социальным группам начала XX века пришли совсем иные классы и группы.

Класс помещиков и класс буржуазии были уничтожены не только посредством насильственного уничтожения частной собственности, но и путем непосредственного массового физического истребления представителей этих классов. То же самое произошло и с крестьянством, которое было уничтожено с помощью политики "коллективизации" и "раскулачивания".

Рабочий класс потерял одну из характерных черт пролетариата - работу на частного собственника, хотя так и не стал собственником средств производства, закрепленных в "общегосударственной собственности".

Соединение науки с производством на современном этапе развития требует от работников умственного труда использования значительных средств производства, которые в условиях "общегосударственной собственности" оказались оторванными от самих работников. Налицо отчуждение работников умственного труда от средств производства в той же мере, в какой от средств производства отчуждены и работники физического труда. И те, и другие попали в разряд наемных работников: одни продают свои руки, свой физический труд, а другие - голову, труд умственный.

Класс наемных работников является наиболее многочисленным и наиболее бесправным в нашем обществе. Он наименее защищен от различного рода катаклизмов, на его плечи падает основная их тяжесть. Этот класс реально не владеет средствами производства, не имеет доступа к системе распределения и вынужден для обеспечения своего существования продавать свою рабочую силу, являясь в то же время основным производителем материальных и духовных благ.

Благодаря росту крупного производства значительно сократился за время "социалистического эксперимента" класс самостоятельных производителей, которому не требуется использование значительных средств производства, которыми он к тому же и не владеет. Этот класс продает не свой труд, а результат этого труда и является, наряду с классом наемных работников, производителем общественных благ, также будучи лишенным в "советский" период доступа к общегосударственной системе распределения общественных благ.

Командно-административная система с централизацией и монополизацией не только сферы производства, но и сферы распределения создала благоприятные условия для выделения определенной социальной группы, управляющей всеми сторонами общественной жизни - класса аппарата управления.

Класс аппарата управления владел самой значительной частью средств производства на основе принципиально новой формы коллективной собственности - собственности классовой. Классовая собственность (традиционно называвшаяся "общегосударственной") характеризуется тем, что каждый представитель класса не владеет формально какими-либо средствами производства, а лишь распоряжается их частью, но весь класс в целом реально владеет всей совокупностью средств производства, находящихся в распоряжении и ведении его представителей, присваивающих с помощью доступа к системе распределения львиную долю общественных благ, полученных с помощью данных средств производства.

Сильная идеологизация общественной жизни в период "социалистического эксперимента" обусловила то, что класс аппарата управления состоял из двух сословий: сословия производственно-управленческого аппарата и сословия государственно-партийного чиновничества. Сословие производственно-управленческого аппарата составляли руководители-хозяйственники государственных и муниципальных предприятий и соответствующих органов управления (министерств, ведомств и пр.). Сословие государственно-партийного чиновничества существовало в цельном виде до 90-х годов и включало в себя партийный аппарат КПСС, средний и высший эшелон других "традиционных" общественных и общественно-политических организаций, государственных органов, руководящий состав армии, органов государственной безопасности и внутренних дел. При этом сословие производственно-управленческого аппарата распоряжалось средствами производства непосредственно, а сословие государственно-партийного чиновничества распоряжалось средствами производства опосредованно, при помощи и через представителей сословия производственно-управленческого аппарата, используя существовавшие в "советский" период всевозможные рычаги партийно-политического и государственного воздействия.

Создание централизованной системы распределения, доступ к управлению ею ограниченного круга лиц, замена товарно-денежных отношений натуральным обменом и возникновение в результате этих процессов хронического дефицита создали объективные предпосылки не для полного уничтожения рынка, а для ухода его в своеобразное подполье, что привело к его существенным качественным изменениям. Рынок приобрел явно выраженные коррумпированно-мафиозные черты с выделением в обособленную социальную группу лиц, существование которых связано с функционированием такого подпольного рынка, известного

под названием "теневая экономика". Эта группа лиц - класс новой буржуазии - опиралась преимущественно на завуалированные формы частной собственности и использовала изъяны централизованной системы распределения для личного обогащения. За долгие годы господства командно-административной системы этот класс во многом сросся с классом аппарата управления и, используя коррумпированных представителей последнего, оказывал заметное влияние на управление обществом.

Класс аппарата управления и класс новой буржуазии являются специфическими последствиями "социалистического эксперимента" и не имеют аналогов в постимпериалистическом обществе. Хотя новая буржуазия и имеет определенное сходство с классом капиталистов, она очень резко отличается от него в силу своей зависимости от доступа к системе распределения и от связи с классом аппарата управления, что особенно отчетливо проявляется в нестабильности ее положения и прав собственности, поскольку подавляющая часть деятельности новой буржуазии находилась вне рамок закона.

Однако формирование командно-административной системы со всеми ее атрибутами в каждой сфере общественных отношений было эффективно лишь для экономики, ориентированной на преимущественное использование физического труда. При этом командно-административная система значительно снизила гибкость общественных отношений и потенциальные возможности общества: фактически были разрушены товарно-денежные отношения, уничтожена конкуренция вследствие глобальной монополизации экономики, сведены на нет даже элементы демократизма в общественных отношениях. Это привело к необратимым последствиям.

К тому моменту, когда уровень развития производительных сил в результате научно-технической революции и возрастания роли умственного труда потребовал соответствующих изменений производственных и иных общественных отношений, рычаги, способные естественным образом изменить эти отношения, оказались полностью разрушенными. Сложившиеся производственные отношения в виде командно-административной системы стали главным тормозом на пути развития производительных сил и всего общества в целом.

К этому времени жестко централизованная командно-административная система управления с ее директивным планированием и волюнтаристским идеологизированным диктатом привела к громадным диспропорциям в экономике. Несбалансированность различных отраслей хозяйства, чрезмерно завышенные затраты на капитальное строительство, милитаризация экономики, отсутствие каких-либо стимулов к развитию производства, затратное хозяйствование и другие последствия "социалистического эксперимента" подвели экономику к краху. К 80-м годам XX века в стране наблюдался полный распад потребительского рынка; товарно-денежные отношения были сведены почти к нулю, господствовал натуральный обмен; хронический дефицит буквально на все виды продукции, ставший неотъемлемой чертой общества, неизбежно вызывал скрытый и явный рост цен. В стране фактически была введена карточная система распределения.

Значительное количество необеспеченных товарами и ресурсами денежных средств, находящихся в обращении, бюджетный дефицит, инфляционная накачка убыточных производств с целью поддержания экономики на плаву, внешний долг и раздача экономической помощи идеологическим "соратникам" поставили общество на грань

финансового краха.

Практически полное отсутствие возможностей у подавляющего числа населения реализовать свои способности и улучшить свое положение, уравниловка и ограничения уровня доходов этой части населения на фоне обеспеченного существования представителей класса аппарата управления за счет остальных, отсутствие каких-либо гражданских и правовых свобод на фоне произвола и беззакония правящего класса неизбежно порождало глубокую социальную апатию и служило основой социального напряжения в обществе. Значительно усугубляла этот процесс царившая на производстве система оплаты не по труду, а по времени, затрачиваемому на посещение места работы, служившая лишь ширмой скрытой формы безработицы.

Мораль лицемерия и двойного стандарта правящих слоев, на словах провозглашавших свое служение народу, а на деле - живших за его счет, стала основной причиной идеологического и духовного кризиса в обществе. Лозунги, звавшие к самоотверженному труду во имя светлого будущего, патриотические призывы и здравицы в адрес сложившейся системы общественного устройства вызывали у массы населения не духовный подъем, а скептические улыбки и недовольство. Коммунистический идеологический стержень командно-административной системы власти прогнил до основания.

Централизация всех ветвей управления общественной жизнью привела к полной утере элементарных навыков самоуправления и к постепенному параличу власти на местах. Принципиальная неспособность центральной власти учитывать все местные особенности и оперативно реагировать на изменение условий на местах в совокупности с параличом местной власти послужила основой кризиса государственности.

Длительная политика управления со стороны центра по принципу "разделяй и властвуй" при неприятии официальной идеологией существования национальных различий и особенностей привела к накоплению национальных противоречий в стране, которые также приобрели острую социальную форму при благоприятных для этого условиях.

Общество вступило в период глобального кризиса.

IV. НЕОБХОДИМЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

Для преодоления общественного кризиса и возврата на общемировой путь развития требовалось прежде всего устранить его первооснову - сложившееся глубокое противоречие между уровнем развития производительных сил и производственных отношений, что неизбежно сопровождается соответствующими изменениями всех других отношений в обществе.

Устранение противоречия между производительными силами и производственными отношениями подразумевает, во-первых, изменение самих производственных отношений,

приведение их в соответствие с уровнем развития производительных сил; а, во-вторых, - необходимость создания естественных рычагов, способных автоматически корректировать производственные отношения при изменении уровня развития производительных сил. Это означает переход от внеэкономических форм и методов принуждения и насилия над экономикой к использованию естественных экономических законов регулирования хозяйственного механизма; отказ от приоритета идеологии над экономикой.

Мировой опыт развития показывает, что в наилучшей степени современному уровню производительных сил соответствуют товарно-денежные отношения, отношения рынка, которые невозможно обеспечить без свободы производителя. Поэтому для приведения производственных отношений в соответствие с производительными силами требовалось, во-первых, обеспечить полную и безоговорочную ломку командно-административной системы, несовместимой по своей природе со свободой производителя; во-вторых, провести демонополизацию экономики, без чего невозможно обеспечить конкуренцию - неотъемлемый атрибут рынка; в-третьих, ликвидировать централизованную систему распределения, которая являлась рычагом непосредственного осуществления власти командно-административной системы; и, в-четвертых, ликвидировать классовую собственность на средства производства, обеспечив сосуществование различных форм собственности.

Ликвидация командно-административной системы требовала обеспечения полной самостоятельности производителя в вопросах ведения хозяйственной деятельности и управления этой деятельностью: вывод предприятий из-под диктата министерств и ведомств, замену директивного планирования договорными отношениями с принципом полной свободы выбора договора и строжайшей ответственности за соблюдение договорных обязательств.

Для демонополизации экономики необходимо было осуществление целого комплекса мер по сокращению количества монопольных производителей и созданию рычагов, предотвращающих возникновение новых монополий, а также ограничение государственной монополии на ряд видов деятельности, в том числе внешнеэкономической монополии и монополии на банковскую деятельность.

Вместо централизованного распределения товаров и ресурсов необходимо было создать систему широкой оптовой торговли и децентрализовать систему обеспечения производителя финансовыми ресурсами, что обеспечивается созданием и развитием системы коммерческих банков, для деятельности которых необходимы соответствующие благоприятные условия.

Для ликвидации классовой собственности на средства производства требовалось осуществление департизации управления хозяйством, проведение приватизации средств производства и создание равных экономических и правовых условий для различных форм собственности.

Создание благоприятных условий для реализации экономических преобразований требовало также привести обращаемую денежную массу в соответствие с производимым продуктом, что означало проведение финансовой реформы как составной части реформы экономической.

Эти реформы могли быть эффективно проведены лишь в условиях сокращения сугубо затратных сфер производства, что, в свою очередь, требовало демилитаризации экономики и всей страны.

Для создания базы рыночных отношений необходимо было создать рынок труда, обеспечить свободный выбор работниками места работы. Для этого требовалось отменить все ограничения на смену места работы, отменить прописку и создать рынок жилья, создать систему переподготовки кадров и обеспечить возможность свободного перемещения всех граждан как внутри страны, так и за рубежом.

Замена директивного планирования договорными отношениями и развитие свободы производителя требовала усиления ответственности производителя за соблюдение договорных обязательств, что значительно должно было повысить роль арбитражных органов и привести к необходимости обеспечения независимости арбитража, как одной из форм судебной власти, от любых политических, общественных и государственных структур.

Децентрализация экономики несовместима с сохранением монополии на власть, а переход на экономические методы управления - с сохранением сильнейшей идеологизации всей жизни общества и идеологической монополии. Более того, сохранение любой монополии в общественной жизни препятствует развитию свобод индивидуумов, а, следовательно, и свободы производителя. Поэтому изменение производственных отношений неизбежно должно было сопровождаться разрушением этих монополий.

Ликвидация монополии на власть и монополии в идеологии тесно связана с децентрализацией управления и требует широкой демократизации всех общественных отношений, развитием прав и свобод граждан. Обеспечение равенства прав и свобод граждан, в свою очередь, требовало реформы судебной системы, расширения системы адвокатуры и полной деидеологизации всех государственных структур.

Развитие прав и свобод граждан в совокупности с необходимостью усиления ответственности производителя за нарушение законов, регулирующих взаимоотношения в обществе обуславливают необходимость и создают предпосылки для построения правового государства.

Таким образом, для приведения производственных отношений в соответствие с уровнем развития производительных сил было необходимо реализовать целый комплекс мер по изменению всех общественных отношений, ориентированный на создание демократического правового деидеологизированного и демонополизированного государства, базирующегося на развитых товарно-денежных, рыночных отношениях в экономике на основе сосуществования различных форм собственности.

V. ДОСТИГНУТЫЕ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РЕФОРМ.

Общее кризисное состояние общества побудило правящее руководство в конце 80-х годов взять курс на проведение реформ общественных отношений и, прежде всего, реформ устаревших производственных отношений, лежавших в основе экономического кризиса. В соответствии с объективно назревшими требованиями выхода из кризиса был осуществлен ряд мероприятий общегосударственного масштаба.

Реализован целый ряд шагов, способствовавших ликвидации классовой собственности на средства производства. Появились и закрепились разнообразные формы индивидуальной и коллективной собственности, что в определенной степени стимулировало активность производства в некоторых отраслях хозяйства.

Ликвидированы некоторые искусственные ограничения, препятствовавшие становлению рыночных отношений. Отменены практически полностью ограничения по перемещению граждан: прописка сохранена в большей степени условно, значительно облегчен процесс въезда-выезда из страны. В целом были сняты ограничения по доходам, что стимулировало активность значительной части населения.

Ликвидирован ряд экономических монополий, ограничивавших формирование рынка. Ослабление финансовой монополии способствовало созданию системы коммерческих банков и финансовых структур, что составило основу рыночных взаимоотношений хозяйствующих субъектов. Ликвидация монополии во внешней торговле способствовала включению экономики страны в общемировой рынок. Ликвидация монополии государства в ряде отраслей хозяйствования создала основу для появления рычагов конкуренции в этих отраслях.

В довольно сжатые сроки осуществлена ликвидация директивного планирования. Определенная демократизация производства и его управления, развитие его самостоятельности значительно способствовали переходу предприятий и других хозяйственных структур к рыночным отношениям.

Проведена финансовая реформа, ликвидировавшая давление массы денежных ресурсов, необеспеченных товарами, на экономику, что способствовало ликвидации товарного дефицита.

В значительной степени разрушена система централизованного распределения, что в совокупности с другими мерами позволило ликвидировать хронический товарный дефицит и способствовало установлению естественных ценовых пропорций, складывающихся на основе рыночных взаимоотношений.

Ликвидирована идеологическая монополия. Это включило в себя департизацию армии и других силовых структур, формирование многопартийной политической системы, расширение политических и идеологических прав и свобод, практически полную ликвидацию открытой цензуры. Совокупность перемен в области политических и гражданских свобод позволила

создать основу для расширения сферы поиска вариантов выхода из идеологического, духовного и других социальных кризисов.

Однако, наряду с определенным положительным сдвигом общественных отношений в сторону общемирового пути развития реформы принесли и значительные негативные для общества последствия.

Одним из основных факторов, оказавших сильное негативное влияние, явилось господство в системе общественного управления принципа приоритета идеологии над экономикой.

Руководствуясь принципом приоритета идеологии, верхушка командно-административной системы взяла курс на осуществление реформ без глубокого анализа объективных причин общественного кризиса и без профессионально выработанной стратегии реформ, что привело к громадному количеству ошибок как в принимаемых решениях, так и в их реализации. Это неизбежно на определенном этапе свело реформы к самоцели. Реформы стали проводиться ради самих реформ, эффективность которых значительно снижалась и отсутствием комплексного подхода к переустройству общественных отношений, образующих в действительности сложную взаимозависимую систему.

Субъективный подход инициаторов реформ к преобразованию общества способствовал тому, что основной движущей силой этого преобразования оказалась командно-административная система с аппаратом КПСС в качестве составной своей части; система, оставшаяся к моменту проведения реформ единственно способной на необходимое глобальное воздействие на общество силой. Однако сама командно-административная система составляла опору старых общественных отношений, которые необходимо было разрушить на пути реформ, и являлась главным тормозом становления отношений новых. Таким образом было заложено коренное противоречие современного периода преобразований: реформы осуществлялись той силой, которую саму необходимо было ликвидировать в ходе этих реформ, и которая в принципе не могла строить новые общественные отношения.

Итог был закономерным: старые общественные отношения разрушались намного быстрее, чем формировались новые. Командно-административная система послушно выполнила приказ руководства о самоликвидации, ликвидировав тем самым и единственную цементировавшую общество силу, на смену которой другие силы прийти не успели. В этих условиях на первое место выступили ранее второстепенные факторы, которые с определенного момента и стали реально определять ход реформ, вырвавшихся из-под контроля их инициаторов.

Разрушение командно-административной системы, лежавшей в основе классовой собственности на средства производства, подорвало основу господствующего положения класса аппарата управления и создало угрозу его существованию. В этих условиях интересы класса неизбежно отступили на второй план перед интересами сословий и более мелких групп, что вылилось в открытую борьбу между сословиями и отдельными группами представителей класса аппарата управления за обладание сохраняющимися рычагами

власти, за свое место в новых условиях.

Используя лозунг ликвидации партийной монополии и департизации государственных структур сословие производственно-управленчес-кого аппарата постепенно отстранило от власти значительную часть сословия государственно-партийного чиновничества, лишив аппарат КПСС рычагов реального воздействия на общественные процессы. Инициаторы реформ оказались отлученными от их проведения. Радикальная попытка части класса аппарата управления сохранить командно-административную систему (события ГКЧП) послужила лишь катализатором и ускорила этот процесс.

Смена руководства реформ ввела их в качественно новое русло: резкое ускорение общественных преобразований осуществлялось на фоне разрушенной первоначальной силы, на фоне обломков командно-административной системы, уже не составлявших единое целое. Управляемость реформами из центра реально была сведена к минимуму, что в конечном итоге привело к сильнейшей дифференциации глубины и скорости перемен в различных регионах, отраслях хозяйства и системах общественного регулирования.

Быстрое разрушение централизованной командно-административной системы неизбежно послужило причиной ослабления центральной власти, вылившегося в конечном итоге в ослабление государственности. Каждый местный правитель стремился не только сохранить господствующее положение в своем регионе, но и упрочить это положение посредством увеличения независимости от ослабевающей центральной власти. Стремительно нарастающие центробежные тенденции стали причиной развала некогда единой страны на множество "удельных княжеств", а использование "удельными князьями" в этом процессе накопившихся национальных проблем вместо их решения превратило в ряде регионов центробежные тенденции в национальные столкновения, конфликты и войны со всеми их трагическими последствиями.

Негативные результаты реформ в значительной степени усугубились попытками правящего класса сохранить классовую собственность на средства производства как в явной форме, так и под другой личиной, и использовать проводимые реформы для укрепления господствующего положения другими формами собственности. Программа приватизации, при всей острой необходимости ее реализации, заведомо осуществлялась с интересами лишь правящего класса аппарата управления. Неформальная классовая собственность на средства производства в результате программы приватизации "законными" и незаконными путями была трансформирована в формализованную собственность узких групп представителей класса аппарата управления. При этом значительная часть средств производства так и осталась реально классовой собственностью под личиной различных акционерных и смешанных обществ, оставшись в полном распоряжении того же сословия производственно-управленческого аппарата в лице руководства соответствующих хозяйственных структур. Этому в значительной степени способствовало сохранение централизованного распределения финансовых инвестиционных ресурсов, целиком контролируемого правящим классом. Разгосударствление и приватизация средств производства на деле вылились в борьбу представителей правящего класса между собой за передел собственности.

В условиях борьбы за передел собственности и власти основные начальные цели реформ по решению задач экономики и удовлетворению социальных потребностей общества неизбежно отошли на второй план.

Вместо стимулирования переструктурирования хозяйства, модернизациии развития производства, необходимых для преодоления экономического кризиса происходит усиление налогового бремени и ужесточение фискальных мер, нацеленных на пополнение государственного бюджета, ставшего объектом передела между властными структурами. Общим результатом становится рост внешнего долга, спад производства во всех отраслях и развал экономики, углубляющие в значительной степени социальные противоречия в обществе.

Борьба между различными группами внутри правящего класса аппарата управления за сохранение господствующего положения, сопровождавшаяся ослаблением государственности, неизбежно ослабила позиции самого этого класса. В этих условиях в борьбу за передел собственности и власти включился класс новой буржуазии, давно жаждавший этого передела и более приспособленный к формируемым рыночным отношениям. Следствием этого стала сильнейшая криминализация власти и коррупция государственных структур, что еще более способствовало параличу власти и послужило одной из основных причин небывалого разгула преступности.

Ориентация реформ и государственной политики не на нужды всего общества, а лишь на удовлетворение интересов правящего класса, привела к сильнейшей дифференциации общества, к обогащению ограниченного круга лиц за счет обнищания основной массы населения, отстраненного от процесса передела средств и ресурсов общества. Вся тяжесть финансовой реформы легла на плечи трудящихся классов и нетрудоспособного населения. Программа "приватизации" окончательно юридически отлучила основную массу населения от средств производства. А переход к рыночным отношениям лишил класс наемных работников последних гарантий стабильности их хотя бы нищенского заработка.

Неизбежным следствием этой политики явились запущенность и обострение социальных проблем, усиливших внутреннее напряжение в обществе, периодически прорывающееся в различных социальных конфликтах, от забастовок и митингов до войн под национальными лозунгами. Передел благ и власти между правящими социальными слоями сопровождается мощным давлением "снизу", со стороны основной массы населения.

Политика неприкрытого отстаивания интересов правящего класса, углубление экономического и социального кризисов неизбежно усугубили идеологический и духовный кризис. Нормой общества стал правовой нигилизм, неуверенность в завтрашнем дне, духовная опустошенность и эмоциональная раздражительность. Это, в свою очередь, значительно усиливает социальные конфликты и повышает вероятность социальных взрывов в обществе, что представляет серьезную угрозу как для отдельных социальных слоев, так и для всего общества.

В этих условиях любая группа представителей господствующего класса, приходящая к власти, объективно вынуждена осуществлять ряд мер, единый для всех таких групп вне зависимости от их состава и принадлежности к конкретному сословию господствующего класса и вне зависимости от тех конкретных сил, которые приводят эту группу к власти.

Поскольку процесс передела собственности не бесконечен, а спад производства может продолжаться лишь до определенных пределов, преодоление которых вызывает серьезную угрозу для господствующего положения класса аппарата управления в целом и правящей группы в частности, постольку объективные условия заставляют правящие круги активно воздействовать на экономику.

Слабость сформированных к настоящему времени экономических рычагов регулирования хозяйственного механизма вынуждает правящие круги ориентироваться прежде всего на методы внеэкономического воздействия, поддерживая в целом систему приоритета политики над экономикой. Это значительно тормозит формирование развитых рыночных отношений и обуславливает сильнейшую зависимость формирующейся структуры экономики от устремлений узкой группы лиц, чьи интересы представляет правящая группа.

Под давлением "снизу" правящая группа вынуждена периодически гасить непрерывно стремящиеся вырваться наружу социальные противоречия и социальные конфликты, затыкать дыры в социальной политике. Отсюда неизбежно широкое использование популистских мер в борьбе за власть и обилие "подачек", не решающих в корне социальных проблем, но значительно отягощающих экономические реформы и возврат на общемировой путь развития.

Стремление обезопасить господствующее положение заставляет любую правящую группу, приходящую к власти, бороться с правовым нигилизмом, захлестнувшим общество. Отсюда неизбежны ее усилия, направленные на правовое и идеологическое подкрепление достигнутого положения, на борьбу с разгулом преступности и на построение в той или иной мере правового общества.

Важным вопросом для любой правящей группы в этих условиях является укрепление государственности, способствующее сохранению власти этой группы. Отсюда неизбежно стремление к формированию и укреплению собственных структур власти, поддержка центростремительных сил и управляемости обществом из центра. Это вынуждает правящие круги искать опору в силовых структурах, чья роль в обществе в этом случае резко возрастает, способствуя и росту их собственных притязаний на власть.

В целом, правящие круги объективно заинтересованы в стабилизации общества и выходе на поступательный путь развития на базе сильной рыночной экономики. Однако закрепление сложившейся расстановки сил в обществе при любой смене правящей группы одного и того же господствующего класса означает сохранение социальной структуры общества, сопровождающееся целым рядом негативных черт.

Прежде всего, в этих условиях неизбежна ориентация политики власти и государственных структур не на интересы всего общества, а на интересы лишь правящего класса. При всем многообразии возможных вариантов конечная структура экономики в условиях такой политики оказывается неизбежно ориентированной на сохранение господствующего положения класса аппарата управления вне зависимости от того, под каким видом средства производства закрепляются в собственности этого класса: в форме частной собственности или в форме классовой собственности под личиной "общенародной" или "государственной".

Различие интересов правящего класса и интересов основной части общества при закреплении на государственном уровне различий в возможности реализации этих интересов разными классами обуславливает неразрешимость социальных проблем и означает сохранение в обществе источника социальной напряженности, способного вызывать социальные конфликты.

Нестабильность социального положения в этих условиях неизбежно будет порождать у правящих кругов искушение ограничить права и свободы классов и социальных слоев, отдаленных от власти самой структурой общественных отношений, что значительно повышает вероятность рецидивов жесткого авторитарного режима общественного управления.

В целом, стабилизация сложившихся общественных отношений даже при условии возврата экономики на общемировой путь развития будет лишь временной, поскольку не разрешает кардинальным образом накопившихся проблем общества и сохраняет внутренний очаг социальной напряженности. Загоняя эти проблемы вглубь, такая "стабилизация" не только не обеспечивает бескризисности дальнейшего развития общества, но и закладывает основу для будущих социальных взрывов.

Даже в случае наиболее благоприятного развития событий проводимые реформы смогут дать лишь некое приближение к модели развитых стран, отягощенное дополнительными национальными особенностями. Гигантские монополии в экономике, отсутствие демократических традиций и навыков общественного управления, стремление к монополии власти и идеологии неизбежно будут переводить противостояние государства и общества, сохраняющееся объективно даже в наиболее развитых странах, в социальные потрясения и взрывы.

Поэтому возврат с пути социальных экспериментов на естественный исторический путь развития и приведение общественных отношений в соответствие с достигнутым уровнем производительных сил, хотя и чрезвычайно актуальны, но являются уже задачей вчерашнего дня.

С другой стороны, современные тенденции общественного развития вполне позволяют спрогнозировать такой его вариант, который способен привести общество к гармоничному

бескризисному состоянию со структурой общественных отношений, ориентированной на интересы всех слоев общества и гибко меняющейся в зависимости от конкретно-исторической ситуации и достигнутого обществом уровня. Формирование правового демократического государства с сильной рыночной экономикой оказывается в этом случае лишь шагом на пути построения такого "общества гармонии", что переводит задачу реформирования общества из плоскости разрушения и устранения отклонений от общемирового пути развития в плоскость созидания прогрессивных общественных отношений.

VI. ОБЩЕСТВО РАЗУМА И ГАРМОНИИ.

Вся известная история характеризуется раздробленностью человеческого общества на различные социальные группы, слои, классы и нации с отличающимися друг от друга интересами и борьбой между ними за господство и доминирующее положение в обществе. Как самые грандиозные социальные эксперименты под лозунгами построения общества равенства основывались на борьбе социальных слоев и классов и на ее использовании для достижения победы одних классов над другими, так и современные "национально-освободительные" движения отражают лишь стремление одной нации господствовать над другими.

Любой социальный слой, пришедший к власти и добившийся доминирования над другими социальными слоями, стремится поддерживать именно ту структуру общественных отношений, которая обеспечивает господство этого слоя и которая неизбежно устаревает на определенной стадии развития общества, тормозя это развитие и входя в противоречие с интересами этого общества. Противостояние социальных слоев в этих условиях объективно порождает кризисы и общественные потрясения.

Особенностью современной эпохи является чрезвычайное ускорение темпов развития общества, приводящее ко все более быстрому старению систем общественных отношений, жестко ориентированных на какую-либо конкретную расстановку социальных слоев внутри общества, к сокращению периодов стабильности в обществе и к учащению социальных потрясений. Урон, наносимый этими социальными потрясениями обществу в целом, все меньше компенсируется выигрышем от очередной перемены расстановки сил в обществе, от смены господствующего социального слоя и от соответствующего изменения общественных отношений.

Широчайшее развитие информационных, экономических и культурных связей в современном обществе в громадной степени усиливает взаимодействие членов общества и социальных слоев друг с другом.

Общество образует единую тесную систему с целым комплексом внутренних связей и взаимозависимостей, в которой любое противостояние, любая борьба социальных слоев, классов и наций наносит вред всему обществу. Любая "победа" одного социального слоя над другим - это проигрыш всего общества, в том числе и "победителей".

В этих условиях гармоничное бескризисное развитие общества возможно лишь при условии перехода от противостояния социальных слоев, классов и наций, от борьбы их за доминирующее положение к конструктивному сотрудничеству на благо всего общества, на благо всех его социальных слоев; при коренном изменении подхода социальных слоев к собственному положению, к другим социальным слоям и ко всему обществу.

Общество - единое целое, отношения внутри которого должны регулироваться по принципам человеческого общежития, ориентированного не на подавление чьих-либо интересов в угоду другим, а на сочетание интересов всех социальных слоев ради общего блага и блага каждого. Распространение принципа человеческого общежития на все уровни общественных отношений между членами общества способно образовать основу того "общества гармонии", которое в своем развитии будет в минимальной степени подвержено социальным потрясениям и катаклизмам.

Ориентация "общества гармонии" на интересы всех его социальных слоев может быть обеспечено только в условиях равенства прав, свобод и возможностей по реализации способностей всех членов общества вне зависимости от социального положения или национальной принадлежности. Ограничение свобод индивидов и социальных групп должно быть минимальным и определяться лишь из условий существования единого общества и условий сосуществования индивидов в едином человеческом общежитии. Допустимо все, что не вредит окружающим и не ограничивает их собственных прав и свобод.

В силу этого "общество гармонии" не подавляет личность и не подчиняет ее неким чуждым ей интересам, а отдает личности приоритет. Богатство "общества гармонии" - это богатство его граждан; сила общества в силе его граждан; процветание общества складывается из процветания граждан.

Поскольку система общественного управления является составной частью общественных отношений, постольку "общество гармонии" возможно лишь в том случае, когда общественные структуры и институты власти и управления ориентированы на интересы всех слоев общества, а не на интересы лишь господствующего класса или социального слоя. В таком обществе нет особых "государственных" интересов, поскольку государство служит обществу, а не наоборот.

Служение государства обществу означает, что структуры общественного управления и регулирования ориентированы строго на обеспечение нужд всех членов общества, и прежде всего: на обеспечение безопасности граждан, на решение социальных вопросов (здравоохранение, образование, забота о нетрудоспособных членах общества), на поддержку материального и духовного развития членов общества и самого общества в целом (экономика, наука, искусство).

Это возможно реализовать лишь в том случае, если система управления общественными отношениями будет строиться в соответствии с принципом саморегулирования общества, т.е. если структуры управления всех уровней формируются самим обществом по мере их

необходимости для решения конкретных задач. При этом каждый уровень структуры управления должен заниматься обеспечением нужд общества на соответствующем уровне и не вмешиваться в деятельность других структур.

Такая система управления может быть высоко эффективна лишь при широчайшем развитии самоуправления в обществе и при условии обеспечения равных возможностей для всех членов общества по обучению науке управления и выработке соответствующих навыков.

В целях обеспечения бескризисного развития общества управление "обществом гармонии" должно быть ориентировано на развитие в строгом соответствии с объективными законами развития и общественными тенденциями и работать по принципу минимума общественных (финансовых, человеческих и пр.) затрат при максимальном результате, т.е. являться одновременно и "обществом разумного управления".

В целом, "общество разума и гармонии" представляет собой человеческое общежитие, ориентированное на процветание всех членов общества и реализующее бескризисное гармоничное развитие на основе высокопрофессионального разумного управления в интересах всех социальных слоев. Это - общество с такой структурой общественных отношений, которая обеспечивает их автоматическое саморегулирование в сторону соответствия достигнутому уровню развития общества.

Стремление к построению "общества разума и гармонии" на основе обеспечения принципов человеческого общежития и разумного управления, а не на основе жестко фиксированной конкретной формы "общества будущего", позволяет избежать негативных последствий догматизма и искусственного ограничения вариантов возможного реального развития, что значительно увеличивает вероятность достижения положительного результата.

Задача построения "общества гармонии" не только находится в русле многовековых идей, но и отвечает современным чаяниям общества, согласуется с современным массовым идеалом благополучия. Более того, она соответствует естественным тенденциям развития общества от конфронтации и борьбы за выживание между его частями к объединению в одно целое на основе гуманизации и терпимого отношения к интересам других членов общества.

Построение "общества разума и гармонии" на основе правил человеческого общежития является задачей не только необходимой для выживания нашего общества и человечества в целом, но и реальной по выполнению. Многочисленные проявления норм человеческого общежития во взаимоотношениях между людьми, народами и странами встречаются в реальной действительности все чаще, хотя многие из них вырабатываются на базе нелегкого исторического опыта, в результате тяжелых поисков.

"Общество разума и гармонии" не может быть объявлено в одночасье, равно как и правила человеческого общежития не могут быть насильственно утверждены. Они должны постепенно вырабатываться самим обществом, становясь его неотъемлемой частью во всей

многогранности человеческого бытия. И хотя полное достижение "общества разума и гармонии" может быть весьма удаленным от текущего момента, задача его построения является задачей не завтрашнего, а сегодняшнего дня, выполнение которой должно осуществляться и может ощущаться современным поколением на каждом своем шагу по пути к конечной цели. Каждый шаг в направлении "общества разума и гармонии" - это улучшение условий жизни самих тех, кто делает этот шаг.

В настоящее время имеются реальные объективные предпосылки для построения "общества разума и гармонии". Более того, есть предпосылки для того, чтобы построение "общества разума и гармонии" осуществлялось на основе лидирующего движения к конечной цели именно нашего общества, которое обладает целым рядом необходимых для этого специфических предпосылок.

Во-первых, в нашем обществе имеются экономические предпосылки для того, чтобы не только вернуться на общемировой путь развития, но и сразу сделать значительный шаг вперед. Актуальность и объективная необходимость изменения производственных, финансовых и иных экономических отношений значительно облегчает задачу построения новых отношений, в которые изначально можно закладывать элементы "общества разума и гармонии": равноправное сосуществование разных форм собственности, переориентация налоговой политики с интересов правящего слоя на интересы всего общества, развитие самостоятельности производителя, переход к мягкому внеидеологическому регулированию экономики.

Во-вторых, текущий момент в нашей стране характеризуется сильной динамикой общественных отношений. Направление этой динамики в русло решения задач построения "общества разума и гармонии" позволит использовать и неизбежную в этом случае инерцию преобразований, инерцию динамики для ускорения продвижения к конечной цели.

В-третьих, наше общество обладает чрезвычайно высоким потенциалом духовных сил, сильным настроем масс на преобразование общества. Это, с одной стороны, усиливает актуальную опасность социальных взрывов, а с другой стороны, способно поддерживать динамику преобразований длительное время. Направление потенциала духовных сил общества на созидание, а не на разрушение, на построение "общества разума и гармонии" способно значительно снизить вероятность социальных катаклизмов.

В-четвертых, наше общество до сих пор ощущает на себе влияние многовековой традиции русской общинности, передаваемой от поколения к поколению и поддерживаемой всей культурой общества. Эта традиция в значительной степени способствует закреплению вырабатываемых обществом норм и правил человеческого общежития на всех уровнях, в самых широких слоях межличностных отношений.

В-пятых, при всех практических недостатках коммунистической идеологии, господствовавшей длительное время в нашем обществе, она оказала и огромное положительное влияние, способствуя закреплению в отношениях между людьми тех правил человеческого

общежития, которые вполне могут использоваться и "обществом разума и гармонии".

В-шестых, основная масса нашего общества, несмотря на обилие вспышек национальной розни, провоцируемых теми или иными политическими силами, обладает весьма невысоким уровнем национальной чванливости. Малая значимость национального вопроса для большинства населения, ставшая своего рода традицией нашего общества, является хорошей базой для "общества разума и гармонии", в котором национальность граждан никак не отражается на их правах, возможностях и свободах.

В-седьмых, наше общество, несмотря на все катаклизмы прошедшего столетия, обладает одним из самых высоких в мире уровнем образования и культуры, который способен стать хорошим заделом и составить базу формирования общества, ориентированного на разумное управление жизнью своих граждан, т.е. общества, ориентированного на бескризисное развитие.

Достижение конечной цели - построение "общества разума и гармонии" - очень сильно зависит от того пути, по которому пойдет общество в решении его текущих задач. Путь к "обществу разума и гармонии" может быть значительно сокращен, если уже сейчас на каждом шагу при решении задач возврата с пути "социалистического эксперимента" на общемировой путь развития будут закладываться основы "общества разума и гармонии"; если в выстраиваемых новых общественных отношениях будут закладываться нормы человеческого общежития.

VII. ПАРТИЯ РАЗУМА И ГАРМОНИИ.

Реализация задачи построения "общества разума и гармонии" требует использования в том числе методов политических и идеологических, эффективность которых заметно повышается в условиях их применения отдельной организацией в лице политической партии. Цель такой политической партии и идея построения общества, регулируемого нормами и правилами человеческого общежития, в значительной степени определяют не только идеологию и принципы деятельности этой партии, но и ее кардинальное отличие от всех традиционных политических партий и движений.

Поскольку целью данной политической партии является достижение не той или иной конкретной формы общественного устройства, а лишь определенной совокупности общественных отношений, постольку эта партия имеет возможность организации своей работы в соответствии не с жестко фиксированной, а с гибкой программой действий, вырабатываемой на основе и с учетом текущей конкретно-исторической ситуации в самом широчайшем диапазоне ее изменения. Это позволяет максимально повысить эффективность повседневной деятельности партии, способной в таком случае отбрасывать устаревающие формы и концентрироваться на реализации наиболее перспективных мер.

Поскольку конечной целью данной партии является достижение и укрепление определенных принципов взаимоотношений на всех уровнях в обществе, а не только в государственной

системе управления, постольку основной для этой партии оказывается идеологическая работа. Деятельность политическая является для Партии Разума и Гармонии прежде всего средством повышения результативности деятельности идеологической.

Партия, нацеленная на построение общества, направленного на удовлетворение нужд и интересов всех его граждан, является выразителем интересов не того или иного класса или социального слоя, а интересов всего общества. Это, с одной стороны, предоставляет Партии Разума и Гармонии возможность опираться на самые широкие слои и привлекать широкий круг союзников к реализации ее целей и задач. С другой стороны, это требует от самой партии четкой ориентации в конкретно-исторической ситуации, грамотной оценки слагающихся интересов и тенденций в обществе и умения поиска взаимоприемлемых методов и форм в самых широких сферах общества.

Нацеленность партии на построение определенной совокупности общественных отношений, а не на достижение конкретной формы управления обществом или расстановки сил в обществе, позволяет ей и требует от нее ориентироваться в своей деятельности на поддержку не конкретных лиц или организаций, а только тех реальных их действий, которые способствуют реализации конечной цели этой партии, способствуют построению "общества разума и гармонии".

Поскольку это в равной степени относится и к лицам внутри самой партии, представляющих ее в обществе, постольку от членов Партии Разума и Гармонии и ее структур требуется строжайшее соответствие слов и дела, соответствие обещаний и реальных возможностей.

Партия, ставящая перед собой целью построить общество на принципах человеческого общежития, не может ставить себя над или вне самого общества. Она является частью этого общества и должна изначально строиться на тех принципах, которые она стремится воплотить в реальность, базировать на них свою повседневную деятельность. Партия Разума и Гармонии должна строго соблюдать принцип демократизма в своих внутренних отношениях, обеспечивая общность интересов всех уровней своей структуры за счет их тесной взаимосвязи и невмешательства в дела друг друга. Структура каждого уровня партии должна заниматься лишь решением текущих задач, соответствующих своему уровню. Эффективность деятельности такой структуры достигается за счет сознательной самодисциплины членов партии.

Только при соблюдении этих условий данная политическая партия сможет стать тем, чем она должна быть: прототипом того "общества разума и гармонии", которое она призвана строить.

Приложение N4.

Миф о "мифологическом сознании"

или

О пагубности вопроса "почему?" для устаревших теорий и собственного спокойствия

Почему мы считаем древние мифы и предания фантазиями и иллюзиями, порожденными неразвитым сознанием примитивных народов?.. Более детальный анализ как самих древних мифов, так и теории "мифологического сознания" выявляет несостоятельность подобной позиции, которая оказывается всего лишь неправомерным переносом субъективных предвзятых установок исследователей на исследуемую объективную реальность.

"Мифология - фантастическое отражение действительности в первобытном сознании, воплощенное в характерном для древности устном народном творчестве. В идеологии нового и новейшего времени понятие мифа используется для обозначения различного рода иллюзорных представлений, оказывающих воздействие на массовое сознание" Философский словарь

Познание человеком законов мироздания начинается с вопроса "почему?". Каждый ребенок проходит этап "почемучки", измучивая окружающих вопросами "почему это происходит?", "почему это так?" и "почему это происходит именно так?". На этом этапе он учится ориентироваться в мире на базе знаний, накопленных человечеством; познает этот самый мир с помощью взрослых.

Вторично период вопросов "почему?" у человека возникает тогда, когда он понимает, что человечеству еще далеко не все известно, и стремится познать неизвестное сам. Если же он вступает на путь научного познания, то данный вопрос он задает и к самому этому накопленному знанию, нередко сомневаясь в правоте того, что "уже известно". Здесь вопрос звучит несколько по иному: "а почему, собственно, именно так, а не иначе?" или "а почему бы и не иначе?" и т.д. и т.п.

Сомнение - двигатель науки, позволяющий ей продвигаться вперед на пути познания мира, отбрасывая ошибочные представления. Само это движение вперед становится возможным только тогда, когда количество "почему?" достигает некоторой "критической массы", заставляющей пересматривать имеющиеся концепции и теории…

К чему мы все это?.. А вот к чему…

* * *

В процессе сбора данных для трактата "Основы физики духа" автору пришлось столкнуться с тем, что чрезвычайно много материала, относящегося к феноменам и явлениям духовно-нематериального мира, буквально вплетено в сеть религиозных и т.н. мифологических представлений. "А почему?" - как-то сам собой возник вопрос… Рефлекс исследования двинул автора, естественно, к истокам, т.е. в область древнейшей мифологии. И тут-то вопросы "почему?" начали вставать один за другим.

Почему то, что мы привыкли считать сказками или фантазией древних так долго продолжает жить? Почему не отвергнуто и не отброшено еще тысячелетия назад, когда человечество двинулось по пути цивилизации? Ведь для этого нужны мощные подкрепляющие стимулы, а какое подкрепление может быть у иллюзии?..

Почему столь устойчивы эти "фантазии", если длительное пребывание в мире иллюзий

отрицательно сказывается на способности к выживанию? Ведь эволюция требует от живых организмов адекватного (!!!) восприятия реальности, без которого невозможна адаптация к внешним условиям. Эволюция требует умения прогнозировать, а не фантазировать; между фантазией же и прогнозом - большая разница.

Почему в разных разобщенных регионах древние мифы и предания явно обнаруживают между собой сходство?.. Как оказались схожими "фантазии" и "иллюзии" людей, разделенных эпохами, тысячелетиями, горными хребтами и океанами?..

Почему при сильном разнообразии деталей этих "фантазий" имеет место чрезвычайная скудость сюжетов и тем мифологии?.. В мифах можно насчитать, пожалуй, всего не более двух-трех десятков основных сюжетов. Почему "богатая фантазия" предков оказывается здесь "хромой на обе ноги"?..

Чем больше "почему?", тем больше желание в них разобраться. Чем больше желание разобраться, тем больше мифов и теорий вокруг них приходится изучать. Чем больше изучается, тем… больше возникает новых "почему?", которые на определенной стадии достигают той самой "критической массы", трансформируясь в качественно иное "почему?": а почему, собственно, мы считаем древние мифы и предания сказками и выдумкой?.. Есть ли у нас вообще на то веские основания?..

Конечно, различные "почему?" возникали не только у автора. Исследования мифологии ведутся достаточно давно, и перед исследователями, естественно, вставали те же самые вопросы. В конце концов наиболее широкое распространение получила теория т.н. "мифологического сознания", в основу которой легли этнологические исследования Леви-Брюля и теория архетипов Юнга. В простом переизложении эту теорию можно представить приблизительно так…

На ранней стадии своего развития человек обладал еще очень слабой рефлексией, т.е. слабым самосознанием. Это приводило к тому, что он не мог провести четкой грани между объективным миром и субъективными ощущениями и принимал собственные фантазии за реально существующие объекты.

Сам недалеко ушедший от животного состояния, человек наделял весь окружающий мир теми же качествами, которыми обладал сам, - одушевлял животных, растения и даже неживой мир.

Постоянная борьба за выживание, сильнейшая зависимость от внешних обстоятельств порождали в слабом сознании примитивного человека представления о наличии вокруг него могущественных сверхъестественных сил, принимавших в этих представлениях облик духов, демонов, богов и т.п. Страх перед этими силами и побудил примитивного человека к созданию целого спектра обрядовых и культовых систем, в которых мифы и предания выполняли определенную "цементирующую" роль, подводя базу под обряды и культы и обеспечивая передачу соответствующих традиций от поколения к поколению.

Сходство же сюжетов мифологии, согласно выводам Юнга, обеспечивалось тем, что как физические тела представителей разных народов обладают явным сходством, так и психика разных людей имеет схожие структуры, сформированные в ходе эволюции и названные Юнгом архетипами. Сходство этих структур обуславливало и сходство порождаемых ими представлений примитивных народов в разных областях Земли…

Конечно, это - довольно упрощенное изложение данной теории, но нам этого будет вполне достаточно. Тем более, что еще некоторых ее аспектов мы коснемся чуть позже…

На первый взгляд, теория "мифологического сознания" логична и даже красива. И вроде бы все объясняет.

Но, во-первых, теория Птолемея тоже красива и логична. И даже имеет каждодневное визуальное "подтверждение": в глазах земных наблюдателей все происходит именно так, как она и предсказывает, - Солнце, Луна и другие планеты вращаются вокруг Земли на фоне неподвижных звезд… Однако же человечество отказалось в конце концов от этой красивой и логичной теории, признав ее ошибочность…

А во-вторых, красота и логичность хотя и играют определенную, но все-таки отнюдь не главную, роль в оценке теорий. Гораздо более важным фактором является соответствие теории реальным фактам. А сопоставление теории "мифологического сознания" с такими фактами вызывает очередной поток вопросов "почему?" и сомнений в ее справедливости.

Например, этнографические исследования выявляют следующий любопытный факт, который противоречит одному из базовых положений теории, а именно: наличию якобы чрезвычайной зависимости жизни первобытного человека от капризов природы.

"И этнография, и археология накопили к настоящему времени массу данных, из которых следует, что присваивающее хозяйство - охота, собирательство и рыболовство - часто обеспечивают даже более стабильное существование, чем ранние формы земледелия… Обобщение такого рода фактов уже в начале нашего столетия привело польского этнографа Л.Кришивицкого к заключению, что "при нормальных условиях в распоряжении первобытного человека пищи более чем достаточно". Исследования последних десятилетий не только подтверждают это положение, но и конкретизируют его с помощью сравнений, статистики, измерений" (Л.Вишняцкий, "От пользы - к выгоде").

"Балансирование на грани голодной смерти тех, кто вел присваивающее хозяйство, - не характерная, а, напротив, довольно редкая ситуация. Голод для них не норма, а исключение. Это во-первых. Во-вторых, качество питания членов таких групп, как правило, удовлетворяет требованиям самых строгих современных диетологов" (там же).

"Эффективность высокоспециализированного собирательского труда просто поразительна. Даже в тех случаях, когда условия внешней среды были крайне неблагоприятны, первобытный собиратель демонстрировал удивительные способности по обеспечению себя продовольствием" (А.Лобок, "Привкус истории").

Интересен и факт, что "присваивающая экономика эффективна не только в том смысле, что она вполне обеспечивает первобытных людей всем необходимым для жизни, но также и в том, что достигается это за счет весьма скромных физических усилий. Подсчитано, что в среднем "рабочий день" охотников-собирателей составляет от трех до пяти часов, и этого, оказывается, вполне достаточно. Притом, как правило, дети не принимают непосредственного участия в хозяйственной деятельности, да и взрослые, особенно мужчины, могут себе позволить отвлечься на день-другой от "прозы будней" и заняться делами более "возвышенными"" (Л.Вишняцкий, "От пользы - к выгоде").

Жизнь "примитивного" охотника и собирателя вообще оказалась весьма далека от всепоглощающей и суровой борьбы за существование.

"…данные современных этнографических исследований убедительно свидетельствуют о том, что жизненная практика первобытных племен, сохранивших свою культурную самоидентичность вплоть до настоящего времени, не имеет ничего общего с повседневным изнуряющим трудом земледельческого человека "от зари до зари"… Сам процесс добывания пропитания для первобытного охотника - это именно охота, которая во многом построена на игре и азарте. А что такое охота? Охота - это ведь и есть то, чего "хочется", то, что совершается "в охотку", а не под давлением внешней необходимости. Причем "собирательство" - второй традиционный для первобытного человека источник пропитания - это тоже своеобразная "охота", игра, азартный поиск, но никак не изнуряющий труд" (А.Лобок,

"Привкус истории").

"По сравнению с ранними земледельцами, с людьми, осваивающими азы производящего хозяйства, охотники-собиратели во всех отношениях находятся в гораздо более выигрышном положении. Земледельцы больше зависят от капризов природы, так как их экономика не столь гибка, они, по сути, привязаны к одному месту и к весьма ограниченному кругу ресурсов. Рацион их однообразней и в целом бедней. И, конечно, по сравнению с охотой и собирательством хозяйство земледельцев более трудоемко - поля требуют постоянной заботы и ухода" (Л.Вишняцкий, "От пользы - к выгоде").

"Земледельцы резко теряют в подвижности, в свободе перемещения, а главное, земледельческий труд отнимает очень много времени и оставляет все меньше возможностей заниматься охотой и собирательством "на параллельных" основаниях. И неудивительно, что на ранних ступенях освоение земледелия не только не давало каких бы то ни было преимуществ, но и, наоборот, приводило к заметному ухудшению качества жизни. Стоит ли удивляться, что одним из ближайших следствий перехода к земледелию становится сокращение продолжительности жизни?" (А.Лобок, "Привкус истории").

"Кроме того, по мнению большинства ученых, земледельческо-скотоводческие поселения, многолюдные и скученные, были в гораздо большей степени, чем стойбища охотников, живших обычно небольшими группами по двадцать пять - пятьдесят человек, подвержены инфекциям" (Л.Вишняцкий, "От пользы - к выгоде").

То есть жизнь примитивного человека не столь уж тяжела и безрадостна, как это рисует теория!..

Далее. Этнографы подтверждают сильную насыщенность эмоциями всей жизни примитивных народов. Но разве это только страх?.. Разве мало примитивный человек испытывает положительных эмоций?.. И если представление сверхъестественной силы за устрашающими непонятными явлениями хоть сколько-то логично, то зачем возникать представлениям о "добрых" сверхъестественных силах?.. Можно, конечно, это отнести к "естественному балансу", но логика явно начинает давать сбои…

Более того, многие исследователи подчеркивают именно "гармоничное сосуществование" примитивного человека с окружающей природой. А откуда было бы взяться какой-то "гармонии" при постоянном господстве страха перед внешним миром?.. Опять логика теории сбоит…

Явный сбой эта логика дает, скажем, в объяснении момента появления в мифологии антропоморфных (т.е. схожих по облику с человеком) богов. Если для меня весь мир живой, и я его привык таким воспринимать с самого раннего детства; если "разумом" обладает каждый камень, каждый куст, каждый зверь, то с какой такой стати вдруг появляться за этим "разумом" человеческому облику?.. (Те же этнографические исследования, между прочим, показывают, что первобытные народы вовсе не нуждаются в столь сильном очеловечивании природных сил и вполне могут обходится без него…)

Теория это объясняет естественной склонностью неразвитого сознания переносить на окружающие объекты собственные свойства. Логично?.. Но тогда почему антропоморфные боги появляются в мифологии: а) далеко не у всех народов; б) много позже представлений о говорящих деревьях и животных?.. С точки зрения элементарной логики все должно быть с точностью до наоборот!.. Во-первых, развитие сознания должно уменьшать степень переноса собственных свойств на окружающие объекты. А во-вторых, фантазия, как и любая творческая (!) способность, должна возрастать с развитием сознания; здесь же мы наблюдаем не увеличение разнообразия мифологических образов, а их упрощение!..

Далее. Архетипами можно объяснить некоторое сходство возникающих в разное время и в

разной местности образов на их основе. Но лишь самое общее их сходство, на что обращал внимание и сам Юнг. Тогда почему прослеживается сходство мифов разных народов в деталях и подробностях?..

Заметим, наконец, что ни архетипы, ни сама теория "мифологического сознания" в целом оказываются неспособными ответить на вопрос: почему примитивные народы не развивают собственную мифологию (т.е. собственные "фантазии"), а наоборот - всячески стремятся сохранить как можно точнее старые легенды и предания?..

Все больше возникает ощущение, что теория "притянута за уши". А количество разных "почему?" начинает трансформироваться в качественно иной вопрос: "а почему, собственно?". А почему, собственно, древние мифы и предания считаются фантазией слабо развитого сознания?.. Настолько ли они фантастичны в полном смысле этого слова?..

Далеко не мы первые задаемся таким вопросом. Шлиман, отвергнув общепринятое мнение о полной фантастичности древнегреческой мифологии, ринулся на поиски "мифического" золота Трои. И ведь нашел!!! Долго еще потом историки оспаривали, что Шлиман нашел именно "мифологическую" Трою… Но в итоге ведь смирились, - признали факт. Правда, оставили в стороне объяснение несоответствия теории и фактов. Подумаешь, - курьез… Стоит ли из-за него ломать такую красивую теорию…

Однако сомнения были посеяны, и у Шлимана нашлись последователи. Тут-то "курьезы" посыпались один за другим. Прошедший XX век ознаменовался открытиями, которые заставили ученый мир признать: в Ветхом Завете нашли отражение и совершенно реальные события прошлого. Раскопаны руины древнего Вавилона; найдены артефакты, подтверждающие существование народов, упоминавшихся в Ветхом Завете, но считавшихся реально не существовавшими; а положение рухнувших стен найденного Иерихона до сих пор заставляет ученых чесать затылки и тайком креститься…

Ветхому Завету в некотором смысле "повезло": очень значительная доля населения вопреки официальной науке всегда воспринимала описанные в нем события в качестве достоверных. Правда, лишь на основе веры, но все-таки… Другим древним преданиям повезло гораздо меньше, - их и до сих пор многие считают лишь фантазией…

А почему, собственно, такая несправедливость?.. Чем они "хуже" Ветхого Завета?.. Только лишь тем, что верят в них лишь "язычники"?.. Но ведь найдены же, скажем, древние шумерские тексты, где сюжеты чрезвычайно схожи с соответствующими эпизодами того же Ветхого Завета!..

И почему, собственно, за преданиями лишь одного региона целой планеты признавать "некоторую историчность"?.. Почему такая дискриминация?.. Почему бы мифам и других народов не содержать в себе хоть какую-то часть не только фантазий, но и достоверных данных?..

Автор как-то решил это проверить…

Началось все с "самого простого", - с мифа о Потопе. Здесь была самая широкая база, поскольку уже много исследователей обращались к этой теме, и благодаря им не было необходимости проводить глобальный поиск данных для анализа.

Подробно результаты этого анализа изложены в статье автора "Миф о Потопе: расчеты и реальность", и желающие всегда могут не только ознакомиться с его деталями, но и проверить расчеты. Здесь же мы лишь вкратце остановимся на некоторых выводах (не только самого автора, но и других исследователей).

Первое. Мифология разных народов о некоем древнем катаклизме оказывается чрезвычайно

согласованной между собой. При этом мифы об этом катаклизме насчитывают как минимум несколько десятков абсолютно независимых друг от друга источников!..

Второе. На базе данных мифологии вполне удается детально восстановить катастрофические события, вызванные (возможно) падением на Землю крупного метеорита приблизительно 12,5 тысяч лет назад.

Третье. Данные мифологии находят подтверждения в археологии. При этом география археологических находок, подтверждающих данные мифов, также охватывает все регионы земной поверхности.

Четвертое. Данные мифологии также находят подтверждение в климатологии, геологии и астрономии.

Пятое. Согласованная общая картина, отображенная в мифах разных народов, заставляет отнестись к ней как к совокупным "показаниям очевидцев", оказавшихся в столь отдаленное от нас время свидетелями катастрофических событий планетарного масштаба.

В целом: мифы о Потопе оказываются не столько фантастикой, сколько своеобразной стилизованной летописью вполне реальных событий!..

Естественно, что после этого возникает желание проверить на правдивость и другие мифы. И хотя здесь уже приходится основательно потрудиться в поиске информации и ее анализе, а результаты выглядят не столь уж неоспоримыми, однако и для других "показаний" мифологии удается найти согласование с современными научными данными.

Так, по эпизоду эпохального перехода человечества от охоты и собирательства к земледелию оказывается возможным на базе сведений мифологии сформулировать версию, кардинально отличающуюся от общепринятой, но гораздо лучше согласующуюся с данными этнографических, археологических, лингвистических и ботанико-генетических исследований. Подробней - см. статью автора "Наследие пьяных богов" ("Битва за урожай: кому и зачем она понадобилась?..").

Другая статья автора - "Ждет ли Землю судьба Фаэтона?.." - посвящена "проверке на правдивость" таких экзотических показаний зороастрийской и индо-тибетской мифологии как существенное изменение размеров нашей планеты в прошлом. Здесь уже данные мифологии (!!!) позволяют не просто реанимировать, а значительно продвинуть вперед (!!!) одну из геологических теорий - теорию расширения Земли. При этом взаимоувязываются геология, геохимия, палеоклиматология, археология, тектоника, палеомагнитные данные и… мифология!..

Наверняка, некоторые читатели отнесутся скептически к столь сильной уверенности автора в правоте его позиции и выдвигаемых в упомянутых статьях версий и гипотез. Однако факт остается фактом: за 1,5-2 года, прошедших с момента публикации статей в Интернете, автор не получил ни одного (!!!) сообщения с опровержением каких-либо использованным им данных и проведенных расчетов. И хотя со статьями знакомились самые разные специалисты, от них не получено ни одной (!!!) претензии к корректности анализа или его логики.

Из всего этого неизбежно следует вывод: к древним мифам, легендам и преданиям нельзя относиться лишь как к фантазии и чистой выдумке.

Из сообщений средств массовой информации в мае 2002 года, поступивших уже в процессе подготовки данной статьи:

Научная экспедиция исследователей-подводников обнаружила руины древнего большого города на дне океана вблизи юго-восточного побережья Индии в прибрежной полосе города Махабалипурам. Поиск города, который, как говорится в преданиях, ушел под воду несколько тысяч лет назад, был организован английским обществом научных исследований и индийским Национальным институтом океанографии.

Эта экспедиция была организована по инициативе и при непосредственном участии известного адепта "альтернативной истории" Г.Хэнкока, автора знаменитого бестселлера "Следы богов", а также вышедшей в феврале этого года новой книги "Подводный мир". Именно Хэнкок, слывущий "занозой в заднице" у историков и постоянно разыскивающий следы древних великих цивилизаций, собрал воедино старинные легенды и свидетельства местных рыбаков, привлек к исследованиям опытных английских аквалангистов и свел их с индийским Институтом океанографии. В результате же в официальном пресс-релизе института, сообщающем о важной находке, заслуги Хэнкока не упоминаются ни словом.

Находка хорошо согласуется с древними местными легендами, повествующими о великом городе с семью храмами, столь прекрасными, что ревнивые боги наслали наводнение, дабы их поглотить.

Первичный осмотр нескольких зон древнего поселения не дал исследователям бесспорных свидетельств для точной датировки руин. Однако немного ранее - в январе 2002 г. - индийскими учеными было объявлено о находке на глубине сорока метров в заливе Хамбхат на северо-восточном побережье страны другого древнего поселения, для которого анализ фрагментов керамики, резного дерева и кости показал возраст не менее девяти тысяч лет.

Но как же тогда быть с теорией "мифологического сознания"?.. Ведь признание хотя бы частичной историчности мифов совершенно с ней не состыкуется, поскольку фантастичность древних мифов неявно является одним из базовых положений этой теории. И именно на объяснение истоков и устойчивости "фантазий" она и была направлена… Теперь же - почва уходит из под ног… Исчезает сам предмет "доказательства"…

Конечно, можно сделать шаг назад и признать некую долю историчности за всей мифологией в целом. Дескать, действительно, имели место некие события, которые находили отражение и в мифах, искусно вплетаясь в фантазии примитивных народов. Такая тактика и встречается в реальности…

Но усомнившись в одной основе, уже трудно остановиться. Особенно, если сомнения уже получили некоторые подтверждения… Так и тянет проверить на обоснованность другие базовые положения теории…

Начнем с Юнга…

Его вклад в развитие науки о человеческой психике, конечно, огромен. Идея передачи коллективного опыта человечества каждому индивиду в форме врожденных структур психики - архетипов коллективного бессознательного - оказалась очень плодотворной и вполне правомерно получила всеобщее признание. Однако нас в данном случае интересует не столько сама идея архетипов, сколько применение ее Юнгом к анализу мифологии. А вот здесь-то и обнаруживаются любопытные детали.

Во-первых, в своих работах Юнг анализирует архетипические образы, относящиеся к христианству и, самое раннее, - к древнегреческой мифологии. Более того, его анализ относится к т.н. "западному типу культуры". То есть используемый Юнгом эмпирический материал весьма ограничен по времени и пространству (о чем, впрочем, упоминает и он сам).

Однако когда речь идет о древней мифологии (и тем более о ее истоках) необходимо уходить

гораздо дальше вглубь истории (на десятки и даже сотни тысяч лет) и на более обширные пространства (на все континенты). Правомерен ли здесь будет прямой перенос выводов с очень ограниченного диапазона на гораздо более широкий?.. Очень сомнительно… Строго говоря, сама правомерность подобной экстраполяции требует отдельного доказательства, которого мы не встречаем не только у Юнга, но и у его последователей.

Во-вторых, в своих исследованиях Юнг применяет сложившийся к этому времени в психологии метод, а именно: для анализа психотипов пациентов используются мифологические персонажи. Конкретному психотипу ставится в соответствие некий персонаж древнегреческих мифов (гораздо реже - христианские образы). Так удобнее (!!!) психологам, которые используют данный прием до сих пор (например, есть метод психодиагностики и психотерапии на основе известных сказок). Точно так же, скажем, как археологам и геологам удобно применять географические названия для обозначения эпох, т.е. периодов времени.

Но ведь из традиции археологов и геологов ведь не следует, что в основе той или иной эпохи лежит географический фактор!.. Точно также из традиции (!) психологов вовсе не следует, что в основе используемых ими для анализа психики индивидов мифологических образов лежат свойства самой этой психики!.. Однако местами Юнг осуществляет именно такой перенос направленности причинно-следственных связей, что является обычным искажением реальности в процессе ее интерпретации…

В-третьих, Юнг применяет астрологические символы и ассоциации для анализа конкретных образов у самых разнообразных людей, опираясь на методологию астрологического символизма, с которыми даже в европейской традиции был знаком очень ограниченный круг людей. Применительны ли эти технологии к "простым" людям (с "лобовым" переносом узкого знания в архетипы)? Сомнительно… Это - то же, что анализировать детские каракули на основе формул теоретической физики…

В-четвертых, абсолютно все базовые положения Юнга о свойствах психики примитивного мышления носят сугубо аксиоматический характер. Все же выводы о якобы архетипичности древней мифологии делаются им на базе гипотетической модели, опирающейся на эти аксиомы.

В-пятых, Юнг переносит акцент анализа на коллективное бессознательное. Но ведь структура психики в области подсознания не ограничивается лишь коллективным бессознательным, а включает и мощнейший пласт индивидуального бессознательного, формирующегося уже при жизни индивида под сильнейшим влиянием окружающей культуры (подробнее - см. трактат автора "Основы физики духа"). Хотя Юнг и упоминает влияние культуры на ту конкретную форму образов, которые возникают на базе архетипов коллективного бессознательного, но делает это исключительно при анализе конкретных своих пациентов, почему-то абсолютно (!) игнорируя подобное влияние культуры при анализе примитивного сознания.

Возьмем для примера следующую цитату:

"Мифология предлагает много вариаций материнского архетипа, например мать, которая становится служанкой, в мифе о Деметре и Коре, или мать, которая одновременно возлюбленная, в мифе о Кибеле и Аттисе. Другие символы матери в переносном смысле проявляются в образах, обозначающих цель стремления к спасению, таких, как рай, Царство Божие и Небесный Иерусалим. Многие вещи, которые окружены поклонением или благоговением, такие, как церковь, университет, город или страна, небеса, земля, леса, моря и вообще всякая вода, материя и даже подземный мир или Луна, могут быть материнскими символами. Этот архетип часто ассоциируется с вещами и понятиями, обозначающими плодородие и плодовитость: рог изобилия, вспаханное поле или сад. Он может быть связан со скалой, пещерой, деревом, источником, глубоким колодцем, с различными сосудами, такими, как крестильная купель, или сосудообразными цветами, такими, как роза или лотос.

Из-за защитной функции магический круг, или мандала, также может быть формой материнского архетипа. С этим архетипом ассоциируются полые предметы, такие, как печь или сосуд, и, конечно, чрево, йони и все похожее на это или имеющее аналогичную форму" (К.-Г.Юнг, "Четыре архетипа").

Здесь хорошо видно, насколько далеко может заходить ассоциативный ряд и насколько малозаметной может быть ассоциативная связь. Но что более важно: Юнг здесь, фактически, показывает влияние на конкретный образ культурного окружения человека, общепринятых религиозных традиций, популярных мифов и т.п., но сам проходит мимо этого вывода!..

Приведенные в цитате данные на самом деле можно интерпретировать совершенно противоположным теории образом. Мы имеем, скорее, не предопределенность мифов архетипами, а наоборот: влияние господствующей "мифологии" (как части культуры) на конкретную форму проявления самых общих архетипов, которые в истоках своих не имеют ничего общего с мифологией как таковой, так как архетип матери, неизбежно, формируется еще на "животной" стадии, когда о мифологии вообще не может быть и речи.

Передача багажа истории испокон веков передавалась с помощью мифов, роль которых в культуре громадна (при этом мифы воспринимались древними как истинные события прошлого и несли именно такую общественную функцию - сохранение важных исторических событий в коллективной памяти). Следовательно, скорее мифы формировали архетипы (коллективное наследие), чем наоборот !!!

Еще более наглядны огрехи подхода Юнга в следующей его цитате:

"Проявление архетипов у детей весьма знаменательно, поскольку можно быть вполне уверенным, что ребенок не имеет прямого доступа к культурной традиции" (К.-Г.Юнг, "Подход к бессознательному").

А как же быть с "косвенным доступом"?.. Если мы массу поступающей информации транслируем прямо в подсознание (что доказано психологами и является свойством нашей психики), при этом постоянно находясь в некоей культурной среде, то куда же мы от этой среды денемся!.. А у детей это проявляется еще сильнее, ведь их сознание еще в стадии формирования…

Более того, мифологические образы входят в психику ребенка уже в самом раннем возрасте, когда мы их "пичкаем" сказками. И в этом есть рациональное зерно, ведь усваиваемое на подсознательном уровне в раннем возрасте надежнее закрепляется в психике. Данный способ максимально эффективен для передачи и сохранения ценной информации преданий, т.е. исторического наследия (начальная задача мифологии); и для развития фантазии ребенка, его творческих способностей (уровень нынешних задач)…

Вполне естественно, что при ошибочности самого подхода к исследованию примитивного сознания Юнг получает и выводы, которые просто противоречат фактам.

"Восприятие объектов у примитивных людей обусловлено лишь частично объективным состоянием вещей, а по большей части - внутренними психическими фактами, отношение которых к внешним объектам выражено только с помощью проекции. Это происходит потому, что у первобытного человека еще нет жесткой дисциплины ума, известной нам как критическое знание. Мир для него является более или менее гибким явлением в русле потока его фантазии, где субъект и объект не разделены и не находятся в отношениях взаимопроникновения" (К.-Г.Юнг, "Четыре архетипа").

Этот механизм никуда не делся. Мы точно также воспринимаем окружающую реальность. И также на наше восприятие объективной реальности оказывают влияние внутренние психические процессы. Различие состоит прежде всего в изменившейся и расширившейся

базе знаний, определяющих сравнительные шаблоны и стереотипы в современной психике, да в усилившейся способности вводить в эти сравнительные шаблоны и стереотипы более абстрактные образы. Следуя обычной логике, здесь мы должны получить как раз обратную картину: по мере развития способности к абстрагированию, к фантазии; по мере развития "мифологии" (в самом широком смысле этого слова), "мифологизация" нашей жизни должна приобретать все более широкое значение. Таким образом, "примитивный" человек ближе (а не дальше) к реальной "сути" окружающих объектов; в то время как современному человеку для познания этой "сути" (пусть и более детального и более достоверного познания) приходится продираться через нагромождение современных теорий, стереотипов, ассоциативных связей и других "мифов". И ведь факт сильнейшей "мифологизации" современного общества действительно подтверждается новейшими исследованиями психологов…

"Поначалу человек совсем не располагал холодным рассудком, ему не помогали наука и философия, а его традиционные религиозные учения для такой цели пригодны лишь весьма ограниченно. Он запутан и смущен бесконечностью своих переживаний, суждения со всеми их категориями оказываются тут бессильными. Человеческие объяснения отказываются служить, так как переживания возникают по поводу столь бурных жизненных ситуаций, что к ним не подходят никакие истолкования. Это момент крушения, момент погружения к последним глубинам" (К.-Г.Юнг, "Об архетипах коллективного бессознательного").

А с чего, собственно, сделан вывод, что "дикарь" испытывает при этом какие-то "неудобства"?.. Почему все доведено до уровня жизненно важной проблемы и безмерно трагедизировано?.. Наоборот, дикарь не чувствует себя в чем-то ущемленным, - для него "все просто"!.. И для всего у него есть свое объяснение… Это вполне подтверждается исследователями, которые отмечают стремление "дикаря" уходить от проблемы и не замечать "неудобств"…

И еще одна показательная цитата Юнга как раз по архетипам:

"Хотя четверица является древним, предположительно, доисторическим символом, всегда ассоциировавшимся с идеей миросозидающего божества, она, тем не менее, редко осознается в этом качестве теми современными людьми, кому явлен ее образ. Меня всегда интересовало, как станут ее истолковывать люди, представленные собственным оценкам и слабо осведомленные в истории символа. Поэтому я старался не вмешиваться со своими мнениями и, как правило, обнаруживал, что люди видели в четверице символ самих себя или чего-то иного в них самих…

Применение сравнительного метода показывает, что четверица является более или менее непосредственным образом Бога, проявляющего себя в творениях. Мы можем, поэтому, сделать вывод, что спонтанно воспроизводимая в сновидениях людей четверица означает то же самое - Бога внутри. Несмотря на то, что в большинстве случаев люди не осознают этой аналогии, интерпретация может быть, тем не менее, истинной…

Было бы ошибкой расценивать мои наблюдения как попытку доказательства бытия Бога. Эти наблюдения доказывают только существование архетипического образа Божества - с точки зрения психологии мы больше ничего не можем утверждать о Боге. Но поскольку этот архетип принадлежит к очень важным и влиятельным, его сравнительно частое появление представляет собой немаловажный фактор для любой theologia naturalis [естественной теологии]. Так как нередко опыт этих явлений в высшей степени нуминозен, то он относится к религиозному опыту" (К.-Г.Юнг, "Психология и религия").

Здесь мы имеем совершенно шикарный пример переноса собственных (астролого-религиозных) воззрений Юнга на результаты исследований без всяких на то оснований! А ведь это используется как "доказательство" архетипичности идеи Бога, на что в

дальнейшем опирается и теория о "мифологическом сознании"!!! Через "четверицу", анализируемую с позиций вполне определенных догматов… Так можно "доказать" все, что угодно!!!

А на взгляд атеиста: странно было бы в культуре, живущей в прямоугольных помещениях, ориентирующейся по четырем сторонам света, делящей сутки на четыре части, а год - на четыре сезона, не встретить числа 4!!! Но при чем здесь будет некая "божественность четверицы"?!. В основе же четверки, используемой с древнейших времен в году и в ориентации по сторонам света нет необходимости искать что-то "божественное" с аналогичным архетипом. Год имеет ярко выраженные четыре сезона (деление по ним года не нуждается в каком-то искусственном или божественном вмешательстве). А четыре стороны света определяются необходимостью ориентации на плоскости (поверхности сферы): две координаты (оси) с двумя направлениями от точки отсчета (наблюдателя)…

Подобных цитат у Юнга можно найти много, но, думаю, уже хватит…

Если же говорить в целом об идее архетипичности мифов, то она входит в противоречие с самими принципами работы подсознания, которое никогда не оперирует точными значениями и деталями. Тот же миф о Потопе обладает массой подробностей, которые просто не могли быть порождены подсознанием (а тем более так сильно коррелировать у разных народов)…

Может возникнуть вопрос, почему же столь великий исследователь допустил массу ошибок?.. Любопытно, что в работах Юнга легко можно найти ответ:

"…я провожу принципиальное различие между тем, что было произведено и присвоено моими собственными сознательными усилиями, и тем, что ясно и безоговорочно является продуктом бессознательного ума. Кто-то захочет возразить, что бессознательный ум все же принадлежит мне, а потому такое различение излишне. Но я не могу сказать с уверенностью, является ли бессознательный ум - моим, так как понятие "бессознательное" предполагает, что я даже не осознаю его наличия" (К.-Г.Юнг, "Психология и религия").

Здесь прослеживаются истоки подхода Юнга - в его собственных проблемах. Сомневаясь в принадлежности ему самому его же подсознания, Юнг: во-первых, развивает идею пагубности для современных людей некоего "конфликта" между сознанием и подсознанием; а во-вторых, идею "божественной природы" коллективного бессознательного. Классический пример психологического переноса собственных проблем на воспринимаемую реальность; прямого переноса субъективных установок исследователя на исследуемый объект!..

Наблюдение мимоходом:

Вводя в качестве аксиомы положение о том, что примитивный человек испытывал ужас при проявлении своего бессознательного, Юнг постоянно ведет речь о необходимости некоей "защиты" от проявлений бессознательного даже и для современного человека. И приходит к выводу, что именно такой защиты ищет человек в религиозных догматах. Но догмат в этом случае на самом деле ведь представляет вариант защиты страуса с помощью засовывания головы в песок. А не лучше ли идти по пути Крошки Енота из известного мультфильма: не защищаться, а подружиться!?. Не воспринимать как врага или "бога", а просто прислушаться?.. Что, собственно, и делали "дикари". Ведь взаимодействие с "духами" - как раз "попытка подружиться" с ними… Каким образом и когда она трансформировалась в необходимость одностороннего подчинения?.. Вопрос далеко не праздный!.. Ведь развитие сознания как раз требует вовсе не подчинения бессознательному, а сотрудничества с ним.

Почему же Юнг не увидел довольно тривиальных выводов, которые можно сделать, лишь бегло взглянув на реальный эмпирический материал - этнографические исследования?..

Думается, ответ в том, что он всецело положился на выводы другого основоположника теории "мифологического сознания" - Леви-Брюля, критически подойти к которым Юнгу помешали собственные установки…

Результаты Леви-Брюля уже неоднократно подвергались (подчас резкой) критике, но кое-что из его выводов мы далее все-таки рассмотрим…

"Леви-Брюль исходил из понимания первобытного мышления как качественно отличного от мышления современного человека. Первобытное мышление дологично, логические законы, абстрактные категории ему не свойственны; мир воспринимается в нем через призму так называемого закона мистического сопричастия (партиципации) - отождествления явлений, несовместимых с точки зрения логики и здравого смысла. Предмет может быть самим собой и в то же время чем-то иным, находиться здесь и одновременно в другом месте. В силу закона сопричастия все в мире - люди, реальные и вымышленные предметы и существа - представляется мистически взаимосвязанным. Ведущее место в построениях Леви-Брюля занимает концепция коллективного сознания, навязывающего себя сознанию индивидуальному, детерминирующего его - концепция, выдвинутая Дюркгеймом и его школой. Чтобы понять первобытные верования, нельзя исходить из индивидуальной психики, как делалось прежде; они - явление социальное и представляют собою часть общественного сознания, имеющего свои собственные законы. Подобно Дюркгейму и Моссу, Леви-Брюль считает, что в первобытном обществе коллективные представления доминируют; на более поздних стадиях исторического развития они не исчезают полностью, но здесь их удельный вес значительно меньше. Первобытные коллективные представления включают эмоции и волевые акты, реальность в них мистически окрашена…" (В.Кабо, "Происхождение религии: история проблемы").

"К концу жизни Леви-Брюль пересмотрел многие свои прежние взгляды, пытаясь в особенности смягчить противопоставление первобытного и современного мышления. И действительно, их нельзя противополагать как принципиально различные системы мышления: меняется не столько человеческое мышление, сколько мир, с которым оно имеет дело на разных этапах исторического развития, само же оно в основе своей едино [выделено мной - А.С.]. Логические законы мышления во всех известных человеческих обществах одинаковы, - утверждал теперь Леви-Брюль. Однако он по-прежнему считал, что первобытному мышлению свойственна мистическая ориентация, что здесь сохраняют свое значение и "аффективная категория сверхъестественного", и явление партиципации. Сопричастие Леви-Брюль всегда рассматривал как фундаментальное свойство первобытного мышления. Оно стало в его построениях ключевым понятием, с помощью которого только и можно объяснить первобытные коллективные представления" (там же).

Мы не будем подробно анализировать тексты Леви-Брюля, тем более, что это за нас сделали уже другие. Отметим, что желающий также может это сделать и убедиться, что единственной характеристикой, которой отличается первобытное мышление от мышления современного человека, согласно Леви-Брюлю, оказывается его т.н. "мистичность". Но что подразумевать под "мистичностью"?..

Обычно мы вкладываем в этот термин либо смысл "вера в сверхъестественное", либо (в более расширенной трактовке) "вера в реальность иллюзий".

Если подходить с позиций расширенной трактовки, то получится: древняя мифология порождена примитивным мышлением потому, что оно обладает свойством веры в иллюзию (читай - мифы). Отлично!.. Нечего сказать: масло оттого масляное, что облает свойством маслянистости…

Если же вернуться к более узкой и более конкретной трактовке термина "мистичность" как вере в сверхъестественное, то и тут не все гладко. Во-первых, Леви-Брюль никак не

объясняет и не обосновывает, почему первобытному мышлению он приписывает свойство веры в сверхъестественное (придавая ему при этом статус отличительного свойства!). Данное положение он просто вводит в качестве аксиомы!.. Во-вторых, и в современном обществе отнюдь не мало людей, чье мышление обладает той же верой в сверхъестественное, т.е. и это свойство перестает быть отличительной чертой примитивного мышления. А в-третьих, в трактате автора "Основы физики духа" показывается, что многое из ранее трактовавшегося как "сверхъестественное" на самом деле имеет вполне естественное объяснение и подчиняется вполне "естественным" законам.

Тут мы подходим опять-таки к качественно иному вопросу: а почему, собственно, считается, что первобытное мышление "мистично"?.. Почему, собственно, считается, что весь образ жизни первобытного человека буквально пронизан верой в сверхъестественное и соответственно подчинен ранним формам религии?..

Возьмем, скажем, такой "классический" пример.

"Наиболее известным примером… является культ медведя неандертальцев. Первые находки были сделаны в швейцарских Альпах на высоте 2400 м, в так называемой Драконьей дыре. У входа в эту пещеру было сложено из камней некоторое подобие подушки со стороной около одного метра. Сверху лежала массивная каменная плита. Под ней находилось несколько медвежьих черепов, повернутых в сторону входа. В глубине пещеры были обнаружены многочисленные медвежьи черепа в той же ориентации. У одного из них в отверстие над сулой была вставлена ножная кость. Объектом этого ритуала был пещерный медведь…" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

А ведь все может быть намного проще и без всяких "ритуалов" и "культов": черепа служили для устрашения хищников и предотвращения их проникновения в пещеру. При этом используется вполне естественная и известная нам реакция животных - вид мертвых сородичей порождает чувство опасности… Эта реакция и сейчас еще иногда используется, когда для отпугивания ворон на огороде выставляют на шесте несколько подстреленных птиц.

Опять в приведенной цитате мы сталкиваемся с примером переноса субъективных оценок и установок исследователей на объект исследования, в результате чего первоначальная информация искажается до неузнаваемости!..

"…неандертальцы хоронили своих умерших или погибших собратьев. Эти погребения содержат дополнительные, весьма различные объекты, которые могут служить указанием на то, какую роль играл мертвый при жизни. В пещере Ла-Шапель-о-Сен найдено погребение мужчины, на грудь которого положена нога бизона. Тут же находилось множество раздробленных костей зверей и кремневые орудия - забота об охотнике или запасы для будущей жизни в невидимом "потустороннем" мире. Его потребности "там" определялись по аналогии с потребностями "здесь". Раскопки у горы Кармель в Палестине подтверждают это толкование. Нет никаких сомнений в том, что погребения неандертальцев сопровождались какими-то церемониями и ритуалами, о содержании которых мы, правда, ничего конкретного сказать не можем. При этом могли наблюдаться значительные региональные различия. Некоторые косвенные данные говорят о том, что широкое распространение имели колдовские обряды, связанные с охотой" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

Однако почему, собственно, исследователи сразу трактуют такие находки в качестве неких "свидетельств магических обрядов и представлений"?..

А почему бы это не воспринимать совершенно по другому?.. Жизнь в условиях социума (общины) требует соблюдения определенных правил. В том числе и правила соблюдения запрета, скажем, на чужое имущество (каково бы мало и незначительно оно не было в нашем

представлении). Погибший на охоте член общины "забирал с собой" не только свою долю добычи, в процессе охоты на которую он, возможно, и погиб, но и свои (!) орудия. Подобная "незыблемость прав собственности", очевидно, могла быть весьма эффективным средством предотвращения междоусобиц в общине (племени), а следовательно, и повышения устойчивости и выживания социума.

Поэтому, даже оставляя в стороне вопрос о действительности возможности продолжения существования души человека после физической смерти (см. трактат "Основы физики духа"), мы вполне можем обойтись без привлечения версии о "магических" представлениях наших давних предков.

Тот же Кликс пишет следующее:

"Некоторые непонятные рисунки, например сцена из пещеры Ласко, где бизон с выпущенными кишками, нагнув рога, наступает на полулежащего человека с головой птицы, могут быть, по-видимому, связаны с обрядами инициации или подготовки выступления на охоту" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

Но ведь может быть и проще: охотник маскировался под птицу… И такие примеры хорошо известны исследователям примитивных народов, у которых далеко не редко используется данный прием для повышения эффективности охоты. Однако причем здесь "магия"?..

Вполне понятно удивление европейцев, столкнувшихся с абсолютно непонятными им целыми комплексами разнообразных действий т.н. примитивных народов, связанных с охотой. Тщательнейшая подготовка оружия, раскрашивание собственных тел охотниками, коллективные песни и какие-то согласованные телодвижения, имитирующие охоту… Чем не "заколдовывание" будущей жертвы или задабривание души убитого животного?..

Но разве это - единственный вариант трактовки?..

Коллективная охота требует взаимной координации (!) действий, а максимальной эффективности этой координации можно добиться лишь при предварительном (!) согласовании действий участниками охоты. Схематично-символическое изображение самого процесса охоты, воспроизведение или имитация участниками охоты своих действий, очевидно, является наиболее эффективным способом как предварительного согласования стратегии и тактики непосредственно планируемого акта охоты, так и "наглядным пособием" для обучения подрастающего молодняка.

Аналогичным целям вполне могут служить "охотничьи ритуалы" не до, а после охоты. Только здесь может осуществляться планирование будущих действий на более отдаленное будущее, да производиться дополнительно "разбор полетов" по только что завершенной охоте (что также необходимо для повышения эффективности охоты в будущем).

Ну, и причем здесь "магия"?..

Есть в этих ритуалах и еще один момент, отмечаемый современными этнографическими исследованиями. Скажем, перед боем с соседним племенем в процессе имитации предстоящего боя воины-мужчины заранее достигают того эмоционального состояния, которое позволяет максимально эффективно провести будущие боевые действия. Выслеживание "невидимого врага", его преследование и мнимое убийство оказываются не "заколдовыванием" врага, а средством достижения того психологического состояния, которое является целью всей патриотико-воспитательной системы в современной армии. Причем, средством весьма эффективным, вследствие хорошо известной психологам взаимосвязи моторной (т.е. двигательной - в упрощенном понимании) деятельности с эмоционально-психологическим состоянием.

Опять же: почему подобные действия трактовать именно как "магические"?..

Постепенно вырисовывается ответ: потому что так видели (!) исследователи. А точнее: потому что так хотели (!!!) видеть…

Мы здесь имеем дело с прямым переносом субъективных установок исследователя на трактовку исследуемых феноменов. Переносом, не имеющим никакой объективной обоснованности!.. В основе же этой методологической ошибки при анализе эмпирических данных лежит сильное отличие видимых (!) проявлений жизни примитивного общества от видимых проявлений жизни общества современного. Это же видимое отличие возникает из-за сильнейшего различия культур этих обществ; различия, которое подавляющее большинство исследователей в лучшем случае лишь отмечает, но не учитывает!.. А ведь именно учет культурных отличий может кардинально изменить трактовку известных "атрибутов" примитивного общества.

Немного поясним эту мысль…

При описании и анализе примитивных обществ исследователи большое внимание уделяют таким их атрибутам, как обряды инициации, табу, тотемы, шаманизм и пр.

Европейских исследователей в обрядах инициации поражали в первую очередь внешние черты обрядов: их торжественность, значимость, красочность, иногда - жестокость… Но заглянем под внешнюю оболочку.

Суть обрядов инициации сводится к переходу члена общины из одной социальной группы внутри общины в другую. Не важно, связано ли это сугубо с физиологическими изменениями вследствие достижения половой зрелости или с получением каких-то навыков и знаний. Важно другое: меняется социальная роль индивида в общине, а следовательно, и изменяются правила его взаимодействия с другими членами общины.

Но человек - в очень немалой степени существо социальное. Поэтому за словами "он становится другим человеком" (после обряда инициации) обнаруживается не только "чистая символика", но и вполне реальная основа. Он действительно становится другим (!) человеком.

Обряд же инициации в данном случае выполняет сразу несколько важнейших функций. Во-первых, он фиксирует для других членов общины изменение статуса инициируемого. А во-вторых, помогает самому инициируемому психологически адаптироваться к новой социальной роли. "Старый" человек "умер" - "родился новый"…

Разве не к этому сводятся современные "обряды инициации": выпускной бал; вручение паспорта, аттестата или диплома; посвящение в студенты; прием в партию; торжества инаугурации при вступлении на высокий государственный пост?.. Но разве видим мы в них "мистику"?.. Знание культурных традиций нашего общества освобождает нас от такой трактовки. И почему бы не посмотреть с тех же позиций (только с корректировкой на соответствующую культурную традицию) на обряды инициации примитивных народов?..

С системой табуирования дело обстоит гораздо проще. Здесь исследователям не составило труда увидеть за ней систему, регулирующую правила поведения индивидов в социуме. Версия "мистичности сознания" примитивных народов возникает здесь лишь вследствие того, что в попытке объяснить происхождение (или смысл) тех или иных табу "дикарь" использует версию, недоступную аналитической логике исследователя и известным этому исследователю причинно-следственным связям.

Но разве мало в современном обществе правил, норм и законов, причины которых невозможно или трудно объяснить?..

Много ли людей сможет объяснить, почему определенная часть обыденного языка запрещена к употреблению в обществе (речь идет о т.н. "ненормативной лексике")?.. Или почему на официальные приемы нельзя одевать ничего, кроме смокинга или строгого костюма, и обязательно иметь галстук или бабочку?.. Так принято?.. Но почему!?. Что значит "принято"?..

Готов биться об заклад, что в рассуждениях большинства на эти темы сведущий специалист (если он вообще найдется) легко обнаружит такую массу ошибочно выстроенных причинно-следственных связей, которую при других условиях исследователь примитивных народов автоматически спишет на "мистичность" представлений. Но будет ли иметь место в реальности эта "мистичность"?..

Тотем относится к "классическому" атрибуту "мистико-мифологического" мышления… Как же!.. Тут и сопричастность (партиципация, по Леви-Брюлю) тотема определенной местности и даже каждому члену племени… Тут и "одушевление" животного-тотема, а то и "одушевление" неодушевленного предмета (идола, например)…

Но посмотрим на эту "явную мистичность" несколько под другим углом…

Попробуй, уважаемый читатель, определить для себя содержание термина "родина"… Разве не обнаружится в сути "родины" связи с определенным географическим регионом и с определенным кругом других людей?.. Но будет ли такая взаимосвязь и целостность (подчас очень трудно уловимая и еще более трудно формулируемая) полной абстракцией, выдумкой или мистикой?.. Пожалуй, почти любой возмутится подобной трактовкой и будет прав!

За термином "родина" можно найти вполне естественную и реально существующий феномен, который соотносится с неким кругом людей, связанных массой территориальных, культурных и иногда даже кровно-родственных связей в единое целое, в единую систему. Систему дуальную, обладающую как материальными, так и духовно-нематериальными связями. Но ведь и духовно-нематериальные связи вовсе не "мистичны", а подчиняются вполне естественным законам (см. трактат автора "Основы физики духа").

Ровно точно также и тотем соотносится с некоей дуальной системой - племенем (родом, общиной). Он является воплощением этой системы со всей совокупностью ее связей, является ее своеобразным символом.

Как ребенок в игре использует какие-то предметы для символического (!) изображения объектов, недоступных в конкретный момент времени, но реально существующих (!); так и примитивный человек видит в тотеме воплощение своего социума. (Впрочем, и вполне взрослые люди в современном обществе, носят государственные флаги на митинги и рисуют национальные гербы…)

Если же мы учтем, что социум, как единая система, обладает вполне определенными духовно-нематериальными свойствами, то мы вправе использовать в отношении к нему термин "коллективное сознание". Тогда примитивный человек пусть и переоценивает способности коллективного сознания своего социума, приписывая тотему свойства разумного поведения, но все-таки и в этом отражает вполне объективную реальность!..

Аналогичным образом дело обстоит и с т.н. анимизмом - "одушевлением" животных и растений.

"…характерные особенности архаического мышления. Первое его свойство - высокая степень слияния индивида с окружающей его природой. Непосредственная и постоянная конфронтация с силами физического мира и биологического окружения, масштабы которых превышают возможности воображения отдельного человека, создает очень эмоциональное и в конечном счете глубоко личное отношение к этим силам. Наиболее яркое выражение это

находит в анимистическом мышлении, которое населяет природу божествами, демонами и духами. Действие природных сил приписывается фантастическим причинам. В соответствии с мыслительными привычками эти причины вычленяются и входят в обиход как одушевленность вещей и явлений. Древнейшие сказки доносят из седой предыстории остатки этого мышления: животные говорят друг с другом как люди, гром и молния вызываются человекоподобным существом; болезни причиняются духами; мертвые и боги бредут невидимыми путями, сохраняя, однако, мысли, чувства, желания и надежды живых" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

Однако при более детальном анализе и здесь обнаруживается не больше "мистики", чем во всем другом.

Если человек обладает активной духовно-нематериальной составляющей, - душой, то и животным, и растениям мы не в праве отказывать в существовании духовно-нематериальной составляющей (пусть и менее развитой). Что, впрочем, вполне подтверждается на эмпирическом уровне… Сознание (в расширенном понимании этого термина) не появляется вдруг и сразу. В определенном смысле и животное обладает сознанием (не путать с самосознанием!), и растение (хотя здесь автор предпочитает термин "предсознание"). Подробнее - см. трактат "Основы физики духа"…

Таким образом, базовое положение анимизма имеет под собой вполне реальную основу!..

Но и "подробности" анимизма вовсе не столь уж "мистичны". Возьмем, например, способность животных "разговаривать". Только учтем, что в самом широком смысле слова термин "разговаривать" подразумевает не только обмен звуковыми сигналами, а включает весь комплекс способов передачи информации от одного объекта другому. Тогда (с этих позиций) окажется, что с животными вполне можно "разговаривать", если понимать их "язык" (и даже кавычки здесь автор использует, более отдавая дань традиции, чем стремясь отразить суть). Это достаточно хорошо известно не только биологам-натуралистам. Пожалуй, любой грамотный "собачник" уверен, что способен разговаривать со своей собакой в полном смысле слова.

Из сообщений сети Интернет (май 2002 г.):

Прошлым летом японская компания Takara объявила о своем намерении наладить одностороннее общение между человеком и собакой - с помощью переносного переводчика Bowlingual. На прошлой неделе японцы показали готовое устройство на выставке игрушек в Токио. Как ни смешно, оно и в самом деле работает.

С виду Bowlingual напоминает тамагочи: яйцеобразный корпус с кнопками и экранчиком. К корпусу цепляется микрофон, который крепится на ошейнике собаки. Как только пес что-нибудь произносит, переводчик обрабатывает звук с помощью "системы анализа эмоций животных" и относит фразу к одной из шести категорий. Категории соответствуют шести эмоциям - разочарованию, желанию, печали, радости и т.п. Для каждой из них в машинке предусмотрен набор стандартных фраз - например, "отстань", или "иди отсюда", или "сейчас укушу". Одна из этих фраз высвечивается на дисплее в сопровождении стилизованной собачьей физиономии.

Кроме перевода, Bowlingual умеет просто определять эмоциональное состояние собаки и переводить его в баллы. Приборчик может оценить степень довольства животного по пятибальной шкале, и его отношение к другой собаке - по стобалльной. Специальный режим, который остроумно называется Bow Wow Diary, позволяет собирать данные о состоянии собаки в отсутствие владельца, и потом строить соответствующий график.

Сейчас Takara и INDEX Corporation работают над системой Bowlingual Mail, которая будет отправлять владельцам собак сообщения по электронной почте.

Поскольку же древний человек "ближе к природе" (т.е. к тому же животному состоянию), то и представить себе возможность общения, и общаться с животными на их языке ему даже проще, чем современному. И исследователей-этнографов неоднократно поражала эффективность примитивных охотников, изучивших "язык" животных и использующих его в процессе выслеживания и охоты…

Более того, вполне можно общаться и с растениями. Довольно широко известный факт: комнатные растения растут лучше у того, кто их искренне любит, кто с ними ежедневно общается, - разговаривает в прямом смысле этого слова. И если нам до сих пор неизвестен механизм такого взаимодействия человека и растения, то это не значит, что мы сталкиваемся с "мистикой".

Вполне возможно, что пролить свет здесь нам помогут экспериментальные исследования, сообщения о которых недавно мелькнули в средствах массовой информации. В этих исследованиях измерялись параметры слабого электромагнитного излучения, испускаемого растениями. Так вот, в ходе экспериментов выяснилось, что при повреждениях растения это излучение резко возрастает: растение буквально "кричит от боли"…

Таким образом, научившись принимать подобные сигналы, т.е. "познав язык растений", вполне можно с ними общаться. А если учесть еще и вполне реальную возможность не только электромагнитного взаимодействия человека и растения (что уже давно не удивляет биологов), но и взаимодействия духовно-нематериального, то можно увидеть, что примитивный человек был не столь уж далек от объективной реальности в своей приверженности к "одушевлению" окружающей природы…

Наблюдение мимоходом:

В интересной работе "Архаические верования в свете межличностной коммуникации" ее автор Е.Новик весьма детально показывает, что первобытный человек общается с "одушевленным" миром на основе тех же принципов, что и с другими людьми. К сожалению, Е.Новик так и не перешагнул рамки теории "мифологического сознания": он приходит к выводу, что первобытный человек лишь переносил привычный ему способ коммуникации с соплеменниками на весь окружающий мир. От его внимания ускользнуло, что анализируемые им общие черты общения человека с человеком и общения примитивного человека с окружающим "одушевленным" миром применимы вообще ко всем живым системам и представляют из себя самые общие закономерности коммуникации как таковой. И если уже с этих позиций проанализировать приводимые Е.Новиком примеры, то можно довольно легко убедиться, что примитивные народы весьма умело использовали объективные законы коммуникации в своем общении, например, с животными…

Способности каждого человека сильно индивидуальны. Одному удается лучше одно, другому - другое. И вполне естественно, что более развитые способности отдельных индивидов к восприятию духовно-нематериального взаимодействия послужили основой формирования такого атрибута примитивного общества как институт шаманизма. Если сегодня т.н. "паранормальные способности" проявляет далеко не каждый, то нет основания полагать, что в древности дело обстояло абсолютно иначе.

Но вот, что примечательно. Приемы и методы в шаманизме при их анализе обнаруживают чрезвычайное сходство с известными приемами и методами современной медитативной практики, в которой при признании единства материального и духовно-нематериального миров в их первооснове также не обнаруживается ничего "мистического" (а лишь вполне

естественные законы, - см. трактат "Основы физики духа"). Подобное сходство технологии вряд ли было бы возможным, если бы мышление первобытного человека стремилось погрузиться в фантазии и мистику вместо познания окружающей объективной реальности.

(Отметим в скобках, что, на взгляд автора, первобытному человеку было даже проще достигнуть состояния, при котором проявляются т.н. "паранормальные" эффекты. Технология "ясновидения", "телепатии", медитации и т.п. требует некоторого "отключения сознания", активизации именно подсознания. У примитивного же человека самосознание еще слабо развито и "отключить" его гораздо проще…)

Учитывая скептицизм современного общества в отношении т.н. "паранормальных" явлений, не будем более подробно их анализировать и обратимся к той составляющей шаманизма, для которой используются термины "знахарство" и "целительство".

"Совсем иного рода примеры типичны для первых попыток борьбы с болезнями: использование пауков и белых червей для лечения бесплодия у ительменов; кашеобразно измельченных красных червей против ревматизма; измельченного клюва дятла, его крови, засушенных частей тела против зубной боли, золотухи, туберкулеза, а крови серой куропатки - против паховой грыжи и бородавок. У бурятов мясу медведя когда-то приписывалось 7, крови - 5, мозгу - 12, а шкуре - 2 различных целебных воздействия. Каждая из этих взаимосвязей получает обоснование в рамках определенного мифа. Но в основе таких мифов почти никогда не лежит какое-либо воспринимаемое сходство. Речь идет главным образом о символическом приписывании причины действию сил, находящихся за пределами мира явлений и недоступных восприятию" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

Но попробуем опять же взглянуть на данное явление с иной, отличной от "магической", точки зрения…

Первое. Современным медикам широко известен такой термин как "невротические причины болезни". Подобные недуги, вполне объективно проявляющиеся на физиологическом уровне, зачастую вылечиваются простыми психотерапевтическими методами: от доброго отношения врача к пациенту до использования специальных методик психотерапии. Врачам также широко знакомы случаи излечения некоторых больных простым глюконатом кальция (вполне нейтральным веществом), выписанным под видом "сильнодействующего новейшего лекарства". Что увидит в этих случаях специалист-медик?.. Обычное лечебное психотерапевтическое воздействие врача на больного (причем, действительно больного, а не простого симулянта!). А что увидит человек, не сведущий в медицине, столкнувшийся с аналогичными приемами в примитивном обществе?.. Конечно же, "магию"!..

Второе. Нам хорошо известно, что многие болезни вызываются вирусами и болезнетворными бактериями, попадающими в организм человека из окружающей среды через пищу и воду или воздушно-капельным путем. Также нам хорошо известно, что многие из этих болезней вылечиваются с помощью соответствующих лекарств, благодаря их фармакологическим свойствам. И чтобы правильно выбрать лекарство, нужно обратиться к врачу.

А теперь переведем эту фразу на другой язык, учитывая, что: бактерии и вирусы - некие живые существа, невидимые для человеческого глаза; фармакологические свойства - способность лекарства активно воздействовать на процессы внутри организма; а врач - человек, знающий болезни, способы их лечения и лекарства. Что мы получим?..

Болезни человека вызываются невидимыми существами ("злыми демонами"), обитающими в воздухе, воде, пище и вообще на всех окружающих предметах. Излечиться от болезней можно при помощи человека ("шамана" или "знахаря"), знающего как поведение этих "вредных" существ, так и способы воздействия на них, в том числе и посредством активного "полезного" воздействия на организм человека неких невидимых частиц, - молекул лекарства

("добрых духов"). Фраза звучит по другому, но суть-то отражена верно!..

Теперь подпустим к полученному "переводу" специалиста по примитивным народам, и ярлык "магического мышления" нам обеспечен!..

Конечно, наши таблетки и ампулы с лекарствами мало похожи на клюв дятла, кровь медведя, засушенную лягушку и прочее. Но где, скажите на милость, примитивному человеку брать лекарственные препараты в условиях отсутствия развитой фармацевтической промышленности?!.

Замечание мимоходом:

Примечательна в этом плане история, связанная с шумерской табличкой более чем четырехтысячелетней давности, найденной в Ниппуре экспедицией Пенсильванского университета. В этой табличке содержится описание болезней и рецептов приготовления лекарств из различных минералов, растений и даже животных. Ну чем не знахарское шарлатанство!.. Лишь когда к переводу этой таблички был привлечен специалист-химик, выяснилось, что она не только содержит правильное описание симптомов болезней. Оказалось, что получаемые на основе приведенных экзотических рецептов вещества обладают весьма эффективными фармакологическими свойствами!.. И никакой "магии"!..

В целом, практика показывает, что многие народные рецепты оказываются вполне работоспособными. Конечно, есть много и неправильных рецептов, но и в официальной медицине есть масса ошибок; а препараты то признаются панацеей от всех бед, то оказываются вредными (антибиотики во время беременности, избыток аспирина и т.д. и т.п.)

И наконец, стоит вспомнить и тот факт, что из долгое время отвергавшегося знахарства вышла и современная гомеопатия, в которой не оказалось ничего мистического…

В целом, даже скептики вынуждены признать:

"В многообразии обычаев, табу и предписаний можно установить весьма разные степени зависимости продуктов мышления от реальности. И все же наличие элементов реального познавательного процесса неоспоримо….пример: не употреблять в пищу то, что имеет горький или острый вкус. Конечно, далеко не все яды обладают такими свойствами. Но хотя обобщение произведено чересчур поспешно, несомненно, что в этих правилах отражены длительные наблюдения и практический опыт [выделено мной - А.С.] ряда поколений" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

"…сквозь все ошибочные истолкования, сквозь весь авантюризм и суеверия пробивается определенная мыслительная стратегия: нет ничего необъяснимого, все, что совершается в мире, имеет свою причину [выделено мной - А.С.]" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

А ведь это - стратегия, лежащая в основе научного познания!!!

"…за всей их мистической подоплекой многие этнологи, изучавшие особенности магического мышления, упустили из виду, что одновременно речь идет о процессах вывода, за которыми скрывается попытка установления отношения "если… то…" [выделено мной - А.С.]. Иными словами, было упущено из виду, что в магическом мышлении содержится предпосылка строгой каузальности" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

Думаю, что приведенных примеров вполне достаточно для вывода: чтобы перестать видеть за действиями первобытного человека следствия некоей "мистичности" или "мифологичности" мышления и обнаружить рациональную основу - стремление к познанию

объективного мира, - нужно анализировать эти действия не с позиций современных искусственных теоретических предвзятых умозаключений, а с тщательнейшим учетом культурных условий его социума!.. Без этого учета нельзя осуществить корректный "перевод" с одного языка на другой, современный!..

Признание рациональной основы и стремления к познанию объективного мира в первобытном мышлении позволяет закрыть еще одну немаловажную брешь: вернуть первобытное мышление в нормальную картину эволюционного развития, откуда его вырывает традиционный подход с позиций "мистичности".

Действительно, эволюция требует от живых организмов адекватной (!) оценки поступающей к ним информации. Тогда откуда могла появиться некая "тяга к фантазиям и мистике"?.. Почему у первобытного человека вдруг эволюция пошла вспять?..

Иногда "мистичность" мышления пытаются свалить на некую прямо-таки гипертрофированную эмоциональность слабо развитого сознания.

"К числу важнейших общественных и индивидуальных потребностей относится также мотив правильного прогнозирования будущего развития событий. Необходимость принимать решение в условиях неопределенности и неуверенности относительно возможного изменения ситуации сопровождается весьма неприятными эмоциональными переживаниями. Более того, такое решение с высокой степенью вероятности может оказаться ошибочным. Все это приводит к появлению рациональных и иррациональных стратегий определения будущего" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

Думается, что эмоциональный фактор сильно преувеличивается. Его, конечно, нельзя скидывать со счетов, но в конце концов, человек - продукт длительной эволюции, в которой подобные стрессы - обычное явление на протяжении всей жизни особи; поэтому человек уже на самой примитивной стадии должен быть привычен к ситуации выбора и поиска без каких-либо сильно-стрессовых потрясений.

Например, дети же не находятся в постоянном стрессе, подвергающем их жизнь опасности, хотя их сознание также слабо развито… Да и у животных, чье самосознание в лучшем случае находится в самом зачаточном состоянии, а подверженность аффективно-эмоциональному влиянию еще сильнее, что-то не прослеживается устремленности к "мистике"…

Более того, уже давно признано, что полное отсутствие стрессов способно в значительной мере негативно сказываться на здоровье человека и защитных функциях его психики и организма…

"Если поведенческие ответы адекватны свойствам объектов, то это означает, что восприятие может служить надежной информационной основой деятельности. Если же они неадекватны, то в эволюционной перспективе механизмы такого вводящего в заблуждение восприятия уменьшают шансы на выживание их носителя и подпадают под действие естественного отбора. Совершенно очевидно, что надежное распознавание релевантных, то есть существенных для стоящих перед индивидом целей, свойств окружения дает важные преимущества. Поэтому оно сохраняется и закрепляется в ходе эволюции [выделено мной - А.С.]. С этой точки зрения адекватное восприятие просто необходимо, так как оно является предпосылкой выживания" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

Но ведь устойчивость т.н. "магических" ритуалов и обрядов тоже к этому относится!.. Без постоянного подкрепления результатом, подобная устойчивость невозможна. Значит, эти ритуалы и обряды имели такой необходимый эффективный результат. Следовательно, имели и вполне определенную степень адекватности явлениям окружающего мира…

"…естественный диапазон вариации признаков специфицируется действием отбора в

определенных, соответствующих окружающим условиям направлениях: чем единообразнее тип окружения, тем более похожим оказывается, например, двигательный аппарат весьма различных видов животных" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

Если распространить этот принцип и на психику, то повсеместное распространение "магического мышления" у первобытных народов - реакция на объективную внешнюю среду, т.е. на духовно-нематериальный мир!!! А сходство "магических" приемов и обрядов - следствие общности свойств духовно-нематериального мира!..

"Имеется ряд сообщений о примитивных племенах, с позором изгонявших или даже убивавших колдунов, не добившихся успеха" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

Вот прямое подтверждение практической направленности магических обрядов, объективной необходимости в их возникновении, отражения в них объективной реальности и т.д. и т.п.!!!

И теперь мы можем вернуться к начальной теме - о древних мифах…

Эволюционно-обусловленное стремление к адекватному восприятию реальности невозможно без соответствующего адекватного (!) отображения этой реальности!!!

Рассмотрим сначала такой способ отображения, как живопись.

"Большая образность и тем самым иконическая полнота воспроизведения содержаний памяти, а также деятельности воображения является четвертым свойством архаического мышления. Реалистичность изображений в пещерах кроманьонцев имеет в данном случае познавательную основу [выделено мной - А.С.]" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

Речь идет не об "иллюзиях", а о детальном отображении реальности!!! Некая "иконическая полнота" - это субъективное восприятие исследователей и просто принятый термин, а не сущность.

При этом древние художники стремятся не просто изобразить объект сам по себе, но и передать действие (!), совершаемое данным объектом (или над данным объектом). Говоря другими словами, они стремятся к максимальной информативности изображения, которая, естественно, возрастает с развитием сознания.

Это вполне прослеживается в ранних обществах: от единичных "простых" сцен на стенах пещер изобразительное искусство постепенно переходит к целым "рассказам" в единой картинке. Такова живопись майя и инков, печати древнего Шумера, фрески Египта, росписи Древней Греции…

Но вот, что примечательно: параллельно с совершенствованием способов повышения информативности живописи совершенствуется и технология достижения адекватности (!) изображений.

Пожалуй, наиболее показательно в этом отношении искусство Древнего Египта, великолепное исследование которого провел Б.Раушенбах. С позиций математика и "технаря" он доказал полное сходство приемов и методов искусства Древнего Египта с современными чертежными методами!..

(Да простит меня читатель за длительное цитирование, но работа Раушенбаха этого вполне достойна и еще не слишком широко известна. Выделение в цитатах далее мое - А.С.)

"…один и тот же предмет можно изобразить двумя различными способами: на рисунке и на чертеже. Оба эти изображения будут правильными, но на одном будет показана геометрическая форма предмета в пространстве зрительного восприятия, а на другом - в объективном пространстве. Какое из двух изображений предпочесть, решается в зависимости

от поставленной задачи…" (Б.Раушенбах, "Геометрия картины и зрительное восприятие").

"Сегодня передачей объективного пространства на чертеже занимаются инженеры, а не художники, но так было далеко не всегда. Были культуры, которые рисунку предпочитали именно чертеж. Так как чертежи служили не для изготовления каких-либо деталей машин или сооружений, а были одним из видов изобразительного искусства, этот вариант художественного творчества уместно назвать "художественным черчением". Таким было, например, древнеегипетское изобразительное искусство…" (там же).

"Передача объективной формы некоторого тела с помощью трех проекций, широко применяемая сегодня в инженерном деле, не может быть использована в изобразительном искусстве, поскольку тогда каждый объект должен быть показан трижды, в разных местах плоскости изображения, в результате чего было бы потеряно главное - наглядность. Вместо художественного восприятия картины возникла бы потребность в логических сопоставлениях трех изображений, вместо эмоций - уточнение геометрических свойств изображенного. Поэтому обычные правила черчения в тех случаях, когда они используются для создания художественного произведения, должны быть дополнены тем, что допускается лишь однократное изображение каждого объекта (многократный его показ оправдан лишь в том случае, если таким образом передается процесс, обладающий некоторой протяженностью во времени)" (там же).

"Следует заметить, что техническое черчение, которым пользуются инженеры, тоже стремится к наглядности и краткости. Там, где это возможно, вместо трех проекций ограничиваются двумя, а очень часто (всегда, когда это возможно) и одной. Однако для сохранения нужной информативности одну такую проекцию дополняют целым рядом условностей, в том числе имеющих знаковый характер. Получается, что перед современным инженером и древнеегипетским художником фактически стояли одни и те же задачи (речь идет, конечно, не о создании художественного образа, а о методах изображения геометрии объективного пространства на плоскости картины). Можно предположить, что, решая одинаковые геометрические задачи, и современный инженер, и древнеегипетский художник пришли к одинаковым результатам, что их методы изображения однотипны. Сравнительный анализ методов, применяемых древними египтянами и современными инженерами, убеждает в их поразительном сходстве, почти полном совпадении" (там же).

"[метод ортогональных проекций, используемый в черчении] рекомендует вполне определенное положение изображаемого объекта относительно плоскости изображения: такое, при котором наиболее полно передаются его характерные геометрические особенности. В древнеегипетском искусстве это стало основным правилом. Обычно при изображении фигур человека и животных выбирается вид сбоку. Это действительно наиболее информативная проекция, ведь при виде спереди стоящий и идущий были бы неотличимы. В то же время убитые враги, лежащие на земле, показываются с использованием вида сверху, то есть тоже в наиболее характерной проекции. Сказанное наблюдается и при изображении растений, предметов и т.п." (там же).

"Если одна проекция некоторой детали не дает достаточно полного представления о ней, а показ второй проекции представляется известным излишеством, то в техническом черчении прибегают к условному приему: например, вся деталь показана спереди, а одна из ее частей в условном повороте сбоку. Так происходит условное совмещение двух проекций на одном изображении… Именно этот вполне узаконенный в техническом черчении прием использовали древнеегипетские художники при изображении человеческой фигуры. В ней основным направлением проецирования является вид сбоку, однако плечи передаются так, как будто это вид спереди. Такое "странное" изображение человеческих фигур в рамках черчения вполне допустимо и разумно. Хотя этот способ и был самым распространенным, он не был абсолютно обязательным. Если изображалась трудовая деятельность человека (пахарь, ведущий близко сдвинутыми руками плуг; арфист; матрос, взбирающийся по канату)

и разворот плеч был неуместен, его и не показывали. Точно так же, как и на чертеже можно ограничиться одной проекцией детали, если этого достаточно" (там же).

"Другим важным следствием изображения с использованием этого метода [метода ортогональных проекций] является независимость размеров объекта на плоскости изображения от расстояния до него. Эта особенность древнеегипетской живописи столь хорошо известна, что не требует дополнительного комментария. Существенным представляется то, что теперь она получает естественное истолкование в рамках чертежных методов" (там же).

"Если при изображении тех или иных фигур можно говорить об известной свободе художника (он сам выбирает вид проекции), то изображение земли, на которой стоят эти фигуры, подчинено требованиям, носящим уже обязательный характер. Землю можно показать лишь в плане - при видах спереди и сбоку земная поверхность от самого переднего плана и до горизонта проецируется в линию, и фигуры людей и животных как бы стоят на горизонте. В результате в древнеегипетской живописи поверхность земли (если это не план) изображается в виде четкой, обычно прямой горизонтальной линии, которую мы далее будем называть опорной. Эта линия обретает рациональный смысл лишь в системе ортогональных проекций, в качестве боковой проекции горизонтальной поверхности земли" (там же).

"Обязательный способ изображения земной поверхности приводит к своеобразному решению проблемы пространственности. Если надо передать неглубокое пространство, то из всех известных признаком глубины используется единственный воспроизводимый на чертеже - перекрывание (близкий предмет заслоняет собою дальний). Если необходимо показать глубокое пространство, то в этом случае нет другого способа передачи глубины, кроме обращения к плану. Лишь с помощью плана можно показать такие образования на поверхности земли, как река или пруд, - все то, что при любой боковой проекции слилось бы с опорной линией" (там же).

"Неизбежность передачи глубокого пространства только сверху, в плане, приводит к своеобразному способу передачи расположенных в таком пространстве предметов, людей или животных. Поместив объекты изображения там, где они должны быть на плане, художник затем как бы поворачивает их, дает их облик при виде сбоку (или спереди), то есть в разрешенном правилами черчения уловном повороте. Тогда на картине более удаленное оказывается показанным выше близкого. Так возникает "египетский" способ передачи тел, расположенных в глубину: их показывают друг над другом (без уменьшения размеров удаленных объектов - следствие ортогональности проецирования)" (там же).

"Разрезы имеют целью увеличение информативности изображения. Их использование в техническом черчении общепринято… В древнеегипетском искусстве разрезы используются не менее часто и имеют ту же цель - увеличение информативности. Корзина, наполненная плодами, может быть показана древнеегипетским художником в разрезе, чтобы было ясно, чем она наполнена. Показывая птицеловов, которые несут свою добычу в клетках, художник изображает сами клетки в разрезе, чтобы относительного содержимого клеток ни у кого не могло возникнуть никакого сомнения. Известно даже изображение трехэтажного дома в разрезе, с показанными лестничными маршами, перекрытиями и многими другими конструктивными деталями" (там же).

"…разрезы - это типично чертежный прием, причиной которого является стремление к передаче некоторых невидимых качеств изображаемого предмета. Он немыслим в рисунке, при передаче зрительного восприятия внешнего мира" (там же).

"В древнеегипетской живописи разномасштабность тоже широко использовалась. Она оказалась очень удобной для того, чтобы увеличить информативность, улучшить композицию и передать иерархические представления… Так, например, в связи с задачами изображения

художник делает воинов непомерно большими по сравнению с крепостью, около которой идет сражение; птицы, сидящие на ветвях дерева, нередко настолько огромны, что непонятно, как их удерживают ветви (но зато можно увидеть каждое перышко и даже определить принадлежность птиц к тому или иному виду)" (там же).

"…применение различных знаков - совершенно законное и широко используемое средство при изготовлении чертежей. Древнеегипетское изобразительное искусство буквально насыщено аналогичным применением знаков" (там же).

"При передаче облика идущего человека, когда видны расставленные на ширину шага ступни, обе они нередко показываются со стороны большого пальца. Совершенно очевидно, что такое изображение абсурдно, ведь теперь оказывается, что у человека как бы две левые (или две правые) ноги, но если допустить, что художник передавал здесь не внешний вид, а знаки ног, оно становится понятным. Ведь со знаковой точки зрения обе ноги совершенно эквивалентны, у них одинаковые функции и поэтому допустимо и одинаковое их изображение. Также и глаза. На лице, изображенном при виде сбоку, их показывают спереди. Это тоже, несомненно, знак глаза, причем передающий наиболее существенные его особенности наиболее выразительным способом" (там же).

"Изображая пруд, древнеегипетский художник использует серию условно-геометрических "волн", чтобы стало ясно, что пруд наполнен водой. Это знак воды: точно так же передается вода реки, по так показанной воде плывут корабли, такой же волнообразной парой линий передается струя воды, текущая из сосуда. Рыбы и подводные животные в водоеме нередко изображаются на знаковом изображении воды тоже лишь как знаки обитателей подводного мира. Важным качеством знака, которое хорошо иллюстрируется приведенными примерами, является то, что знак воды всегда один и тот же, где бы ни появлялась необходимость ее изображения, что вполне естественно для знака: чтобы быть всегда легкоузнаваемым, он должен быть одним и тем же, должен быть стандартизирован, как и любая другая чертежно-знаковая условность" (там же).

"Произведенное сопоставление древнеегипетского способа передачи объективного пространства и современного технического черчения показало их полную изоморфность (совпадающую структуру). И это несмотря на то, что в одном случае перед нами произведение искусства; а в другом - скучная производственная документация. Общими для них являются, конечно, лишь геометрические методы передачи объективного пространства на плоскости изображения. Эта изоморфность дает основание назвать древнеегипетское изобразительное искусство художественным черчением. Образно говоря, создается впечатление, что древнеегипетский художник, прежде чем приняться за работу, внимательно изучал современные промышленные стандарты на изготовление чертежей и строго следовал их правилам, нигде не ошибаясь. Необходимо, правда, признать, что древнеегипетскому мастеру приходилось чаще, чем современному инженеру, прибегать к чертежным условностям, ведь в отличие от инженера он не имел возможности одновременно использовать две или три проекции" (там же).

"Чертеж и перспективное изображение - это два полярных, но одинаково разумных и правильных способа изображения. И древнеегипетское искусство надо рассматривать с позиций чертежных, а не перспективных методов изображения. Если встать на эту точку зрения, то неизбежно приходишь к выводу об абсолютном совершенстве древнеегипетского изобразительного искусства. Современное промышленное черчение прошло длинный путь развития, над его становлением и обоснованием работали выдающиеся математики и тысячи инженеров. Сегодня это - давно устоявшаяся область знания, и ее дальнейшее улучшение практически исключено; она уже больше не развивается, стало быть, достигнут предел возможного. Но тогда и изоморфное древнеегипетское изобразительное искусство - тоже предел совершенства, и улучшить его геометрическую структуру невозможно (если продолжать ставить перед собой цель - передать геометрию объективного пространства).

Египетское изобразительное искусство достигло этого уровня зрелости в эпоху Древнего царства, что, может быть, является одной из причин бросающейся в глаза неизменности, традиционности древнеегипетской живописи на протяжении почти трех тысячелетий. Ведь если достигнут предел совершенства, то дальнейшее улучшение уже невозможно, а поэтому и попытки изменений становятся неразумными" (там же).

Раушенбах делает весьма примечательный вывод: конкретная форма изображения зависит от цели (!) художника. Целью же современного черчения является передача объективной информации о реальном предмете. Аналогичное стремление явно прослеживается и у древнеегипетских художников.

"Несколько слов и о такой характерной черте древнеегипетской живописи и рельефа, как их плоскостной характер. На него уже давно обращено внимание исследователей: плоскостность представляется одной из наиболее важных особенностей древнеегипетского изобразительного искусства. Остается непонятным, зачем она древнеегипетскому художнику, ведь одновременно он создавал и круглую скульптуру. Сейчас мы можем утверждать, что плоскостность не является специфической чертой древнеегипетского искусства. Плоскостной характер имеет вовсе не древнеегипетская живопись, а любой чертеж, в том числе, конечно, и египетский художественный чертеж. Следовательно, для древнеегипетского искусства плоскостной характер - не самоцель, а фатальная неизбежность, возникающая при передаче геометрии объективного пространства путем обращения к черчению. Иллюзия пространственности глубоко чужда любому чертежу. Назначение чертежа - передача точных, объективных данных об изображаемом, и какие-либо иллюзии здесь совершенно излишни: когда стремишься к передаче объективной информации, неуместно апеллировать к иллюзиям " (там же).

"…на ранних стадиях развития общества человек ощущал себя частью природы, его эгоцентризм еще не возобладал, и лишь много позже верх взяло ощущение собственной самобытности. Тогда он поделил весь мир на две части: "я" и "все остальное". Тогда стало естественным субъективное восприятие, субъективное пространство, а следовательно, и рисунок. В предшествующее время царствовало не субъективное восприятие "я", а объективное, лишенное центра, восприятие "мы", которому соответствует совершенно объективное изображение - чертеж. Ведь у множества людей, смотрящих на некоторый предмет, разные точки зрения, а значит, и ракурсы, удаления и т.д. Общей для все является только объективная форма предмета. Поэтому чертеж и предпочитался - как одинаково правильное для всех изображение" (там же).

И тут мы сталкиваемся с совершенно несуразным несоответствием: с одной стороны - явно выраженное стремление к достижению наиболее адекватного отображения реального мира; с другой - расцвет мифологии, которую современная официальная наука относит к иллюзии, т.е. прямой противоположности адекватному отображению реальности.

И это - далеко не последняя несуразность…

"Важное значение имеет сугубо консервативная установка. Ритуал всегда основан на предписании, которое либо прямо передано тотемом, либо установлено по мистическим и потому принудительным соображениям. Любое отклонение от этих предписаний обусловливает неуспех ритуальных действий. Аналогично обстоит дело и в случае социальных отношений. Необходимо понять, что магическая церемония или культовое действие являются элементами социальной жизни, оказывающими огромное объединяющее воздействие. На их фоне особенно рельефно выступает принуждающая сила норм и действующих правил и тем самым стабилизируется то, что сохраняет свою полезность или выдается за полезное" (Ф.Кликс "Пробуждающееся мышление").

Но ведь сильная роль консервативности противоречит версии фантастичности мифов!..

Фантазия несовместима с консерватизмом. Ей нужен простор, свобода. Каким же образом можно сочетать консерватизм ритуалов и фантастичность мифов, которые были теснейшим образом связаны с ритуалами?.. Более того, как можно сочетать фантазию мифов с сильнейшим консервативностью по отношению к тем же самым мифам, которые сохраняются без изменения на протяжении тысячелетий!..

Явное бессилие теории "мифологического мышления" в объяснении этих противоречий (как и многих иных) заставляет исследователей выдвигать новые теории. Мы не будем заниматься здесь их анализом и переадресуем интересующихся к соответствующей литературе, среди которой можно выделить, например, работу В.Р.Кабо "Происхождение религии: история проблемы" с кратким, но емким анализом разных направлений.

Нас же здесь в первую очередь будет интересовать следующий вывод.

Все многочисленные теории в попытках объяснить возникновение различных форм первобытных обрядов и представлений при всем разнообразии теорий придерживаются одной-единственной линии, относя эти первобытные обряды и представления именно к ранним формам религии!.. Соответственно, и вся древняя мифология анализируется исключительно с точки зрения отнесения ее в разряд либо "божественного откровения", либо иллюзий и заблуждений, порожденных в условиях слабо развитого сознания. Никаких иных версий исследователи просто не допускают!..

Любопытно, что довольно значительная группа исследователей настаивает на том, что изучение представлений и образа жизни первобытных народов обязательно должно проводиться с максимально возможным учетом культурного контекста этих первобытных народов. Однако даже признавая эту необходимость, эти же исследователи обходят молчанием тот факт, что во всех первобытных обществах древняя мифология воспринимается исключительно в качестве описания реальных (!) событий, имевших место в прошлом!.. Данный факт полностью игнорируется: нет ни одной (!!!) научной теории, которая хотя бы попыталась допустить реалистичность мифов!..

(Например, цитированный нами Кликс доходит до признания, что за мифологией стоит стремление к познанию реального мира, но дальше этого рубежа не идет, - не пускает первичная установка на фантастичность мифов…)

Почему же столь устойчив такой явно предвзятый подход?..

Неужели все дело лишь в сильной фантастичности (и непривычности для нас) некоторых персонажей мифологии и их способностей?..

Однако стоит только всего лишь допустить на мгновение возможность реалистичности мифологии, как оказывается, что древние мифы не столь уж и фантастичны. Например, целый ряд особенностей внешнего облика и поведения древних антропоморфных богов вполне удается увязать с современным научным знанием в логически непротиворечивое единое целое (см. работу автора "Какова ты, родина богов?.."). И даже экзотические образы Змиев-Драконов в древней мифологии, как оказывается, могут иметь за собой вполне реально существовавшие прототипы (см. работу автора "Введение в Драконографию")!..

Только для того, чтобы увидеть за древней мифологией не полную выдумку, а вполне логически стройное и непротиворечивое отражение реальности, нужно сделать еще один "маленький" шажок: нужно допустить возможность существования более развитых цивилизаций и их контактов с нашими древними предками. Настолько ли уж фантастична гипотеза о существовании таких цивилизаций?.. Отнюдь не более (!!!), чем гипотеза об уникальности цивилизации на планете Земля во всей Вселенной!..

Почему же мы видим массу гипотез об особенностях примитивного мышления, породившего

якобы иллюзорные мифы, и всего лишь одну единственную гипотезу в подходе к истории нашей цивилизации?.. Откуда такая узость взгляда?..

Ответ автору видится в двух сугубо субъективных причинах.

"Боги жили когда-то в своей сверхчеловеческой силе и красоте на вершинах гор, одетых в снега, в темноте пещер, лесов и морей. Позже они слились в одного Бога, а затем этот Бог стал человеком. Но в наше время боги собраны в лоне обычного индивида: они столь же могущественны и вызывают прежний трепет, несмотря на самое новое облачение - они сделались так называемыми психическими функциями" (К.-Г.Юнг, "Психология и религия").

Ах, как это льстит человеческому самолюбию и самомнению!.. Ведь именно ОН выдумал этих богов. Следовательно, ОН выше них!.. Вот и аффективно-эмоциональная подоплека успеха теории "мифологического сознания". Вот и первая субъективная причина…

И тут вдруг предлагается признать факт не просто существования инопланетной высокоразвитой цивилизации, но и ее активного вмешательства в жизнь человечества!.. Возмутительно!..

Но не напоминает ли это уважаемому читателю историю с системами Птолемея и Коперника?.. Не пора ли человечеству и в этом вопросе уже перестать воспринимать себя "вершиной эволюции" и пупом мироздания?.. Не пора ли признать, что наша цивилизация - далеко не единственная и не предел развития на вполне обычной планете, вращающейся вокруг заурядной звезды на окраине рядовой галактики?!.

Да. Признать это не просто. И гораздо сложнее, чем лишь теоретически предположить возможность разума где-то во Вселенной помимо Земли!.. Здесь речь уже идет непосредственно о НАШЕЙ жизни!..

Более того, данная проблема далеко выходит за рамки простого признания факта произошедших событий. Ведь если в нашу жизнь вмешивалась инопланетная цивилизация в далеком прошлом, то глупо было бы отрицать возможность такого вмешательства и в реальном настоящем!..

А это выводит нас на новый спектр вопросов и принципиально иной подход к жизни в целом. Каким может быть это вмешательство?.. С какими целями?.. И чем это для нас чревато?.. Только лишь "благом"?..

Мы прекрасно знаем, чем обернулись "блага" цивилизации, которые принесла эпоха Великих географических открытий многочисленным народам других континентов. Они либо исчезли с лица Земли, либо вынуждены были потерять свою самобытность, уйти с собственного пути развития…

Что?.. Страшно от возможной перспективы?..

В нашу жизнь вмешивались инопланетяне. Какой ужас! - часто встречающаяся реакция… Какой ужас! - кричал Юнг, исследовавший подсознание… Вот и вторая субъективная причина…

Но, что, собственно, страшного как в одном, так и в другом?!. Эмоции вообще не могут быть критерием объективного существования факта: он просто есть!..

В итоге оказывается, что вместо неких мифических "страхов" примитивного человека перед окружающим и внутренним миром, якобы породивших иллюзии древней мифологии, мы имеем дело просто… со страхами современных исследователей!.. Прячась от этих страхов, современная наука и придумала собственный миф о "мифологическом сознании"!.. Только

миф - уже в полном современном смысле этого слова.